

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Тулузская свадьба

II

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

2 том. Тулузская свадьба. Анн Голон

Время действия 1656 - 1659 гг. Места действия: дорога Пуату - Лангедок, Тулуза, Беарн. С точки зрения сюжетной линии соответствует главе «Тулузская свадьба» романа «Анжелика».

Второй том «Тулузская свадьба» по содержанию в основном соответствует второй части старого первого тома: время действия Тулуза 1656-1659. В новом томе есть добавления и перестановки в сюжете. Две основные темы, получившие развитие в новом томе, это история рождения любви Анжелики и Жоффрея де Пейрака и Франция XVII века. Создавая фон, где действуют главные герои книги, Анн Голон больше внимания уделила истории Лангедока, а также его обычаям и быту, родной провинции графа Жоффрея де Пейрака. Добавление и небольшие перестановки по ходу действия связанные с историей главных героев, вставлены Анн Голон не столько, чтобы что-то кардинально изменить в основной сюжетной линии, сколько чтобы лучше раскрыть характеры героев, их переживания, надежды или страхи. По сравнению со старой версией, более детально выписан характер Жоффрея де Пейрака, а также его чувства к Анжелике. Основные изменения и дополнения: переставлены местами сцена в беседке и приезд епископа; новые

эпизоды: обсерватория графа де Пейрака и визит Анжелики, отъезд Жоффрея де Пейрака в Париж после сцены в беседке, сцена с другом Жоффрея де Пейрака, Фабрициусом, дополнены история рождения Флоримона и эпизоды семейной жизни Анжелики и Жоффрея в Беарне.

- [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
-

Часть первая
Проданная невеста

Глава 1

1656

Анжелика вместе с камеристкой Марго и маркизом д'Андижосом ехала в карете с мягкими подушками и чехлами из роскошной ткани, но оценить эти непривычные удобства она была не в силах. Ночью ей не удалось сомкнуть глаз. После сцены в сарае она долго сидела за праздничным столом, отвечая тем гостям, которые еще могли стоять на ногах и подойти к ней, чтобы поздравить с радостным событием или попрощаться. Когда она наконец вернулась в замок, времени хватило только на то, чтобы переодеться, а прилечь и немного отдохнуть она не успела, так как час отъезда приближался.

Только побег мог спасти молодоженов от кошачьего концерта — старинного обычая местных жителей. Знатные южане решительно сбросили с себя хмельной сон, чтобы оседлать лошадей и созвать людей, готовясь отправиться в обратный путь.

Анжелика, все еще ошеломленная постыдной сценой с Николя, села в экипаж и простилась с родными, стоящими у дверцы.

Карета, запряженная четверкой крепких лошадей, трясась и скрипя, пересекла подъемный мост и, набрав скорость, помчалась в ватный туман, окутывавший темную деревню.

Анжелика не могла собраться с мыслями, зная, что навсегда покидает Монтелу. Внезапное воспоминание заставило вспыхнуть ее щеки. По вине старой, выжившей из ума тети Жанны Гийом Лютцен увидел, как она кувыркалась в сене со слугой. Это видение будило в ней одновременно стыд и гнев.

К тому же Анжелика испытывала почти болезненное чувство безысходности и, главное, провала. То, к чему она стремилась, подчинившись внезапному порыву, так и не произошло. Навязанный силой ужасный супруг получит ее нетронутой. Злость на тетю Жанну не оставляла ее.

«Злобная старая дура! Она хорошо рассчитала свой удар!»

Наступило утро, и Анжелика начала лучше осознавать происходящее.

Она уезжала. Она уезжала! Она оставляла Монтелу навсегда.

Но она еще не покинула родные края. Четыре кареты и две тяжелые повозки катились в направлении Ньора. Анжелике не верилось, что этот кортеж с лошадьми, форейторами, громкими криками и скрипящими колесами собран в ее честь. Казалось невероятным, что столько пыли поднялось из-за мадемуазель де Сансе, которая раньше не знала иного эскорта, кроме старого наемника, вооруженного пикой.

Челядь, лакеи, слуги, служанки и музыканты теснились на больших повозках вместе с багажом. Кортеж смуглых «детей» Юга двигался по залитой солнцем дороге среди цветущих фруктовых садов. Вместе с запахом навоза они оставляли после себя шлейф беспечности из смеха, песен и звона гитар. Они возвращались в свой жаркий полуденный край, наполненный запахами чеснока и вина.

Среди этой веселой компании только мэтр Клеман Тоннель сохранял серьезность. Нанятый распорядителем на неделю свадебных торжеств, он попросил подвезти его до Ньора, чтобы избежать дорожных расходов. В первый же вечер путешествия Клеман подошел к Анжелике и предложил оставить его на службе в качестве дворецкого или камердинера. Он рассказал, что служил в Париже у нескольких знатных

сеньоров, и назвал их имена. Однако пока он находился в Ньоре, откуда был родом и куда ездил, чтобы получить наследство своего отца-мясника, его последнее место оказалось занятым каким-то лакеем-интриганом. И теперь он искал честный и приличный дом, чтобы снова вернуться на службу. Клеман выглядел скромным и опытным слугой, чем завоевал расположение Маргариты. Она утверждала, что такой вышколенный новый слуга будет радостно принят в тулузском дворце. Мессир граф окружил себя самыми разными людьми всех цветов кожи, но все они были негодными слугами. Все нежились на солнце, а самым ленивым среди них был, безусловно, их управляющий Альфонсо.

Итак, Анжелика наняла мэтра Тоннеля. Она почему-то робела перед ним, но была благодарна за то, что он говорил как нормальный человек, без невыносимого акцента, который уже начинал ее сильно раздражать. В конце концов, этот пуатевинец, чопорный, услужливый, внимательный и любезный почти до раболепства, с которым она еще вчера была не знакома, вдали от дома будет напоминать ей о родной провинции.

В Ньоре, где они остановились на два дня, чтобы пополнить запасы, необходимые в долгой поездке, Анжелика присутствовала при погрузке бочек с отборными винами со знаменитого склада пристани Севр-Ньортез. Бочки погрузили на тележки, запряженные двумя приземистыми серыми в яблоках лошадьми местной породы, называемой пуатевинской, чьи достоинства некогда расхваливал Молин.

Лошади тронулись и быстрой рысью выехали на дорогу, по которой они накануне въехали в Ньор.

«Это утешительный подарок вашей семье», — объяснил ей радостный, как никогда, маркиз д'Андижос.

В тот момент, когда бочки отправились в Монтелу, где обитатели замка и их соседи будут смеяться и пить вино, поднимая тосты за ее здоровье, Анжелика поняла, что связь с родными прервалась навсегда.

Был ли отец среди неясных теней, прощавшихся с ней? Обняла ли она его? Самым мучительным в ее разрыве с прошлым было то, что она уезжала, затаив обиду на весь мир. Или скорее наоборот. Из-за невероятной несправедливости все оказались настроены против нее: кормилица, зловещие предупреждения которой Анжелика не захотела выслушивать до конца, старый Лютцен, возмущенный еще больше, чем возмутился бы ее собственный отец, узнай он о скандале, способном разрушить все его надежды! «Анжелика, ты никогда не изменишься!..» — сказал бы ей он.

А Пюльшери? И дети? Обняла ли она их?

Отныне она осталась одна.

Марго и служанки, стараясь развлечь и услужить, не оставляли ее ни на минуту, предупреждая малейшее желание, но она потеряла Монтелу.

Внимательный маркиз д'Андижос заметил, как Анжелика мрачно наблюдает за плоскодонками с болот, которые, поднимаясь вверх по реке, причаливали к пристани, и предположил, что она, наверное, предпочла бы добираться до южного края по воде, так же, как доставлялись деликатные товары. Но видит Бог, что и ее, графиню де Пейрак, по дороге в далекую Тулузу охраняли и оберегали ничуть не меньше, окружая всеми возможными удобствами!

Однако у обратного путешествия по морю было два препятствия.

Для начала, за землями Бордо и провинцией Сентонж мореплавателей ждал Гасконский залив^[1], известный своими бурями. Существовала и другая опасность — берберийские пираты из Алжира или с берегов Марокко. Их мало привлекал груз с вином или спиртом, ведь религия этих людей запрещала употребление алкоголя, но они были бы не прочь взять в плен молодую женщину, слухи о красоте которой уже начинали разноситься на крыльях ветра.

Именно поэтому граф де Пейрак настоятельно рекомендовал возвращаться по суше, по разбитым дорогам страны, где воюющие армии уже долгие годы не прекращали непрерывные скитания. Беспорядки Фронды едва улеглись.

— Но мы вооружены и умеем сражаться, — уверил Андижос, боясь напугать Анжелику.

Она соизволила улыбнуться, хотя и не слишком полагалась на заверения южанина. Что касается ее, она действительно предпочла бы добираться водным путем. Анжелике хотелось спуститься по «своей» реке, через «свои» болота, увидеть океан, который никогда не видела прежде, и подняться на судно, паруса которого полны ветра. Этот образ вызывал у нее мысли о побеге.

Анжелика не могла не думать о том, что случай позволит ей избежать ужасной участи.

Однако с наступлением дня, когда она снова заняла свое место в карете, ее конвой увеличился на четыре вооруженных пиками всадника, нанятых на случай возможных нежелательных встреч.

Как только Ньор, столица болотного края, с тяжелыми, черными как чугун башнями, остался позади, экипаж мадам де Пейрак окунулся в море света.

Дороги больше не казались такими ухабистыми и пыльными.

Часто сменяемые лошади шли хорошим ходом, и, казалось, им льстило внимание людей, которые, еще издали извещенные звуками рога, собирались поприветствовать кортеж поклонами и аплодисментами. Когда путешественники ехали медленно или делали привал, музыканты забирались на тележки и начинали маленький концерт, а между местными жителями и людьми из кортежа завязывалась беседа.

Анжелика не могла убежать. Все вокруг преследовало одну - единственную цель. И топот копыт, и мелькающие за окном поселки и деревни вели ее к этой цели. Они вели ее к ужасному хромому мужу по имени граф де Пейрак, который готовил колдовское любовное зелье!

Иногда, когда ее одолевал сон, Анжелика видела золотой ключ, которым она открывала комнату, заполненную трупами женщин, сошедших перед смертью с ума от колдовского наваждения. Когда она просыпалась, протест против брака, к которому ее вынудили, становился все сильнее. Этого не будет. Что-то обязательно должно помешать.

Однажды, поздним утром, караван остановился на пустынном перекрестке, все спешили и расположились кругом. Пейзаж изменился. Всюду виднелись виноградники.

— Жаль, — произнес кто-то, — что сезон не позволяет нам попробовать несколько прекрасных свежих розовых гроздей.

— Постойте! — крикнул Андижос. — Не следует забывать, что в этом краю виноград священен и за кражу одной виноградной кисти придется заплатить отрезанным ухом.

Вдалеке виднелись городские башни и колокольни.
Бордо!

Один из лакеев принес складное гобеленовое кресло и поставил его под большим деревом, бросавшим живительную тень на сверкающий от солнца перекресток.

— Садитесь, мадам.

Но у Анжелики не было желания сидеть. Она пыталась понять разговор д'Анджоса и его друзей, которые общались друг с другом только на южном диалекте.

— Мадам, мы должны съездить в город, — сказал ей Анджос. — Будьте терпеливы! Наши переговоры с властями могут занять несколько часов.

Собравшись в группу, окруженную двумя или тремя стрелками, всадники удалились.

Пользуясь случаем, чтобы размять ноги, Анжелика ходила взад-вперед, размышляя и обдумывая различные варианты. Она отвергла мысль вскочить на лошадь и умчаться прочь. Ее свита была многочисленной. Все они — слуги, фореиторы и охрана — окружали ее почтительным вниманием, и почти у всех были лошади, значит, погоня будет недолгой. Кроме того, она сознавала, что никто из них не понял бы ее поступка. Она шокировала и испугала бы их. Они посчитали бы ее сумасшедшей. Нет, подобное поведение недопустимо. Должен быть другой выход.

Она ходила взад-вперед, иногда бросая взгляд на город.

Бордо!

В ее памяти всплывали воспоминания.

В монастыре урсулинок аббатиса несколько раз в год принимала у себя знатных господ. Эти люди, по большей части ее родственники, приезжали, чтобы поделиться новостями и сообщить о происходящем вне монастырских стен, за которыми монахини и молодые

воспитанницы вели замкнутую жизнь, далекую от мирского шума и сражений.

После этих визитов аббатиса собирала старших. Она считала, что молодых девушек ожидает брак — если, конечно, будет на то воля Божья — с громкими фамилиями Франции и они должны быть в курсе тех событий, в которые их будущие мужья, без всякого сомнения, замешаны. И чем громче звучало имя, тем громче раздавался грохот орудий, замышлялись политические интриги и непростительные измены, которые могли омрачить их будущие свадьбы, ранее воображаемые лишь беспрепятственными, роскошными и — почему бы и нет? — в королевском присутствии. Надо отдать аббатисе должное: она не одобряла беспорядков Фронды.

Король — помазанник^[2] божий. А Людовик XIV, коронованный ребенок, настолько ожидаемый народом, что его называли Дьедонне^[3], как никто другой заслужил свой титул.

Для аббатисы любой, кто хотел оспорить королевский трон — будь он принц, парламент или народ, — заслуживал ада.

Но молодым благородным девушкам нужно знать все о войнах и смертоубийствах, ведь их будущие супруги, пожиная лавры в лагере противника, могли потом впасть в королевскую немилость. Лучше им быть предупрежденными заранее. Исход борьбы оставался неясным, и поэтому воспитанницам монастыря урсулинок сообщали названия всех восставших городов, среди которых не раз оказывался Бордо. Некогда английский город, Бордо все время стремился к свободе. Его размолвки с властью были многочисленны, и некоторым из них минуло не более десятка лет.

Маленький двенадцатилетний король плакал под крепостной стеной Бордо, где в осаде сидели беглецы

Конде и их брат Конти и откуда летел огонь канонады. Луи сказал одному из своих «менинов»^[4], который застал его утирающим слезы: «Ничего, когда-нибудь мы заставим этих наглецов вернуть нам награбленное!»

Анжелика сидела в кресле и пила чудесно освежающий лимонад. Она не отрывала взгляда от города за холмом, силуэт которого дрожал в солнечных лучах.

Именно там, в Бордо, скрывалась Анна-Женевьева де Лонгвиль, любимица своих братьев де Конде, вовлекшая их в восстание против короля, королевы-матери и самого Мазарини.

Анжелика улыбнулась внезапным воспоминаниям, она вспомнила визит маркиза дю Плесси-Бельера и его захватывающие рассказы. Он рассказывал о герцогине де Лонгвиль, синеглазой сирене Фронды, которую приветствовал парижский народ, когда она показывала с крыльца ратуши своего только что родившегося ребенка, получившего имя Шарль-Париж, потому что его крестными отцами стали члены Совета столицы.

Позже, укрывшись в Бордо, в окружении членов мятежного парламента, которых она пыталась очаровать, принцесса просила, чтобы ей доставили восьмую часть романа «Полександр»^[5], изданного в Париже, несмотря на продолжающиеся судороги гражданской войны.

Было бы не так уж и плохо на время стать пленницей жителей Бордо.

Время шло, и ожидание затягивалось. Солнце клонилось к закату.

Облако пыли возвестило о возвращении всадников. Анжелика переоделась, готовясь приветствовать мэтров Совета свободного города Бордо.

Но это оказался лишь Андижос и его друзья. Они спешили, обмениваясь дружескими тумаками. «Мы

были великолепно!» Вскоре появились две крытые тележки, запряженные мулами. Эти тележки везли свадебный подарок для графа де Пейрака — бочки и бочонки с арманьяком, также известным, как «живая вода».

Решительно, эти люди никогда не бывали серьезны!..

Анжелика испытала горькое разочарование. Все эти часы долгого ожидания ее не оставляла надежда стать пленницей мятежного города. По крайней мере, на некоторое время это бы ее устроило!.. Никто не смог бы упрекнуть ее в том, что она нарушила свое обещание выйти замуж за графа де Пейрака, данное управляющему Молину во имя спасения ее семьи.

Теперь ей казалось, что ничто не сможет остановить путешествие, которое неотвратно приближало ее к пугающему человеку, во власть которого она была отдана.

Ночь, проведенная в маленьком замке, где их никто не ждал, но где их встретили с большим гостеприимством, не приободрила Анжелику, хотя она и заставляла себя быть любезной с хозяевами. Во время ужина ее компаньоны оживленно рассказывали об уловках, к которым им пришлось прибегнуть, чтобы выманить из Бордо дары Бахуса, состоящие из шести прекрасных бочек вина и двух бочонков арманьяка, чем и объяснялось то, почему они отсутствовали так долго, а мадам де Пейрак оказалась так утомлена.

Но барон де ла Брэд и его жена, мирные мелкопоместные дворяне, оказались не очень избалованы светскими развлечениями и поэтому искренне радовались гостям. Это была еще довольно молодая пара, хотя и успевшая обзавестись несколькими детьми, в этот час мирно спавшими в больших постелях.

Они болтали о винах и виноградниках, пробовали блюда из дичи в соусах, приправленных различными травами: тимьяном, имбирем, базиликом.

Любезные хозяева замка принимали участие в общем веселье, но вели себя немного застенчиво с Анжеликой, и ей показалось, что время от времени они бросают на нее взгляды, полные недоумения или даже жалости. Маркиз д'Анджос объяснил их странное поведение, целуя Анжелике руку на пороге приготовленной для нее комнаты:

— Весть о свадьбе графа де Пейрака уже взволновала всю провинцию! Подумайте только! Господа де ла Брэд первыми увидели вас! Ваша красота их ослепила!.. И теперь они все поняли. Никто не ждал от этого человека такого... Брак!.. Он! Каждый спрашивал себя о причинах, которые могли толкнуть его на такой фатальный шаг. Но теперь все ясно! Причина — ваша красота.

Анжелика хотела все объяснить и рассказать о руднике Аржантьер, к которому ее красота не имела никакого отношения. Но затем решила: пусть провинция радуется истории, в которой она уже превратилась в легенду.

Она не могла больше убежать.

Теперь она ощущала утрату, потерю, неизбежность, приближение которой ничто не могло остановить. Анжелика чувствовала себя слабой, испуганной и подавленной.

Что-то изменилось.

Вскоре во время остановок Анжелика заметила, что люди больше не говорят по-французски.

— Просто мы пересекли границу, — объяснил ей маркиз д'Анджос самым что ни на есть естественным тоном.

Анжелика посмотрела на него с беспокойством.

Граница?! Ее увозили в Испанию? Молин не предупредил ее об этом. Увидев выражение лица Анжелики, Анджос поспешил ее успокоить:

— Ничего не бойтесь! Мы все еще во французском королевстве! Но это уже другая Франция.

— О чем Вы толкуете?

Страна, в которой правит Людовик XIV, разделена на две части?

Анджос согласился. Да, граница существует. Да, страна разделена надвое. И это началось еще в первые века христианства.

Анжелика спросила, где именно проходит граница.

— Очень сложно объяснить, — возразил маркиз.

Но Анжелика настаивала на ответе и объяснила ему, что, будучи в монастыре у урсулинок, она проявляла способности к географии. Означал ли его отказ то, что на самом деле он не знал расположения этой границы? Задетый за живое, маркиз приступил к рассказу, энергично жестикулируя.

Если взять за начало точку на берегу океана, немного ниже Ла-Рошели, граница сначала спустится вниз через провинцию Лимузен, а затем извилистыми тропами пройдет через гористую Овернь и центр королевства Франции, пересечет восточную оконечность Бургундии и недавно завоеванные районы Домб и Брес с их прудами и болотами и остановится на пороге Гельвеции, швейцарского государства...

— Зачем нужна невидимая граница, делящая Францию надвое и появившаяся, по всей вероятности, еще в древние времена? — спросила Анжелика.

Маркиз перевел дыхание и продолжил. Она обозначала разделение двух языков. Язык «ойль» — на Севере. Язык «ок» — на Юге^[6]. Но также существовало различие в обычном праве, которого придерживались люди по обе стороны этой витиеватой невидимой

границы. «Гражданское право», унаследованное от Римской империи, управляло на Юге. «Устное право», навязанное варварскими вторжениями, царило на Севере^[7].

— Вы можете не сомневаться, мадам, — заключил маркиз, широко улыбаясь, — что любой судебный процесс между этими двумя королевскими юрисдикциями ведет к войне. И в лучшем случае судебные процедуры длятся так долго, что процесс переходит по наследству.

Казалось, он находил это очень забавным.

Французы с той и с другой стороны защищали свои интересы, используя привычные для них законы. Андижос рассказал несколько анекдотов о судебных процессах, которые передавались от поколения к поколению.

Так Анжелика отметила еще один тревожный факт: она пересекла границу.

И ее семья теперь была с другой стороны. Пропасть между ними становилась все шире.

Пейзаж менялся.

По ходу путешествия холмы с ровными линиями виноградников стали чередоваться с полями, засаженными густыми высокими колосьями темно-зеленого цвета, напоминающими стройные армейские ряды. Полоски виноградников, полоски полей, сменяющиеся этими правильно расположенными зелеными рядами, через которые, точно сквозь решетку, проникали сияющие лучи солнца, мелькали под ярко-синим небом, утомляя глаза.

— Это кукуруза, — сказал Анжелике Андижос, понимая ее удивление при виде незнакомой культуры.

— «Индийская пшеница»? Как в Новом Свете?

— Здесь мы называем ее крупным просом или испанским просом.

Всегда готовый хвалить богатства своей провинции, он рассказал ей, что кукуруза выращивается везде — от Байонны до Тулузы, и прибыла она из Испании, а католические короли^[8] получили ее от американских кондотьеров вместе с «золотым яблоком», которое с некоторых пор называют томатом, и несколькими другими новыми плодами.

— Этот злак — лучший подарок Нового Света Старому. Народы Аквитании и Лангедока нашли в нем спасение от голода. А главное, крестьяне продают его более выгодно, чем другие злаки, пшеницу или ячмень, что приносит им достаток.

Удивительным образом эти открытия сотворили чудо, ведь даже не переплыв океан, который теперь лежал за границей непроходимых лесов Пуату, она пересекла достаточно границ, чтобы оказаться рядом с Новым Светом и насладиться его плодами.

В то время как на Севере широко раскрывали глаза от удивления, когда пастыри упоминали в своих рассказах «индийскую пшеницу», здесь, на Юге, дружбу с далекими американскими континентами завязали уже давно.

Дух Нового Света добавлял очарования краю, такому солнечному и такому изобильному!.. Это был Юг!..

Анжелика чувствовала, что с каждым днем она все сильнее погружается в чужую страну. Чужим был не только язык. Все было чужим! И все было другим! А она — она покинула свою родину.

Но пейзаж составляли не только чередующиеся ряды виноградников и кукурузы... Были еще и зеленые долины, полные плодоносящих деревьев, охраняемые

такими высокими горами, что они возносились в бесконечность, исчезая в далеком тумане, а за крутыми вершинами этих гор их опять ждала залитая солнцем долина, по которой лошади пускались вскачь в облаке пыли, чтобы внезапно вновь столкнуться с высокой преградой Пиренеев. Кареты с трудом преодолевали крутые тропинки, покрытые круглой галькой, точно такой же, как на дне горных пиренейских потоков, которые текли рядом среди сосен, буков, дубов и каштанов.

Анжелику укачивало, ей приходилось часто выходить, и она все время спрашивала себя, когда они доберутся до Тулузы.

— Тулуза там! — отвечал ей Андижос, указывая на восток. — С другой стороны границы.

— Еще одна граница?!

Он засмеялся и сказал, что на этот раз говорит о еще более прозрачной границе, где заканчивается мягкое влажное влияние Атлантики, идущее от берегов Гасконского залива на западе навстречу сухому и обжигающему дыханию, приходящему с древнего моря, *Nostra Mare, Nostra Madre*, нашего моря, нашей матери, голубого Средиземного моря, открытого другому заливу — Лионскому — легендарной колыбели человечества.

— Тулуза лежит в центре, меж двух морей, и она правит всеми ветрами. Знаете ли вы, мадам, что четыре века назад Тулузу называли третьим городом после Рима и Венеции...

Маркиз д'Андижос был счастлив, что может ответить на все ее вопросы. Про себя он не переставал удивляться молодой и красивой спутнице, которая интересовалась вещами, далекими от кокетства, и казалась при этом такой увлеченной. Анжелика действительно, сама того не замечая, увлеклась рассказами маркиза, но необъяснимая тревога вновь охватила ее.

Вблизи Беарна путешественники остановились во дворце мессира Антуана де Комона, маркиза де Пегилена графа де Лозена. Анжелика смотрела с удивлением, смешанным с любопытством, на молодого человека, ловкость и остроумие которого сделали его, по утверждению Андижоса, «любимчиком французского двора». Сам король, который всегда стремился выглядеть серьезным, не мог сопротивляться шуткам Пегилена и прыскал от смеха на заседаниях министров.

Теперь Пегилен оказался в своем имении, отлученный от двора из-за перешедших всякие границы дерзостей, которые он себе позволял в адрес Мазарини. Но он не выглядел огорченным и тотчас принялся рассказывать тысячи анекдотов о кардинале, который, как известно, был любимцем королевы.

Анжелика, не привыкшая к фривольному языку, принятому при королевском дворе, не понимала и половины того, о чем он рассказывал, и удивлялась, что можно так дерзко обсуждать столь могущественных людей.

Принесли фрукты, охлажденные напитки, вина.

Не переставая болтать, Пегилен кружил вокруг Анжелики, строя восхищенные гримасы.

В конце концов он воскликнул:

— Какая красивая марионетка!

И сразу же объяснил:

— Говорят, что для графа де Пейрака женщины — лишь марионетки, которых он дергает за веревочки, чтобы заставить танцевать... А что вы об этом думаете, мадам?

Она ответила, задетая за живое:

— Ну что ж, он увидит достойное представление! К тому же я люблю танцы!

Он разразился пронзительным смехом.

— А марионетка остроумна! Вот это новость!

Анджос на свой манер напомнил о приличиях, энергично ударив его тростью по спине:

— Достаточно, Пегилен, ваша дружба с королем не дает вам права грубить благородной даме.

Пегилен бросился к ногам Анжелики, рассыпаясь в тысячах извинений.

— Вы правы! Вы правы, причина моих речей — зависть! Ужасно, что такое сокровище предназначено для одного-единственного человека! И какого человека! Почему этот человек не я?

После того как его подняли на ноги, успокоили и ободрили, стало ясно, что его выходки были лишь комедией и фанфаронством, и он снова стал серьезным.

По правде говоря, объяснил он, его должность при дворе оказалась под угрозой из-за того, что он покинул его без позволения короля, который мог затаить на него обиду. Но, казалось, ничто не могло удержать его при известии о таком грандиозном и удивительном событии, как свадьба графа де Пейрака, сеньора Тулузы, властителя множества земель.

— Мадам, Юг — королевство, состоящее из множества других королевств, и у нас есть собственные короли, которым мы должны оказывать почтение.

— Вы еще не объясняли мне этого, мессир д'Анджос, — заметила Анжелика с легкой насмешкой.

— Один гасконец всегда поддержит другого гасконца в шутке. Но не слушайте эти речи, мадам, они очень опасны!..

Итак, визит оказался радостным и веселым, Анжелика хорошо отдохнула. Чтобы заслужить прощение, Лозен посвятил ее красоте стихотворный экспромт, который тут же с чувством и продекламировал. Слагать стихи по любому поводу было модным при дворе.

— Вы посетите королевский двор, не так ли, мадам? Обещайте мне. Я предупрежу короля заранее.

Провожая гостей, он воскликнул:

— Друзья мои, я спрашиваю себя, не сорвется ли Золотой голос королевства на самой высокой ноте?

Именно так Анжелика впервые услышала о Золотом голосе королевства.

— Это самый знаменитый певец Лангедока, — объяснили ей. — Со времен средневековых трубадуров Лангедок не знал никого, равного ему. Когда вы его услышите, мадам, вы не сможете устоять перед его чарами.

Они смеялись как безумные.

Анжелика старалась скрыть свое мрачное настроение от окружающих. Все они были приветливы, иногда даже развязны, но при этом дружелюбны.

Поездка продолжилась. Воздух обжигал, черепичные крыши и листья платанов приобрели цвет белого вина. Все, кого они встречали, пребывали в хорошем расположении духа. Но цель приближалась, и на сердце у Анжелики становилось все тяжелее.

Накануне приезда в Тулузу они остановились в одном из имений графа де Пейрака, светлом белокаменном дворце в стиле Ренессанс. Анжелика с удовольствием искупалась в выложенном мозаикой бассейне одного из залов. Долговязая Марго суетилась вокруг нее. Она боялась, что жара и дорожная пыль сделают еще темнее лицо ее хозяйки, теплый матовый цвет которого она втайне осуждала.

Марго растерла госпожу мазями и, велев лежать на кровати неподвижно, после энергичного массажа выщипала на ее теле все волосы. Анжелику не шокировал этот обычай, который прежде, когда римские бани находились в каждом городе, был в ходу даже среди народа. А теперь только молодые девушки из высшего общества подвергались этой процедуре. Считалось неприличным, если на теле дамы оставался даже малейший пушок. Однако Анжелика, чье тело

служанка с таким усердием старалась сделать совершенным, с ужасом думала о своей судьбе.

«Он меня не получит, — повторяла она. — Скорее я выброшусь из окна».

Но ничто уже не могло остановить этот безумный бег, этот вихрь, в который она была вовлечена.

На следующее утро, чувствуя себя совершенно разбитой, она в последний раз села в карету, которая через несколько часов должна была доставить ее в Тулузу. Маркиз д'Анджос занял место рядом с ней. Его усы были намажены так сильно, что казались нарисованными.

Анжелика внезапно схватила его за руку.

— Мессир д'Анджос! Я хотела бы, чтобы вы были моим настоящим супругом. Почему мой муж не вы? Я уже хорошо вас узнала. Вы мне очень нравитесь.

— Мадам, — ответил маркиз, галантно целуя ее руку, — вы делаете мне честь. Но не стройте иллюзий, основываясь на размере моего брюха. На самом деле я беден как церковная мышь, и без графа де Пейрака я остался бы в одной рубашке в моем разрушенном замке рядом с голубятней без голубей. Всем тем, что я имею, я обязан графу де Пейраку. Вы не должны ни о чем сожалеть. Ведь у него столько золота и прекрасных алмазов.

— Мне не нужны золото и алмазы. Вы не понимаете! Я боюсь!

— Вы боитесь? — повторил он вслед за ней. — Но чего именно вы боитесь, сердце мое?

Она не ответила и, откинувшись на сиденье, прислонилась лбом к пыльному стеклу, кусая губы, стараясь не заплакать.

Озадаченный и горящий желанием помочь, он решил, что причиной ее испуга была стыдливость.

— Не бойтесь, моя маленькая птичка, — сказал он жизнерадостно. — Все женщины во все времена

должны пройти через это. Здесь не обойтись без небольшого крика, но вскоре раздается другая мелодия. И граф, ваш супруг, мастер наслаждения. Поверьте, в Тулузском графстве сегодня множество прекрасных глаз будут лить слезы и испепелять вас завистливыми взглядами.

Но она не слушала его больше.

Вот уже несколько минут, как она заметила, что фореитор придерживает лошадей. Толпа пеших и всадников преграждала им дорогу. Когда карета остановилась, стали отчетливо слышны пение и крики, которым вторил ритмичный бой тамбуринов.

— Святой Северен! — воскликнул маркиз, вскочив с места. — Клянусь, это ваш супруг выехал нам навстречу.

— Уже!

Анжелика почувствовала, что бледнеет. Пажи распахнули перед ней дверцы кареты. Ей ничего не оставалось, как выйти на пыльную дорогу, прямо под неумолимое солнце. Небо было цвета темной лазури. Кукурузные поля по обе стороны дороги дышали жаром. Переливающиеся звуки фарандолы становились все ближе. Множество детей, одетых в необычные костюмы с рисунком в крупные красные и зеленые ромбы, прыгали, делая ошеломляющие кульбиты, и налетали прямо на лошадей с всадниками, также одетыми в причудливые ливреи из розового атласа и шляпы с белыми плюмажами.

— Властелины любви! Итальянские комедианты! — ликовал маркиз, размахивая руками с энтузиазмом, опасным для окружающих. — Ах, Тулуза, Тулуза!..

Толпа расступилась. Из нее вышел, неуклюже раскачиваясь, высокий мужчина, одетый в пурпурный бархат и опирающийся на трость из эбенового дерева.

По мере того как он приближался, все яснее вырисовывалось его лицо в обрамлении огромного

черного парика, такое же неприятное, как его походка. Два глубоких шрама пересекали висок и левую щеку, наполовину закрывая веко. Губы резко выделялись на чисто выбритом, вопреки моде, лице, делая его еще более странным.

«Пусть это будет не он, — молила Анжелика. — Боже мой, сделай так, чтобы это был не он!»

— Ваш супруг, граф де Пейрак, мадам, — произнес рядом с ней маркиз д'Андижос.

Глава 2

Анжелика присела в заученном реверансе. Ее отчаявшийся ум отмечал какие-то нелепые детали: банты на туфлях графа, усыпанные бриллиантами; каблуки, один немного выше другого, чтобы слегка уменьшить хромоту; чулки с искусно вышитыми шелковыми нитями стрелками, роскошный костюм, шпагу, великолепный воротник из белоснежных кружев.

Он заговорил с ней, она что-то ответила невпопад. От дробы тамбуринов и пронзительно щемящих звуков труб у Анжелики шла кругом голова. Когда она вновь села в карету, огромный букет роз и несколько букетиков фиалок упали ей на колени.

— Цветы, или «источник радости», — сказал чей-то голос, — царят в Тулузе...

Анжелика заметила, что уже не маркиз д'Андижос, а тот, другой, сидит с ней рядом, и, чтобы не видеть его лица, склонилась к цветам.

Вскоре показался город, оцетинившийся башнями и красными колокольнями. Кортёж пробирался сквозь узкие улочки, сквозь глубокие темные переулки, в которых застыли пурпурные лучи света. Во дворце графа де Пейрака Анжелику быстро переодели в великолепное белое бархатное платье, украшенное вставками из белоснежного атласа. Застежки и банты на платье были инкрустированы бриллиантами. Анжелика умирала от жажды, и, наряжая ее, горничные подавали ей ледяные напитки.

В полдень под перезвон колоколов кортеж направился к собору, где на паперти новобрачных ожидал сам архиепископ.

После завершения обряда венчания Анжелика, по обычаю высшей знати, в одиночестве прошла по главному нефу ^[9] собора.

Хромой сеньор шел впереди, и его длинная раскачивающаяся фигура в красном вдруг показалась ей такой же неуместной под окутанными ладаном сводами собора, как если бы здесь появился сам дьявол.

Анжелика вышла из храма, и ей почудилось, что на праздник собрался весь город. Она никак не могла поверить, что это ее свадьба с графом де Пейраком вызвала столько шума. Невольно юная графиня искала глазами зрелище, которое заставляло толпу так радостно улыбаться и прыгать от восторга. Но все смотрели только на нее, и именно ей кланялись сеньоры с пылкими взглядами и роскошно одетые дамы.

Из собора во дворец новобрачные возвращались верхом на лошадях, покрытых великолепными попонами. Их путь вдоль берега Гаронны был усыпан цветами, но всадники в розовых одеждах, которых маркиз д'Анджос назвал «властелинами любви», продолжали, не переставая, высыпать на дорогу полные корзины лепестков...

Слева от них искрилась золотыми бликами река, а лодочники в барках выкрикивали громкие приветствия.

Анжелика заметила, что невольно улыбается: ее пьянили голубое небо и аромат раздавленных цветов. Неожиданно она едва не закричала — ее сопровождали маленькие пажи с лицами цвета лакрицы^[10]. Сначала она решила, что они в масках, и только теперь поняла, что их кожа на самом деле черная. Анжелика впервые увидела мавров. Нет, решительно все происходящее с ней мало походило на реальность. Она чувствовала себя очень одинокой, словно во власти неясного сна, который, проснувшись, она едва ли вспомнит.

В лучах солнца Анжелика по-прежнему видела обезображенный профиль мужчины, которого отныне называли ее мужем и которого бурно приветствовал народ.

Золотые монетки со звоном падали на булыжную мостовую — пажы бросали их в толпу, — и люди дрались за них в дорожной пыли.

Перед воротами дворца били фонтаны вина, чтобы каждый прохожий мог выпить за новобрачных, а в его тенистых садах были расставлены длинные белые столы, за которыми разместились благородные сеньоры и именитые горожане.

Анжелика сидела между архиепископом и человеком в красном. Она не могла заставить себя съесть хотя бы кусочек и только смотрела на нескончаемую вереницу слуг с подносами: куропатки в глиняных горшочках, филе утки, рябчики с изюмом, жареные перепела, форель, крольчата, разнообразные салаты, рубец ягненка, гусиная печень сменяли друг друга. На десерт подали несметное количество сладостей: пирожки с персиками и запеченными сливками, множество сортов варенья, медовые пирожные, пирамиды фруктов высотой с арапчат, которые их разносили. Вина всех оттенков, от темно-красного до светло-золотистого, следовали одно за другим.

Анжелика заметила рядом со своей тарелкой странный предмет, похожий на маленькие золотые вилы. Посмотрев вокруг, она увидела, что большинство гостей использует их для того, чтобы наколоть мясо и поднести его ко рту. Она попробовала проделать то же самое, но после нескольких безуспешных попыток предпочла воспользоваться ложкой, которую ей оставили, увидев, что она не умеет пользоваться этим любопытным маленьким приспособлением, которое все

называли вилкой^[11]. Этот нелепый случай еще больше расстроил Анжелику.

Нет ничего тягостнее, чем веселиться на празднике, к которому не лежит душа. Оцепенев от ужаса и гнева, Анжелика была измучена шумом и изобилием. Но, гордая от природы, она скрывала все свои чувства, улыбалась и находила любезное слово для каждого. Железная дисциплина монастыря урсулинок приучила ее держать спину прямо и сохранять великолепную осанку, несмотря на усталость. Единственное, что она была не в силах сделать, — это повернуться к графу де Пейраку, и, понимая, что подобное поведение может показаться странным, она перенесла все свое внимание на соседа с другой стороны, на архиепископа — очень красивого мужчину лет сорока. У него был цветущий вид, вкрадчивые манеры, светский лоск и холодные голубые глаза.

Казалось, что он один из всех присутствующих не разделяет всеобщего веселья.

— Какое изобилие! Какое изобилие! — вздыхал он, обводя взглядом столы. — Когда я думаю о бедняках, которые каждый день собираются у ворот архиепископства, о больных, нуждающихся в уходе, о детях еретиков, которых из-за недостатка денег мы не можем вырвать из их пагубной веры, мое сердце разрывается. Занимаетесь ли вы благотворительностью, дочь моя?

— Я только что из монастыря, монсеньор. Но я буду счастлива посвятить себя своему приходу под вашим покровительством.

Архиепископ обратил на нее проницательный взгляд, на его губах промелькнула улыбка, но он тут же снова принял высокомерный вид, выпятив полный подбородок.

— Я благодарю вас за ваше послушание, дочь моя, но я знаю, что в жизни молодой хозяйки дома появляются новые хлопоты, которые занимают все ее внимание. Я не буду отрывать вас от ваших обязанностей, пока вы сами не изъявите такого желанья. Ведь самое главное призвание жены, которому она должна посвятить все свои заботы, заключается в том, чтобы обрести влияние на образ мыслей мужа, не правда ли? В наши дни любящая и умная женщина без труда сможет завладеть всеми помыслами мужчины.

Он склонился к ней, и не тронутые огранкой драгоценные камни его епископского креста вспыхнули сиреневым огнем.

— Женщина может все, — повторил он, — но между нами, мадам, вы выбрали себе весьма странного мужа...

«Я выбрала... — подумала Анжелика с иронией. — Видел ли мой отец хотя бы раз своего будущего зятя? Вряд ли... Отец искренне любит меня и ни за что на свете не пожелал бы сделать меня несчастной. Просто для него мое счастье заключается в богатстве, а для меня — в любви. Сестра Анна в который раз повторила бы мне, что нельзя быть такой романтичной... По-видимому, архиепископ отнесся ко мне благосклонно. Интересно, не с людьми ли из его свиты дрались пажы графа де Пейрака перед собором?»

Между тем удушливая дневная жара спала и сменилась вечерней прохладой. Скоро начнется бал. Анжелика вздохнула.

«Я буду танцевать всю ночь, — твердила она себе, — но ни за что на свете не соглашусь даже на мгновение остаться с ним наедине...»

Она бросила нервный взгляд на того, кто отныне был ее мужем. Каждый раз, когда она смотрела на него и видела изуродованное шрамами лицо, на котором сверкали черные как уголь глаза, ей становилось не по

себе. Из-за шрама его левое веко было слегка прикрыто, что придавало лицу графа выражение злой иронии...

Откинувшись на спинку обитого вышитой тканью кресла, Жоффрей де Пейрак только что поднес ко рту какую-то маленькую коричневую палочку. Слуга поторопился принести в щипцах раскаленный уголек и приложил его к концу палочки.

— Ах, граф, вы подаете недостойный пример! — воскликнул архиепископ, хмуря брови. — Я уверен, что табак — адская пряность. Я еще допускаю, что его можно употреблять в порошке, по совету врача, и с одной целью — излечить нервные расстройства. Однако я иду на эту уступку скрепя сердце, ибо мне кажется, что под предлогом болезни табак нюхают слишком часто, находя в подобном занятии нездоровое удовольствие и прибегая к нему по любому поводу. А те курильщики трубок, что часами просиживают в тавернах, одурманивая себя проклятым растением, и вовсе опустившиеся люди. Но до сегодняшнего дня я никогда не слышал, чтобы дворянин употреблял табак столь непристойным способом.

— У меня нет трубки, и я не нюхаю табак. Я курю табачные листья, свернутые таким образом, как, я видел, это делают некоторые дикари в Америке. Никто не может обвинить меня, что я вульгарен, как мушкетер, или жеманен, точно придворный щеголь...

— Если есть два способа сделать что-либо, вы всегда будете искать третий, — раздраженно сказал архиепископ. — К тому же я только что заметил другую вашу странную привычку. Вы не кладете в ваш кубок ни жабий камень, ни кусочек рога единорога^[12]. Однако все знают, что это два наилучших способа уберечься от яда, который в любой момент может подсыпать в ваше вино чья-то враждебная рука. Даже ваша молодая жена пренебрегла предосторожностью. И жабий камень, и

рог единорога изменяют цвет, соприкасаясь с ядом. Но вы никогда не используете их. Вы считаете себя неуязвимым или... у вас нет врагов? — добавил прелат, и в его взгляде вспыхнул огонь, который ошеломил Анжелику.

— Нет, монсеньор, — ответил де Пейрак, — но я считаю, что лучший способ уберечься от яда — ничего не класть в свой бокал, а все отправлять внутрь, в желудок.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только одно: каждый день принимайте ничтожно малую дозу какого-нибудь смертельного яда.

— И вы так делаете? — с ужасом воскликнул архиепископ.

— С самых юных лет, монсеньор. Вы же знаете, что мой отец стал жертвой какого-то флорентийского зелья, а ведь жабий камень, который он бросал в кубок, был размером с голубиное яйцо. Моя мать была женщиной без предрассудков и нашла верный способ защитить меня от подобной участи. От одного раба-мавра, привезенного из Нарбона, она узнала, как защититься от яда ядом.

— В ваших рассуждениях всегда есть нечто парадоксальное, и это беспокоит меня, — сказал епископ озабоченно. — Поговаривают, будто вы стремитесь реформировать буквально все, однако каждый знает, сколько несчастий церкви и королевству принесло одно только слово — Реформация. Ну зачем вы используете метод, в котором у вас нет никакой уверенности, вместо того чтобы прибегнуть к проверенным средствам? Конечно, для этого жабий камень и рог единорога должны быть настоящими. Множество шарлатанов ради наживы торгуют вместо них невесть чем. Но, к примеру, мой знакомый монах Беше, францисканец-риколлет, — видный ученый и

занимается по моему поручению алхимией; он мог бы достать вам превосходные противоядия.

Граф де Пейрак слегка наклонился, чтобы посмотреть на архиепископа, и его густые черные локоны скользнули по руке Анжелики. Она резко отпрянула, но в тот же миг поняла, что ее муж не носит парик и густая шевелюра его собственная.

— Любопытно узнать, — сказал граф, — откуда он сам их берет. Будучи студентом, я увлекался препарированием и вскрыл немало жаб, но мне так и не удалось найти в их мозге этот удивительный защитный камень, прозванный «жабьим», который, как утверждают, должен находиться именно там. Что касается рога единорога, то вот что я вам скажу: я объехал весь мир, и я убежден, что единорог — мифологическое животное, вымышленное, проще говоря, в природе не существующее.

— Есть вещи, о которых нельзя судить с уверенностью, мессир граф. Необходимо оставить место тайне и не заявлять, будто знаешь все.

— Лично для меня остается тайной то, — медленно произнес граф, — как человек вашего ума может всерьез верить таким... выдумкам...

«Боже, — подумала Анжелика, — я еще никогда не слышала, чтобы со служителем церкви, да еще самим архиепископом, разговаривали так вызывающе!»

Она по очереди смотрела то на одного, то на другого собеседника, взгляды которых скрестились. Муж первым заметил, как сильно она взволнована, и улыбнулся ей. Улыбка причудливо сморщила его лицо, но зато явила белоснежные зубы.

— Простите, мадам, что мы затеяли спор в вашем присутствии... Монсеньор и я — давние враги.

— Я никого не считаю своим врагом! — возмущенно воскликнул архиепископ. — Что вы знаете о милосердии, которое живет в сердце у каждого слуги

Божьего? Если вы меня ненавидите, то у меня нет к вам ненависти. Но я беспокоюсь о вас, как беспокоится пастырь о заблудшей овце. И если вы не прислушаетесь к моим словам, то я сумею отделить зерна от плевел.

— О! — воскликнул граф де Пейрак с каким-то пугающим смехом. — Вы истинный наследник Фолькета^[13], епископа и соратника ужасного Симона де Монфора^[14], который возводил костры для альбигойцев и сжег дотла утонченную цивилизацию Аквитании! Прошло уже четыре столетия, как Лангедок оплакивает разрушенное варварами великолепие и трепещет от рассказов о пережитых ужасах. Я потомок древнейшего тулузского рода, во мне течет кровь лигуров и вестготов^[15], и я содрогаюсь, когда смотрю в ваши голубые глаза северянина. Вы — наследник Фолькета и потомок тех грубых варваров, что насадили здесь у нас нетерпимость и фанатизм, — вот что я читаю в ваших глазах!

— Моя семья одна из древнейших в Лангедоке! — поднимаясь, вскричал архиепископ с таким сильным южным акцентом, что Анжелика с трудом разобрала слова. — Вы же прекрасно знаете, наглое чудовище, что половина Тулузы принадлежит мне по наследству. Уже века мы владеем тулузскими фьефами^[16].

— Четыре века! Всего лишь четыре века, монсеньор! — воскликнул Жоффрей де Пейрак, тоже вставая. — Вы приехали сюда в повозке Симона де Монфора с проклятыми крестоносцами! Вы — захватчик! Северянин! Северянин! Что вы делаете за моим столом?..

Анжелика в ужасе спрашивала себя, не начнется ли сейчас драка, но при последних словах графа Тулузского неожиданно раздался всеобщий взрыв смеха. Архиепископ тоже улыбнулся, но его улыбка была натянутой. И, тем не менее, когда Жоффрей де

Пейрак хромя подошел к прелату и склонил свою высокую фигуру в знак извинений, тот милостиво протянул графу для поцелуя пастырский перстень.

Анжелика была настолько сбита с толку, что не могла в полной мере разделить всеобщее веселье. Слова, которые только что бросили друг другу в лицо эти мужчины, отнюдь не были пустяками, но справедливости ради надо сказать, что на Юге смех часто был всего лишь яркой прелюдией самых страшных трагедий. Неожиданно Анжелика погрузилась в полную неистовых страстей жизнь, о которой ей с детства рассказывала кормилица Фантина. Благодаря ей она не будет чувствовать себя совсем чужой в обществе, где привыкли бурно выражать чувства.

— Не мешает ли вам дым табака, мадам? — внезапно спросил граф, наклоняясь к ней и пытаясь поймать ее взгляд.

Она отрицательно покачала головой. Тонкий аромат табака лишь усилил ее печаль, она вспомнила старого Гийома, сидящего у очага в большой кухне Монтелу. Старый Гийом, кормилица, и все, что казалось родным, неожиданно стало таким далеким.

В саду заиграли скрипки. И хотя Анжелика смертельно устала, она, не раздумывая, согласилась, когда маркиз д'Андижос пригласил ее на танец. Желаящие потанцевать собрались в просторном, выложенном плитам внутреннем дворе у фонтана, от которого веяло свежестью. В монастыре Анжелика выучила достаточно модных па, чтобы не чувствовать себя неловкой среди дам и сеньоров этой весьма светской провинции, многие из которых к тому же подолгу жили в Париже. Сегодня она впервые танцевала на настоящем балу и уже начала входить во вкус, но вдруг возникло какое-то замешательство. Стремительный напор толпы, устремившийся к месту

банкета, разъединил танцующие пары. Многие возмущенно протестовали, но кто-то крикнул:

— Он будет петь!

Послышались возгласы:

— Золотой голос! Золотой голос королевства...

В это мгновение кто-то осторожно коснулся обнаженной руки Анжелики.

— Мадам, — прошептала служанка Марго, — пришло время вам удалиться. Мессир граф просил меня сопроводить вас в домик на Гаронне, где вы проведете эту ночь.

— Но я не хочу уходить! — запротестовала Анжелика. — Я хочу послушать певца, которым все так восхищаются. Я еще его не видела.

— Он споет для вас, мадам, он споет для вас одной, граф уже заручился его согласием, — заверила ее Марго. — А сейчас вас ждет портшез.

После чего служанка накинула на плечи хозяйки плащ с капюшоном и дала ей черную бархатную маску.

— Закройте лицо, — тихо сказала Марго. — Так вас не узнают. А иначе ваша брачная ночь пройдет под грохот кастрюль юных шутников, которые последуют за вами до самого домика на Гаронне.

И служанка прыснула со смеху.

— Таков обычай в Тулузе. Если новобрачным не удалось ускользнуть, подобно ворам, они должны либо заплатить большой выкуп, либо всю ночь слушать дьявольскую какофонию. Напрасно монсеньор и полиция стараются искоренить эту традицию... Поэтому вам лучше надеть маску и покинуть город.

Марго втокнула Анжелику в портшез, который два дюжих лакея тотчас подняли на плечи. Несколько всадников, выйдя из тени, составили эскорт, и, миновав лабиринты узких улочек, маленький кортеж покинул город.

Домик на Гаронне оказался не очень большим. Он был окружен садами, которые спускались к самой реке. Анжелика вышла из портшеза, и ее поразила царившая вокруг тишина, нарушаемая только стрекотом сверчков.

Маргарита, которая ехала вместе с одним из всадников, соскользнула с лошади и отвела новобрачную в пустынный дом. Они вместе поднялись наверх, глаза Марго блестели, она улыбалась, и было видно, что все эти любовные тайны доставляют ей удовольствие...

Анжелика оказалась в комнате с полом, выложенным мозаикой. Возле алькова горел ночник, но в нем не было необходимости — яркий свет луны проникал глубоко в комнату и заставлял сверкать белоснежные кружевные простыни на огромной кровати.

Маргарита напоследок окинула молодую женщину внимательным взглядом, затем отыскала в сумке флакон с ароматной водой, намереваясь протереть госпоже кожу.

— Оставьте меня, — раздраженно сказала Анжелика.

— Мадам, скоро придет ваш муж, надо...

— Ничего не надо. Оставьте меня.

— Хорошо, мадам.

Служанка сделала реверанс.

— Желаю вам приятной ночи, мадам.

— Оставьте меня! — закричала Анжелика в третий раз.

Она осталась одна, негодуя на себя за то, что не смогла сдержаться при служанке. Но Марго иногда ее раздражала. Уверенная и ловкая, она смущала молодую женщину, которая боялась увидеть насмешку в черных

глазах служанки. Анжелика долго не двигалась с места, но постепенно гнетущая тишина комнаты стала невыносимой. Страх, который праздничная суета и разговоры гостей на время усыпили, теперь пробудился вновь. Анжелика сжала зубы.

«Я не боюсь, — сказала она почти вслух. — Я знаю, что должна делать. Лучше я умру, но он меня не получит!»

Она подошла к наружной застекленной двери, открывавшейся на террасу. Только в Плесси Анжелика видела такие изящные балконы, введенные в моду архитекторами эпохи Возрождения...

Диван, обитый зеленым бархатом, манил присесть и насладиться величием пейзажа. Отсюда не было видно Тулузы, скрытой за излучиной реки. Только сады, блестящие воды Гаронны, да бесконечные поля кукурузы и виноградники простирались вокруг.

Анжелика села на край тахты и прислонилась лбом к балюстраде. От бриллиантовых шпилек и нитей жемчуга, украшавших сложную прическу, у нее болела голова. Молодая женщина принялась с большим трудом освобождаться от них.

«Почему эта здоровая дура не причесала меня и не помогла раздеться? Неужели она воображает, что этим займется мой муж?» — подумала Анжелика и горько усмехнулась собственным словам.

«Сестра Анна не преминула бы прочесть мне небольшую лекцию о покорности, которую должны выказывать жены в отношении всех желаний мужа. И когда она говорила это «всех», ее выпученные глаза вращались, словно шары, а мы прыскали со смеху, догадываясь, о чем она думает. Но я никогда не была покорной. Молин прав, когда говорит, что я не стану подчиняться тому, чего не понимаю. Я согласилась, чтобы спасти Монтелу. Что же им еще от меня надо? Рудник Аржантьер теперь принадлежит графу де

Пейраку. Они с Молином могут продолжать махинации с испанским золотом, а мой отец и дальше разводить мулов, чтобы это золото перевозить... Если бы я сейчас умерла, выбросившись с балкона, ничего бы не изменилось. Каждый получил то, чего хотел...»

Наконец ей удалось освободиться от шпилек. Упрямым, привычным с детства движением Анжелика вскинула голову, и волосы рассыпались по ее обнаженным плечам.

Вдруг ей показалось, что она слышит легкий шум. Повернувшись, она едва сдержала крик ужаса. Прислонившись к проему балконной двери, на нее смотрел хромой граф.

Он сменил красный костюм на короткие штаны и очень короткий черный бархатный пурпуэн, который оставлял открытой талию и рукава тонкой льняной рубашки.

Муж подошел к ней неровной походкой и низко поклонился.

— Вы позволите мне сесть рядом с вами, мадам?

Анжелика молча кивнула. Он сел, облокотился о каменную балюстраду и окинул беззаботным взглядом пейзаж.

— Несколько веков назад, — начал он, — под этими звездами дамы и трубадуры поднимались по винтовым лестницам на башни своих замков и проводили там Суды любви^[17]. Приходилось ли вам слышать о трубадурах Лангедока?

Анжелика оказалась не готова к такому разговору. Приготовившись защищаться, она была напряжена до предела и поэтому с трудом пробормотала:

— Да, кажется... Так называли поэтов в Средние века.

— Поэтов любви. Язык «ок»! Сладостный язык! Как не похож он на грубый говор северян, язык «ойль». В Аквитании изучали искусство любви, ведь как сказал Овидий^[18] задолго до трубадуров, «любовь — искусство, которому можно научиться и в котором можно совершенствоваться, познавая его законы». А вы, мадам, уже интересовались этим искусством?

Анжелика не знала, что ответить: она была достаточно проницательной, чтобы уловить легкую иронию в его голосе. Вопрос был задан так, что и «да», и «нет» прозвучали бы одинаково глупо. Она не привыкла к шутливым светским беседам. Оглушенная множеством событий, Анжелика не смогла придумать достойный ответ и поэтому, не зная, как поступить, попросту отвернулась от графа и устремила на спящую равнину невидящий взгляд.

Она ощутила, как муж придвинулся к ней, но не шелохнулась...

— Вы видите, — продолжал граф, — там, в саду, маленький зеленый пруд, в котором утонула луна, словно жабий камень в бокале аниса... Так вот, у его воды цвет ваших глаз, моя милая. Нигде в целом мире я не встречал таких необыкновенных, таких пленительных глаз. Взгляните на розы, гирляндами оплетающие наш балкон. У них тот же оттенок, что и у ваших губ. Нет, в самом деле, я никогда не встречал таких прекрасных губ... и так плотно сжатых. А вот нежные ли они... я сейчас узнаю...

Внезапно муж схватил ее за талию и с силой, которую Анжелика не подозревала у этого высокого худого мужчины, заставил отклониться назад. Ее запрокинутый затылок упирался в его согнутую руку, которая сжимала ее, не давая пошевелиться. Ужасное

лицо склонилось над ней, коснулось ее лица. Она закричала от ужаса и отвращения, принялась вырываться — и тут же поняла, что свободна. Граф отпустил ее и теперь, усмехаясь, разглядывал.

— Все так, как я и предполагал. Я внушаю вам безумный страх. Вы бы предпочли выброситься с балкона, чем принадлежать мне. Ведь так?

Анжелика пристально смотрела на мужа, и ее сердце бешено колотилось. Он встал, и его длинная фигура, похожая на паука-сенокосца, вытянулась на фоне освещенного луной неба.

— Я не буду принуждать вас, бедная маленькая девственница. И хотя узы, соединившие нас, дают мне такое право, а варварские религиозные законы даже обязывают меня, — это не в моих правилах. Итак, вас, саму невинность, отдали долговязому хромому из Лангедока? Ужасно!

Граф де Пейрак снова поклонился, не переставая насмешливо улыбаться; как же ненавистна была ей эта улыбка.

— Так знайте, что за свою жизнь я обладал многими женщинами: белыми и черными, желтыми и красными, но никогда я не брал их силой и не завлекал деньгами. Они приходили сами, и вы тоже придете, однажды днем или вечером...

— Никогда! — резко выкрикнула Анжелика.

Улыбка не исчезла со странного лица мужа.

— Вы юная дикарка, но это мне нравится. Легкая победа обесценивает любовь, трудная заставляет ею дорожить. Так говорил Андре Капеллан^[19], магистр искусства любви. Прощайте, моя красавица, спите спокойно в вашей широкой постели, одна, с вашим прекрасным телом и восхитительной маленькой грудью, изнаывающей без ласки. До свидания!

Глава 3

Когда на следующий день Анжелика проснулась, первое, что она увидела, была роза. Прекрасный цветок на длинном стебле в хрустальной вазе стоял совсем рядом и почти касался ее лица. Утренний свет усиливал его удивительный, нежно-розовый цвет.

Роза смотрела прямо на нее и стояла так близко, что Анжелике казалось, будто за ней наблюдают. Бутоны только-только начал распускаться и теперь открывал бесподобные совершенные лепестки навстречу молодой женщине, посылая ей молчаливое приветствие.

Все еще пребывая во власти сна, Анжелика постепенно просыпалась, но рядом с цветком пробуждение не казалось ей таким мучительным. К тому же теперь не надо было выбрасываться из окна, или, если быть точной, с высоты террасы.

Кошмар, который преследовал Анжелику с того самого дня, когда отец сообщил ей о предстоящем браке, рассеялся, исчез подобно легкой дымке, за которой она вновь увидела свет жизни.

Анжелика вздрогнула, осознав, что обнажена и ее тело прикрывают лишь тонкие кружевные простыни. Почему она оказалась раздетой? Молодая женщина пыталась воскресить в памяти все, что ей довелось пережить за минувший шумный день и молчаливую ночь. Не без труда, но с уверенностью она вспомнила, что раздевалась сама, оставшись одна в комнате, освещенной лишь светом луны. Коля пальцы булавками, отрывая детали пластрона, разрывая его и не чувствуя, насколько неловки, лихорадочны движения ее рук, Анжелика с грехом пополам избавилась от одежды. Разбросанные на каменных плитах пола детали свадебного наряда говорили о том, как неистово она их

срывала. Но воспоминание об этом ускользало от нее, словно неясный сон на грани кошмара и реальности, словно пантомима, которую она сыграла, но к которой не имела никакого отношения. Сейчас Анжелика не смогла бы сказать, какие чувства в ней жили вчера: ярость, растерянность, отчаяние?.. Ей казалось, что она стала другой, и это ощущение было мучительным.

Она помнила, как в исступлении бросилась на постель, от гербовых простыней которой исходил тонкий аромат, как плакала от усталости и досады, а может, и от одиночества... Наконец, измученная, но успокоенная свежим дыханием ночи, навеванным легкими порывами ветра, Анжелика погрузилась в глубокий сон.

А когда молодая женщина проснулась, рядом, совсем близко, стояла роза и смотрела на нее. Как она здесь оказалась? Быть может, накануне, в полумраке, она просто не заметила вазу, стоящую на круглом столике в изголовье кровати?

Вокруг царило молчание, как будто в доме, кроме нее, никого не было.

За огромными окнами комнаты вставало победоносное солнце, щедро льющее золото на привыкшие к его господству земли.

Завернувшись в кружевную простыню, Анжелика выскользнула из алькова и подошла к окну.

Вдалеке она увидела в розовой дымке очертания города с многочисленными колокольнями, соборами и башнями. Все они были розовыми, ярко-розовыми, как цветок, что приветствовал ее пробуждение этим утром. Анжелика вспомнила, что Тулузу, построенную из красного кирпича и цветного мрамора, называли «розовым городом».

Между тем солнце взошло и теперь сияло высоко в небе, а оцепеневшие от жары птицы притихли в тени

деревьев. Ослепительной золотой лентой пересекала равнину река.

Анжелику целиком захватила природная феерия; где-то вдалеке ей послышалась музыка. Теперь молодая женщина чувствовала себя такой умиротворенной, ее ум прояснился. Какое-то время она может не волноваться, ведь странный муж обещал, что не прикоснется к ней без ее согласия. «Уж не воображает ли он, что меня когда-нибудь приведут в восторг его короткая нога и отвратительное лицо?»

Анжелика размечталась о том, как было бы хорошо жить с супругом в согласии и видеть его редко. Каждый будет заниматься своими делами — она, к примеру, навещать друзей и участвовать в благотворительности вместе с архиепископом.

А музыка тем временем звучала все громче.

Анжелика услышала голоса: сначала в саду, окружающем маленький дом, затем в вестибюле внизу, а вскоре, едва скрывая веселье, в комнату вошла Маргарита в сопровождении служанок и двух лакеев, которые несли тазы с теплой водой для умывания.

Поприветствовав Анжелику, Марго предупредила ее от имени мессира графа, что, если мадам графиня утомлена, она может провести весь день в домике на Гаронне и отдыхать. А если нет, то граф просил заверить жену, что будет рад ее возвращению в отель Веселой Науки^[20], в Тулузу. Он представит ей приглашенных к обеду гостей, и она окажет ему честь, согласившись возглавить вместе с ним прием.

— Стало быть, сегодня в отеле Веселой Науки соберется многочисленное общество, Марго?

— В отеле Веселой Науки всегда многочисленное общество, мадам. Он — сердце города! Праздник там не заканчивается никогда. Так пожелал наш сеньор...

И, напустив на себя почтительно-удивленный вид, Марго продолжила:

— После оглушительного приема с дождем из цветов, золотых монет и сладких драже по всему городу, после банкетов и балов, увенчавших вашу свадьбу, неужели мадам графиня еще не поняла, где она оказалась?! В городе, где любят устраивать праздники.

Опустившись на колени, чтобы закрепить подол платья, не столь роскошного, как вчера, но сшитого из такой мягкой и легкой ткани, что при малейшем движении его юбка распускалась подобно цветку, служанка подняла на Анжелику смелый, но доброжелательный взгляд и добавила:

— Наш сеньор избрал вас в супруги и теперь вы — королева.

Молодые горничные и даже паж, в обязанности которого входило носить шкатулку с драгоценностями, радостно захихикали. Марго выпрямилась и, бросив на слуг строгий взгляд, попросила Анжелику выбрать украшения, которые та желает надеть сегодня.

«А эта девица не так глупа, — подумала Анжелика. — Она пытается мне что-то объяснить... то, что у меня больше нет выбора. Отныне я графиня де Пейрак, супруга того, кто царит в Тулузе».

— Какие увеселения предусмотрены на сегодня, Марго? Сколько гостей приглашено на обеденный прием?

— О, соберутся только самые близкие друзья, человек пятнадцать, не больше. Но другие именитые горожане также приглашены и придут позже, чтобы полакомиться фруктами и шербетом на террасе в саду. Быть может, вечером устроят бал. Или нет...

Марго намекнула, что весь день гостям будут предлагаться многочисленные развлечения, если

только ни у кого не возникнет желания уединиться, чтобы отдохнуть и побеседовать о поэзии и любви.

Юные помощницы снова приснули со смеху и обменялись многозначительными взглядами. На этот раз Марго снисходительно притворилась, что не заметила их шутливых намеков. Сегодня все в провинции имели право радоваться. Под небом Тулузы такие прекрасные и веселые свадьбы!.. Из украшений Марго посоветовала госпоже выбрать что-нибудь сдержанное и более уместное для отдыха, а волосы уложила с помощью нескольких гребней так, что в лучах солнца великолепная шевелюра Анжелики засияла, словно ореол.

Когда юная графиня спустилась вниз, ее приветствовали несколько слуг в тюрбанах и длинных белых одеяниях. Они положили к ногам хозяйки букеты цветов, а затем опустились на колени и припали лицом к земле.

— Ваши садовники, мадам, — объяснила Марго. И добавила с оттенком презрения... или жалости:

— Это «мориски»...^[21] Испанские мавры.

В знак благодарности Анжелика попросила их выбрать цветок, которым она смогла бы украсить волосы.

Когда, прибыв во дворец, она осматривала свои апартаменты, дворецкий Клеман Тоннель, приехавший с ней из Пуату, подошел поприветствовать графиню.

Он сообщил, что благодаря «baule» графа — так южане называют управляющего — мессир де Пейрак нанял его на службу в должности дворецкого, чем он, Клеман, весьма удовлетворен. Его таланты и способности не будут лишними в ведении дома. Управляющий Альфонсо первым поздравил себя с появлением такого компетентного помощника в его многочисленных обязанностях управляющего и

устроителя празднеств и приемов. Они условились, что мэтр Альфонсо продолжит заниматься организацией уже намеченных свадебных торжеств, пока его северный коллега понемногу ознакомится со всеми тонкостями ведения дома, заботу о котором они отныне собирались разделить. Клеман еще раз заверил ее, что готов приступить к работе и — хотя слуги здесь шумные и ленивые, но зато сердечные и добродушные — сделает все возможное, дабы угодить новым хозяевам.

Анжелика благосклонно выслушала маленькую речь, в которой к раболепству примешивалась некоторая доля снисходительности. Она будет рада оставить у себя слугу, чьи чопорные манеры резко отличались от присущего ее нынешнему окружению оживления и постоянного возбуждения.

Наступил полдень.

Перезвон колоколов и карильонов^[22] взорвал тишину и разлился над городом. Мерные удары, отбивающие Анжелюс^[23], призывали жителей города помолиться Деве Марии и произнести все предписанные церковью молитвы во славу Богородицы.

Альфонсо, сопровождающий Анжелику к парадным залам, перекрестился и пылко заверил графиню, что никогда Тулуза не была городом еретиков. Напротив, вот уже долгие годы она является оплотом инквизиции, неприступной, непоколебимой и праведной. И если в лучах заходящего солнца Тулуза казалась красной как кровь, то не иначе как благодаря бесчисленным битвам за торжество святой католической церкви.

Анжелика спрашивала себя, зачем тулузский управляющий — «baule» мессира де Пейрака, как назвал его Клеман Тоннель, — рассказывает ей все это, в то время как вокруг готовятся к грандиозному приему, которым он должен руководить.

Перезвон колоколов снаружи постепенно утих и сменился шумом собравшихся гостей, которые, заметив молодую графиню, вышли ей навстречу.

Жоффрей де Пейрак склонился перед ней в глубоком поклоне, но Анжелика успела заметить только пышные черные волосы мужа. В каком-то оцепенении она увидела, как граф взял ее за руку, как блеснули перстни на его пальцах, а спустя мгновение почувствовала едва ощутимое прикосновение его губ.

Затем граф выпрямился и, слегка повернувшись, представил ей друзей, собравшихся сегодня за их столом. Некоторых Анжелика уже видела накануне и теперь узнала. Гости тотчас окружили ее: дамы и господа старались как можно скорее покончить с приветствиями и реверансами, для того чтобы подойти к ней, поздравить и сказать «добро пожаловать». Ведь они уже начали опасаться: не было ли вчерашнее появление этой богини лишь мимолетным сном? И вот она здесь! Каждый стремился вернуть комплимент, пожелать счастья. Маркиз де Севилла даже продекламировал маленькую поэму, приуроченную к сегодняшнему случаю. Анжелика поискала глазами Пегилена де Лозена. Она видела его накануне и, возможно, танцевала с ним, но, охваченный собственными тревогами, он ничем не смог ей помочь. Маркиз д'Анджос сообщил Анжелике, что Пегилен уехал. Королевская служба срочно призывала его. А вот он, Бернар, напротив, уже на службе! И на какой! Д'Анджос сиял. Мессир де Пейрак просил его и дальше помогать мадам графине знакомиться с новым для нее миром, частью которого она теперь стала. И маркиз тотчас приступил к своим приятным обязанностям, проводив Анжелику к стулу с очень высокой спинкой, который ей надлежало занять по праву хозяйки за одним из концов длинного стола.

Д'Анджос восхищенно разглядывал Анжелику:

— ...Ну вот! Как же преобразилось ваше лицо по сравнению с тем, что я имел счастье или скорее несчастье созерцать, играя роль вашего мужа. О, как же верно то, что любовь преображает красоту женщины, превращая самую застенчивую юную девушку в оболстительную королеву!.. Не говорил ли я вам, что ваш супруг мастер наслаждения?.. Расскажите мне о ваших открытиях, о ваших восторгах... Вы в неоплатном долгу передо мной за все те слезы, что пролили на моих глазах!

— Что за вздор?! Я не проливала слез!..

— Все было гораздо хуже! Я чувствовал себя палачом, увозящим жертву...

Он сел справа от нее. С удовольствием Анжелика узнала в соседе слева юного Сербало. Обычно менее красноречивый, чем Андижос, сегодня и он пустился в пространные излияния о ее ослепительной внешности, о превращении, сделавшем ее богиней, сошедшей с Олимпа, и — он понизил голос — самой прекрасной женщиной Тулузы.

«Должно быть, это местный обычай произносить столько комплиментов новобрачной, — подумала Анжелика. — Ведь меня предупреждали, что Юг — родина поэтов».

Однако, несмотря на некоторую чрезмерность, которую она ощущала в потоке похвал и комплиментов, молодая графиня не могла не признать, что ее нынешний образ был весьма привлекательным и что даже «при взгляде более пристальном», как воскликнул бы молодой и наивный поклонник, она не разочаровывала.

«Но это и неудивительно: даже самая обыкновенная женщина сможет привести в восторг толпу, если она одета и украшена драгоценностями, как королева, и если солнце струится на нее с небес так же, как в других краях дождь!..»

Пюльшери старалась воспитать в ней скромность, противопоставляя ее такому низкому пороку, как тщеславие. Но сейчас Анжелика наслаждалась тем, что стала причиной стольких восхищенных взглядов. Молодая графиня не сомневалась в их искренности.

Они находили ее красивой.

Эта мысль наполняла Анжелику новой силой и немного пьянила.

Но миг блаженства, рожденный от непривычной для нее радости сознавать, что она прекрасна и способна восхищать, вскоре погас, как капризная искра. Ее взгляд, скользя по посуде из золота и вермели ^[24], хрустальным бокалам и графинам, цветочным гирляндам, постепенно достиг силуэта мужчины, сидящего напротив нее на другом конце длинного стола. Его темная фигура резко выделялась на фоне сияющей солнечным светом арки, которая в глубине галереи, где они пировали, открывалась в сады. Хотя граф сидел спиной к свету и Анжелика не могла различить черты его лица, она знала, что он тоже смотрит на нее, и ей снова стало страшно.

В этом темном силуэте теперь заключалась ее судьба.

Он был ее мужем. Анжелика без труда различила его голос среди других, и ей показалось, что сейчас в нем звучит радость.

Граф де Пейрак попросил тишины и добавил, что должен сказать нечто важное.

Он заговорил о винах, и Анжелика поняла, что муж улыбается. Дрожь изумления и радости охватила гостей, которые, проявив поначалу почтительное внимание к его речам, успокоились, узнав одну из излюбленных тем для разговора. Пока пажи и виночерпии обходили стол, граф первым делом напомнил, как важно, но почти невозможно сочетать

вино и трюфели. Они наделены редким тонким вкусом и ароматом, столь же неуловимым, сколь пряным и незабываемым, но их изысканность плохо сочетается с чересчур терпкими и возбуждающими напитками... И все же!.. Не требует ли насыщенный и душистый аромат тушеных трюфелей из Перигора, которые вскоре подадут к столу, дополнить его ароматом крепкого Гран Крю?^[25] Быть может, лучше рискнуть, чем выбором слишком скромным лишит остроты изысканное блюдо?..

«Снова трюфели!» — думала Анжелика, слегка опьяненная первым бокалом.

— А разве я не говорил вам об этом? — прошептал Бернар д'Андижос.— Помните вашу свадьбу... «нашу» свадьбу в вашем поместье в Пуату и ваше пренебрежение этим изысканным блюдом? Сегодня вы его попробуете!..

Было высказано несколько мнений, но в конце концов выбор вина предоставили хозяину дома.

Шепот удовлетворения, как порыв ветра над морем, приветствовал названное им вино. Посыпались одобрения и комментарии, о нем говорили с теплотой, почтительностью и воодушевлением, ведь оно было из Руссильона, соседней дружественной провинции, вина которой ценились не хуже неизменных гасконских и бургундских, бесподобных, но претенциозных. Названный графом сорт произрастал на маленьком винограднике, узкой полоской нависшем над сверкающим голубым морем, недалеко от Порт - Вендрес, бывшим «портом Венеры», куда галеры заходили укрыться от буйного северного ветра трамонтаны^[26].

Граф назвал баньюльс^[27].

Это было густое, сладкое, согревающее вино, поданное к эстуфаду^[28].

«Великолепное вино!» — расхваливали его гости. Его надо было пить почти теплым, из первого, самого простого бокала в форме широкого и сильно закругленного кубка, который позволяет вину «дышать», раскрывая глубокие слои букета, и в котором искушенный ценитель сразу распознает божественный аромат с нотками ежевики и смородинового листа.

Один из соседей Анжелики по столу, Беранжер де Майорк, был особенно воодушевлен выбором.

— Речь идет о моей родине, о Каталонии. Я каталонец.

— Прошу простить мне мое невежество, мессир, — любезно произнесла Анжелика, — но... кто такие каталонцы?

— Не французы, не испанцы, — ответил он.

Соседи заставили Беранжера замолчать, потому что дегустация первого блюда, тушеных в вине целых трюфелей, настойчиво требовала некоторой сосредоточенности.

К следующим переменам блюд из рыбы, птицы и мяса подали два белых вина, одно из которых было бледным, как свет летнего дня, когда полуденное солнце окутано знойной дымкой; другое, напротив, настолько темным, что в своей местности оно называлось «желтым вином», но желтизна его была подобна чистому золоту. И то, и другое следовало пить из бокалов с высокими тонкими стенками, чуть суженными кверху. Напротив, для красного вина, поданного к мясу, предназначалась самая низкая, самая круглая, самая закрытая чаша. Все эти хрустальные шедевры были изготовлены гениями, мастерами своего дела, творившими со шпагой на боку, во времена, когда ремесло стеклодува еще было занятием дворянина. Наконец граф де Пейрак настоятельно рекомендовал выпить последним поданное им игристое вино, потому

что его привезли из Шампани^[29], и все окажут ему большую честь, если после не будут пить ничего другого. Шампанское надлежало пить из фужеров в форме флейты.

Анжелика погрузилась в созерцание выстроенного перед ней ровного ряда бокалов, покоренная неповторимой красотой каждого из них.

Одновременно разные и похожие, их чаши, поднимаясь на высоких хрупких ножках, казалось, наполнялись, распускались в своей воздушной прозрачности для того, чтобы наилучшим образом вобрать, сохранить, подчеркнуть насыщенность цвета, скрытую полноту вкуса и аромат каждого вина, разливаемого виначерпием. Во время ужина Анжелика заметила, как велико, почти бесконечно многообразие форм бокалов: узкие горлышки, удлиненные или выпуклые чаши — все они были важны и помогали с помощью обоняния и вкуса понять тайное послание вина. И хотя она не распознала в белом вине, сопровождающем пулярку, вкус меда и ванили — и что это такое — ваниль? — но зато сумела ощутить в глотке красного вина, которое граф называл «роскошным», аромат влажной земли подлеска, каким он его и описал и который сочетался с грибами, сопровождающими мясо.

Пробуя новое вино, Анжелика прикрывала глаза, забавляясь собственными открытиями, смакуя откровения, которые привлекали ее так же, как неразгаданная тайна.

Ставя бокал, она опять ощутила на себе взгляд мужа, и страх снова оказаться в его власти охватил ее, пробудив, словно ото сна. Анжелика тотчас перенесла внимание на окружающих ее незнакомых гостей, но никто из них не выглядел напуганным, оказавшись в логове колдуна, напротив, все они восхищались

безупречностью его речей. В монастыре урсулинок аббатиса преподавала им искусство вести светские беседы, в которых, согласно занимаемому ими положению, иногда требовалось проявить женский ум и решительность, а порой даже суметь вернуть в границы дозволенного разговор, оскорбляющий мораль или выходящий за рамки приличия. С этой целью девушкам предлагались несколько примерных тем и реплик, которые аббатиса называла «схемами» и которые были просты и немногочисленны, так как согласно общественному мнению совершенство женщины состояло в том, чтобы быть как можно менее болтливой.

Вести беседу? Ну что ж!.. Но прежде ей необходимо лучше узнать достоинства каждого из тех, кто окружал ее и сейчас с благоговением пробовал блюда и вина.

Анжелика обратила внимание на сидящего рядом с графом де Пейраком мужчину лет пятидесяти, который беседовал с хозяином дома с дружеской фамильярностью, что было довольно неожиданно, ведь в отношении к графу остальных гостей Анжелика отметила сдержанность, уважение или даже страх, свойственный скорее королевскому двору. Д'Анджос назвал этого человека и сказал, что он один из лучших друзей графа де Пейрака и занимает пост помощника в Палате по сбору налогов на соль Лангедока. Сборщик налогов.

Никогда Анжелика не смогла бы вообразить, что представитель этого позорного сословия, как говорил ее дедушка, может восседать за столом принцев.

Затем одна из дам, сидящая между седовласым сенешалем ^[30] и одним из эшевеннов ^[31] Тулузы, довольно красивая и молодая особа по имени Жиральда де Ланзак, захотела объяснить свое присутствие в отеле Веселой Науки, которое стало возможным, как она

считала, лишь благодаря милости Неба и ее святых покровителей.

— Мой замок стоит так высоко в горах, что новость о вашей свадьбе, мессир де Пейрак, до меня не дошла, — произнесла она, повернувшись к графу с огорченным видом. — Я благословляю обстоятельства, которые заставили меня покинуть свой дом и позволили сегодня присутствовать на вашем празднике.

И мадам де Ланзак подробно объяснила, что это были за обстоятельства. Одна из ее соседок, маркиза де Куанж, которую она видела редко, ведь у них в провинции дороги часто непроходимы, а мосты разрушены, однажды вечером, поддавшись настойчивым требованиям мужчин, отчаянно колотивших в потайную дверь замка, открыла ее и оказалась лицом к лицу с тремя убийцами.

Вопросы посыпались на нее один за другим:

— Но зачем она открыла им дверь?

— Они пришли по поручению ее мужа.

— А где же он сам?

— В армии на Севере.

— И почему убийц было трое?

Мадам де Ланзак объяснила, что это было проявлением своеобразной галантности со стороны мужа. Желая как можно скорее получить огромное состояние жены, недавно унаследованное ею после смерти родителей — факт, о котором маркиза тогда еще не знала, — он немедленно отправил наемных убийц с поручением «ускорить дело». Но, будучи дворянином до мозга костей и желая придать своему поступку некоторую изысканность, он любезно предоставил жене возможность самой выбрать орудие смерти: сталь, то есть кинжал, яд или самое жестокое и шумное, но зато самое действенное оружие — пистолет. Наконец, в своей учтивости супруг дошел до того, что

отправил вместе с убийцами священника, дабы тот исповедал жертву и поддержал ее перед смертью.

— Что же она предпочла?

— Очевидно, кинжал, так как ее исколотое тело нашли на дороге недалеко от замка...

— Наверно, она пыталась бежать...

— И кто подаст вместо нее жалобу?

— В какой суд обратиться? Тулузы или Парижа?

Гости бурно обсуждали происшествие. Одни считали, что лучше обратиться в королевский суд, другие советовали мадам де Ланзак защищать свои интересы с помощью римского писаного права, которое до сих пор действовало на некоторых территориях, вклинившихся в провинцию Овернь^[32] по капризу извилистой границы.

— Но ведь это не я была убита, — протестовала молодая женщина. — Храни меня Господь от столь жуткого приключения!..

— Тем не менее, узнав о случившемся с соседкой, вы покинули свой мрачный овернский замок, чтобы укрыться у нас, в Тулузе.

Жиральда де Ланзак согласилась с этим. Она признала, что действительно не могла больше сомкнуть глаз, слушая уханье совы, одна в своей крепости, толщина стен которой в Средние века защищала владельцев замка от атак наемников, а сегодня, напротив, служила завистливым и жадным мужьям, которые знали, что крики несчастных супругов не услышит никто на протяжении лье вокруг.

Подробно, с насмешкой и некоторым цинизмом обсуждали, что провинции Овернь довольно часто приходилось становиться декорацией для трагедий и преступлений одно ужаснее другого, которые из-за недостоверности фактов, как правило, оставались долгое время нераскрытыми, а стало быть,

безнаказанными. Все это, казалось, еще больше подогревало воображение жителей провинции, а черные тени потухших вулканов, окружавших овернцев, располагали к самому мрачному толкованию малейших слухов.

— Но, тем не менее, у Оверни скверная репутация, — добавил кто-то. — Вспомните Штаты^[33], которые были снова созданы тридцать лет тому назад. Десять дворян знатнейших родов осудили и они сложили головы на плахе в наказание за притеснения и убийства, совершенные ими в своих вотчинах!..

— Где ваш супруг? — спросили Жиральду де Ланзак.

— В армии, во Фландрии, как и мессир де Куанж.

— Давайте же пожелаем, чтобы они не встретились, дабы не дать друг другу коварных советов!..

Среди приятного шума подаваемых блюд, разливаемых вин и чудесных ароматов, исходящих от кушаний, которые явились предметом немалых усилий искусного кулинара, упомянутое печальное приключение превратилось в легкий анекдот: незначительный, жуткий, но забавный.

Анжелика настойчиво напрягала память, до сих пор ее ни разу не подводившую, но так и не вспомнила ни одной из предложенных монахинями «схем», которая подошла бы для светского разговора, столь сложного и на такие странные, жестокие темы. Тогда она перестала ломать над этим голову, решив, что будет разумнее просто промолчать.

И так как граф рекомендовал выпить игристое вино последним, она принялась жадно пить прохладный искрящийся напиток, золотые пузырьки которого танцевали в самом высоком бокале, напоминающем по форме длинный, едва приоткрытый крокус. Один из помощников Альфонсо склонился к плечу Анжелики и

негромко предупредил, что десерты готовы и можно подавать их на террасу.

Анжелика невольно посмотрела на темный силуэт мужчины напротив и поняла, что именно она должна подать знак об окончании обеда.

Она встала, и все гости последовали ее примеру, но, поднимаясь, Анжелика не смогла сдержать улыбку, а затем и смех. Молодая графиня хотела избежать руки чересчур услужливого Бернара д'Анджоса, но опьяняющее действие вина опасно повлияло на ее походку, и ей пришлось принять помощь маркиза и поздравить себя с этой сильной поддержкой. Впрочем, все вокруг смеялись, хохотали, шутили и небольшими группами, поддерживая друг друга, направлялись в конец галереи.

— Видите, разве я вам не говорил? — продолжал ее пылкий кавалер. — Все здесь стремятся быть счастливыми, наслаждаться обществом друг друга и переходить от одного развлечения к другому.

Анджос поддерживал Анжелику под руку, продолжая надоедать вопросами.

— Поведайте мне о ваших любовных открытиях... О ваших восторгах!.. Свет ваших глаз сегодня так красноречив!

Анжелика следила глазами за графом де Пейраком, который шел впереди, обнимая за талию мадам де Ланзак и увлекая ее на освещенную террасу, где были поданы фрукты и шербет. Она видела мужа со спины, и, что удивительно, в этом свете и в шуме голосов, смешивающихся с мелодичными звуками скрытого за грабовой аллеей маленького оркестра, походка дворянина, наполовину склонившегося к своей спутнице, создавала впечатление причудливого танца. Так или иначе, они смеялись, казалось, без слов понимая друг друга, и время от времени Анжелика замечала, как профиль красавицы с восхитительной

улыбкой поднимается к лицу сопровождающего ее мужчины. Анжелика чувствовала себя зрителем какого-то представления, смысл которого был ей совершенно непонятен. Тем временем маленький паж с круглым черным личиком и в тюрбане с султаном подошел к паре, неся подушку, на которой стоял ларец.

Д'Анджос, заметив интерес Анжелики, удержал ее, чтобы она смогла увидеть то, что должно было произойти.

Жоффрей де Пейрак остановился, открыл ларец и достал оттуда перстень. Подняв руку мадам де Ланзак, граф любезно поцеловал ей кончики пальцев и надел на один из них кольцо. Жиральда, казалось, едва не лишилась чувств, но тотчас пришла в себя, и ее изумленные возгласы слились с восторгами дам и сеньоров, подошедших разделить с ней радость и восхищение.

— Ну вот! — снова ликовал д'Анджос. — Мадам де Ланзак получила утешительный подарок. Он поможет ей забыть все те колкости, которые ей пришлось выслушать из-за своей суровой и угрюмой Оверни... Мессир де Пейрак никогда не допустит, чтобы хоть кто-то из его друзей встал из-за стола обиженным. Всякий раз он своим вниманием попытается смягчить рану, полученную в жарких спорах... Маленький утешительный приз не заставит себя ждать! Особенно если речь идет о дамах!.. Дары, которые поощряют, а порой почти вынуждают нас насмехаться, чтобы затем в полной мере ощутить изысканность его дружбы... О! Это мастер обольщения! Разве я вам не говорил?!

В последующие дни Анжелика поняла, что дворец графа де Пейрака, несомненно, самое гостеприимное место в городе. Граф сам принимал живое участие во

всех увеселениях. Его высокая нескладная фигура мелькала среди гостей, и Анжелика изумлялась тому оживлению, которое вызывало одно только его присутствие.

Она постепенно привыкла к внешности мужа, и ее отвращение к нему уменьшилось. Несомненно, мысль о том, что он заявит права на ее тело, стала во многом причиной той сильной ненависти и того страха, которые он ей внушал. Теперь же, когда она перестала волноваться об этом, Анжелика должна была признать, что этот мужчина, чьи речи увлекали, а характер был жизнерадостным и таким необычным, внушал симпатию. Однако к жене граф проявлял заметное равнодушие. Он оказывал ей знаки внимания согласно ее положению, но, казалось, едва замечал. Жоффрей де Пейрак приветствовал ее каждое утро, они вместе обедали, сидя на противоположных концах длинного стола, за которым, кроме них, всегда собирался, по крайней мере, десяток гостей. Это помогало Анжелике избежать встреч наедине с мужем, которых она так боялась.

Но Анжелика видела, с каким мастерством он одаривал вниманием всех тех, кого желал им удостоить.

Когда компания гостей направлялась к террасе, где были поданы десерты и легкие закуски, или собиралась у выхода, чтобы обменяться на прощание последними любезностями и дружескими пожеланиями, Жоффрей де Пейрак иногда задерживал одного из гостей, чтобы сказать ему пару слов наедине, положив руку на плечо мужчине, или обняв за талию женщину и привлекая ее к себе. Подобное признание со стороны графа заставляло гостя забыть все свои заботы и улыбнуться.

Жоффрей де Пейрак притягивал женщин.

Анжелика не могла этого отрицать, и то, что в первые дни ее изумляло, теперь становилось понятным.

Она замечала, какое волнение и трепет охватывали ее красивых подруг, стоило им услышать в коридорах дворца приближающиеся неровные шаги хромого дворянина, а когда он входил, волна возбуждения пронизывала собравшихся женщин. Он умел говорить с дамами. Одновременно насмешливый и нежный, он знал, что нужно сказать женщине, чтобы она почувствовала себя особенной, единственной из всех. Но Анжелика вставала на дыбы, словно строптивая лошадь, едва до нее доносились звуки его обманчиво-ласкового голоса. Каждый раз, когда она вспоминала тревожные признания кормилицы: «Он завлекает молодых женщин странным пением...», у нее кружилась голова.

Когда беседа с одной из тех дам, что первыми с жаром бросались в полемику, становилась немного резкой, рискуя стать неучливой, Анжелика с интересом ждала, не последует ли за этим «утешительный подарок». И чаще всего он не заставлял себя ждать. Анжелика не без тайной досады была вынуждена признать, что этих жеманниц ничуть не пугало склоненное к ним изрезанное шрамами лицо графа. Теперь она была уверена: он завораживал женщин своим огненным взглядом, своей ослепительной улыбкой и изысканными комплиментами, которые он шептал им и которые каждая собирала, словно букет редких цветов, волнующих ее воображение.

Между тем Анжелика не могла пожаловаться, что забыта.

Не проходило и дня, чтобы она не находила у себя подарка: безделушку или украшение, новое платье или предмет интерьера, не считая сладостей и цветов. Все они были роскошными и отличались безупречным вкусом; они восхищали ее, очаровывали и в то же время... немного смущали. Она не знала, как выразить графу ту радость, которую ей доставляют его подарки.

Каждый раз, когда Анжелика была вынуждена обратиться к мужу, она не решалась поднять глаза к его изуродованному лицу, становилась неловкой и что-то невнятно бормотала.

Однажды у окна большой галереи, возле которого она любила сидеть, Анжелика нашла красный сафьяновый ларец, украшенный золотым тиснением, и, открыв его, увидела такое великолепное бриллиантовое кольцо, которое не смогла бы представить и в самых смелых мечтах.

С восторженным трепетом молодая графиня любовалась им, размышляя, что, несомненно, даже у королевы нет ничего подобного, как вдруг услышала характерные шаги мужа.

Вскочив, она с сияющими глазами устремилась к нему.

— Какое великолепие! Как мне благодарить вас, мессир?

В упоении Анжелика подбежала к мужу так быстро, что почти столкнулась с ним. Ее щека коснулась его бархатного пурпуэна, в то время как граф твердой рукой внезапно привлек ее к себе. Ужасное лицо оказалось так близко, что ее улыбка погасла и она отпрянула, содрогнувшись. Жоффрей де Пейрак тотчас отпустил ее и бесстрастно, с оттенком презрения, произнес:

— Благодарить? За что?.. Не забывайте, моя дорогая, что вы жена графа де Пейрака, последнего, кто носит титул прославленных графов Тулузских, и поэтому должны быть самой красивой и самой нарядной. Отныне не считайте себя обязанной меня благодарить.

Это происшествие взволновало ее, и остаток дня Анжелика провела в тревоге.

Его жест, его попытка обнять ее, напомнила ей ужас того самого первого вечера, когда граф схватил ее и

сжал в объятиях, согнув, словно тростинку. Разве могла она тогда подумать, что руки мужчины могут быть такими властными? Хотел ли он в тот вечер внушить ей, что гораздо сильнее и что без труда сломил бы ее сопротивление, если бы пожелал? Анжелика поняла, что отбиваться бессмысленно, что она побеждена и стала его добычей. Она отчаянно закричала!

Он отпустил ее так резко, что, выпрямляясь, она едва не упала. Он смеялся, он что-то говорил, но она не могла точно вспомнить всех его слов — насмешливых и нечестивых. В памяти осталось только его самонадеянное обещание: «Я не буду принуждать вас! Это не в моих правилах...» И он добавил с отвратительной самоуверенностью: «Они приходили сами, и вы тоже придете, однажды днем или вечером...»

«Никогда!» — вновь повторила Анжелика, удивленная тем, как быстро забыла его вызывающие слова.

Честно говоря, она не могла пожаловаться на то, что Жоффрей де Пейрак расточает больше внимания и комплиментов другим женщинам, чем своей супруге.

Его галантность была настолько естественной, жизнерадостной и утонченной, что дамы искали его общества с явным удовольствием.

В Тулузе, так же как и в Париже, жеманницы ^[34] были в моде.

— Здесь у нас отель Веселой Науки, — однажды сказал граф, внезапно удержав жену на одном из шумных приемов. — В этих стенах мы пытаемся возродить былые изящество и галантность, которыми славилась Аквитания, а значит, и Франция. Так, в Тулузе только что завершились знаменитые «Цветочные игры». «Золотая фиалка» была присуждена молодому поэту из Руссильона. Из всех уголков Франции и даже всего мира

именно в Тулузу приезжают мастера рондо^[35], чтобы отдать свои творения на суд под покровительством Клеманс Изор^[36], лучезарной вдохновительницы трубадуров прошлого. Поэтому, Анжелика, пусть вас не пугает такое количество незнакомых лиц, постоянно находящихся в моем дворце. Если они вас беспокоят или вам необходимо немного отдохнуть вдали от суеты, можете удалиться, если вам будет угодно, в домик на Гаронне.

Но Анжелика не испытывала желания уединяться. Тулузские дамы, вначале относившиеся к молодой графине с некоторым пренебрежением, вскоре сочли ее остроумной и приняли в свой круг. Постепенно очарование этой певучей жизни захватило ее.

И днем, и ночью оно исходило от графского дома, и в таких разнообразных красках, притягательных и чарующих, порой немного тревожных, что она ощущала себя постоянной зрительницей представления, поставленного для того, чтобы покорить ее и подарить счастье. Здесь Анжелика чувствовала себя необыкновенно свободной, она расцвела и обрела возможность стать самой собой.

Анжелика то проникалась доверием к мужу, то снова боялась. Она была убеждена, что граф не изменит своему слову, но порой не могла сдержать долгую дрожь страха.

Она была пленницей хозяина этих мест.

Часто во время сиесты Анжелика садилась в нише одного из огромных окон длинной галереи, окаймляющей задний фасад дворца. Когда их распахивали, она превращалась в террасу, открытую приятным дуновением ветра.

Именно здесь накрывали столы для обедов в компании друзей, устраивали фуршет или танцевали прохладными вечерами, в сумерках.

Большие залы для торжеств, где проходил свадебный прием, смотрели окнами на город и выходили к парадному подъезду, у которого останавливались экипажи гостей. А здесь, в галерее, беспокойное соседство с шумными улицами Тулузы совсем не ощущалось.

В тени садов, окружавших задний фасад дворца, город забывался. Спустившись всего лишь по трем или четырем ступеням из галереи или из апартаментов графини, можно было очутиться среди деревьев парка.

Анжелика привыкла по утрам бродить узкими грабовыми аллеями — аллеями для прогулок вдвоем, думала она. Ниспадающие ветви деревьев и цветники образовывали вдоль них арку из зелени, сохраняя тень. Извилистые дорожки увлекали ее к густым рощам, и, чем дальше она уходила, тем меньше вспоминала о городе. Сады создавали ощущение тайны, исподволь внушая мысль, что они безграничны. Слово стоя на пороге бескрайнего леса, Анжелика еще очень долго не решалась войти туда и возвращалась к дому.

Порой среди листвы она различала белые силуэты садовников, ловких, усердных, но всегда безмолвных, и это только усиливало впечатление, будто она очутилась на краю волшебной страны, населенной призраками. Иногда один из них приближался и, упав ниц, ставил перед хозяйкой корзину великолепных свежесрезанных цветов, составленных в изящные букеты, а затем сопровождал ее к дому, чтобы передать их пажу или служанке. То там, то здесь, случайно, Анжелика узнавала новые подробности о морисках — людях с бархатными глазами и кожей цвета янтаря или подгоревшего хлеба.

Они были последними уцелевшими жителями королевства Гранада, в прошлом одного из великих мусульманских государств, возникших в Испании после того, как арабы завоевали ее в начале VIII века. Девятьсот лет спустя, в годы правления мрачного и набожного Филиппа II^[37], сына Карла V, была разыграна последняя карта христианской Реконкисты^[38].

Мудехаров^[39], иначе — «тех, кому разрешили остаться», заподозрили в том, что они ложнообращенные и продолжают втайне исповедовать ислам. После новых гонений, за которыми последовали годы кровавых мятежей, их изгнали из Андалусии^[40]. Группами по полторы тысячи человек, под стражей двух сотен солдат, мудехары были увезены, а затем расселены на севере и западе Испании, на пустынных и ветреных плато Кастилии^[41], в заснеженных и неводеланных сьеррах...^[42]

По рассказам Беранжера де Майорка, мудехары были мирными и трудолюбивыми земледельцами, и вскоре после того, как их выслали, фруктовые рощи, сады и прекрасные поля Андалусии пришли в запустение.

Но «истинные христиане» исконных провинций внутренней Испании неистово воспротивились наплыву неверных и ложнообращенных, потребовали и добились их окончательного выселения. Те, кто сумел избежать костров аутодафе^[43], возведенных инквизицией для отступников, и смерти от голода и болезней на дорогах изгнания, нашли убежище по ту сторону Пиренеев. С давних времен евреи и мусульмане смешались с цивилизацией Лангедока.

Мстительные каталонские дворяне^[44] сыграли важную роль во всей этой мрачной истории, так как

были каталонцами, а значит, ярыми врагами испанских правителей, которым графство Барселона предпочло Карла Великого еще в те далекие времена, когда он предпринял поход в Испанию, а его племянник Роланд трубил в рог, взывая о помощи в ущельях гор.

Анжелика обрадовалась, обнаружив в истории о морисках следы известной легенды.

Карл Великий, его племянник Роланд со своей невестой, красавицей Од, которая умерла от горя, получив известие о его смерти, — все они возвращали Анжелику в прекрасные дни «маленьких синих книжек».

Они вели множество подобных разговоров во время долгих конных прогулок, на которые мадам де Пейрак отправлялась рано, на заре, с небольшим эскортом друзей. Таким образом, Анжелика с каждым днем все лучше узнавала эти места, но иногда окидывала озадаченным взглядом горизонт, когда пейзаж вокруг разительно отличался от пейзажа ее родных мест. Она любила ездить верхом. С тех пор как Анжелика прибыла на Юг, только это занятие помогало ей прийти в себя. К тому же во время подобных прогулок она могла свободно беседовать со своими спутниками.

Как-то раз д'Андижос рассказал ей о чиновнике Палаты по сбору налога на соль, дружба которого с мессиром де Пейраком так поразила Анжелику. Но маркиз не заметил ее настороженности. Наверно, он никогда не имел неприятностей со сборщиком налогов. Но друг монсеньора де Пейрака прекрасно справлялся со своими обязанностями, потому что был весьма состоятельным господином и, что еще более важно, талантливым инженером. Вместе с графом они задумали один грандиозный проект. Д'Андижос напомнил Анжелике их путешествие и то, как он рассказывал ей о климате, и о том, что Тулуза лежит в центре, меж двух морей, и правит всеми ветрами.

Мягкие и влажные воздушные потоки приходили с запада, с Гасконского залива Атлантики, сливаясь с более сухими, а иногда и жгучими восточными ветрами Средиземного моря. Этот инженер был гением гидравлики: источники, реки, родники в горах, бурные потоки, ключи и ручьи — он умел рассчитывать их протяженность, определять их возможный путь через окрестные земли. Рожденный в Безье, сын «страны вод»^[45], уезжая в Тулузу по судоходной Гаронне, он мечтал вырыть канал, который соединил бы оба моря^[46].

Утопия, невыполнимый проект, о котором многие мечтали и до него. Но мессир де Пейрак помог ему своим состоянием и своей властью. «В чем заключается эта власть?» — чуть было не спросила Анжелика.

Так, она старалась получить объяснения всему, что казалось ей необычным. Грозный поток предостережений, который она увезла с собой из Монтелу, слишком часто возвращался к ней наяву, а иногда и во сне. Она пробуждалась в смятении и, очарованная всем, что ее окружало, спрашивала себя: «Кто и каким образом сможет однажды убедить ее, что она не в замке Жилия де Реца?»

Время шло, и отблески тех тревожных откровений угасали. Невидимый водопад из света и веселья струился вокруг нее.

Музыка правила здесь повсюду.

Порой она тихо звучала издали или же становилась убаюкивающей и нежной, когда музыканты, скрытые в тенистых грабовых аллеях, исполняли в часы сиесты свои маленькие мотеты^[47]. С наступлением сумерек сервированный за длинным столом ужин мог завершиться маленьким балом, но гораздо чаще гостей ожидало угощение из разнообразных фруктов, сладостей и пирожных, расставленных на маленьких столиках, у которых могли

собраться два, три или четыре человека, согласно дружеской привязанности и зову сердца.

Та свобода, которой гости располагали в часы досуга, посвящая их очарованию новых встреч, когда каждый приходил или уходил согласно своему желанию, придавала особенную привлекательность и необычность великолепным приемам во дворце Веселой Науки.

Подобное поведение не смущало Анжелику.

Притом что замок ее отца был ветхим, а его обстановка более чем скромной, двери Монтелу так же оставались открыты для всех.

Любой прохожий, желающий повидать дедушку, укрыться от дождя или осведомиться, в добром ли здравии семья де Сансе, преодолевал подъемный мост, поднимался на крыльцо и без церемоний приветствовал всех прямо с порога.

Анжелика всегда любила эти неожиданные визиты, когда можно было оставить свое рукоделие возле Пюльшери, сбегать по лестнице и познакомиться с новыми людьми или снова увидеть тех, кого будет жаль позабыть.

Большие парадные залы, выходявшие на город, позволяли принять огромное количество гостей. Многие стояли с бокалом в руке. Гости то объединялись в небольшие группы, то снова расходились; каждый переходил от одной компании к другой, чтобы насладиться встречей со старыми знакомыми или представиться новым. Беседы шли своим чередом. Обменивались новостями о войне, обсуждали падение цен на вайду^[48], которую вытеснял американский индиго, рассыпали шутки с пикантными намеками или замаскированные галантностью вольности.

Анжелика следила за тем, чтобы слуги не забывали разносить подносы с воздушными пирожными и

подавать напитки, чтобы каждый мог утолить жажду.

Эти постоянные хлопоты соответствовали ее природе. Итак, ее обязанности были невероятно легки, и она могла чувствовать себя просто еще одной гостьей дворца, и даже еще свободнее, чем другие, располагать своим временем. Жоффрей де Пейрак очень редко напоминал супруге о своем статусе мужа. Например, в тех случаях, когда сенешаль или один из высших чиновников города давал бал и мадам де Пейрак надлежало быть самой блистательной дамой в городе, затмив всех красотой и нарядами.

Тогда граф без предупреждения приходил в ее комнаты, садился около туалетного столика и внимательно следил за тем, как одевается его жена, иногда словами направляя ловкие руки Марго и горничных. От него не ускользала ни одна деталь. Для него не было тайн в дамских нарядах. Анжелика изумлялась точности его замечаний, его стремлению к изысканности. А так как она мечтала стать по-настоящему светской дамой, то не пропускала ни слова из уроков мужа. В эти моменты она забывала о своих обидах и страхах.

Но однажды вечером, рассматривая себя в большом зеркале — она была ослепительна в атласном платье цвета слоновой кости с высоким кружевным воротничком, украшенным жемчугом, — Анжелика увидела рядом темный силуэт графа де Пейрака, и внезапно отчаяние свинцовым покрывалом опустилось на ее плечи.

«Что стоит все это богатство и роскошь, — думала она, — по сравнению с ужасной судьбой: всю жизнь быть связанной с хромым чудовищем!»

Но тут граф поймал в зеркале взгляд Анжелики и поспешно отошел в сторону.

— Что с вами? Вы не кажетесь себе красивой?

Анжелика мрачно посмотрела на свое отражение.

— Нет, что вы, мессир, — ответила она покорно.

— Так в чем же дело?.. Вы могли хотя бы улыбнуться...

И ей послышался тихий вздох.

Глава 4

Анжелика решила подняться по лестнице, ведущей на верхний этаж.

Каждое утро, следуя из своих апартаментов по анфиладам галерей, залов и комнат, предназначенных для празднеств и приемов, где устраивали балы и званые обеды, она мельком видела начало этой лестницы, которая словно бросала ей вызов, подавала знак, приглашала легко взойти по ней.

Широкие низкие ступени из светлого мрамора уходили вверх. Иногда в течение дня свет струился, сбегал по ним, придавая камню красивый золотистый оттенок.

Такой лестницы она никогда раньше не видела.

Не стоило и сравнивать ее с винтовой лестницей в башне Монтелу, из серого камня, с неровными, грубыми, стершимися от времени ступенями, по которым с трудом поднимались маленькие ножки Мадлон.

Каждый раз, возвращаясь из собора по воскресеньям или с прогулки по городу, Анжелика внимательно рассматривала фасад замка. Он был трехэтажным, а точнее четырехэтажным, если считать за первый этаж кладовые, винные погреба, склады, кухни, жилые помещения, окна и двери которых выходили во внутренний двор, а пятым можно было назвать искусно сложенный из камня высокий бордюр над карнизом, который венчал здание — аттик.

Друзья никогда не упускали случая обратить ее внимание на великолепную террасу наверху замка, где летними ночами устраивали прекрасные музыкальные концерты. Многие сожалели, что граф де Пейрак не желает дополнительно надстроить башню с куполом и бельведер, как в других дворцах города. Кое-кто даже

сравнивал отель Веселой Науки с итальянскими дворцами — тосканскими, уточняли они...

Затем все снова в один голос твердили, что это бесподобный дворец. Его вдохновенное изящество не походило ни на что другое.

Анжелика отметила про себя, что она познакомилась только с нижним этажом и подсобными помещениями. Даже эта часть дома казалась ей огромной, и она не могла с уверенностью сказать, что изучила все его закоулки и повороты. А ведь еще была загадочная лестница. За небольшим пролетом ступеней виднелась площадка, и было нетрудно догадаться, что за ней следовал еще один пролет. Что она могла там найти? Свет струился оттуда, а значит, этаж не был темным и закрытым, хотя и производил впечатление нежилого. Лестница как будто приглашала ее с ним познакомиться.

Сегодня Анжелика решила, что настал момент рискнуть и, пользуясь часами сиесты, подняться на второй этаж, который, по-видимому, только ей казался запретным.

Уже два дня в отеле Веселой Науки гостил ученый, ради которого Жоффрей де Пейрак старался ограничить привычную толпу приглашенных. Действительно, этот молодой еще мужчина выглядел утомленным.

Во время обеда Анжелика уговаривала его подкрепиться основательнее, ей казалось, что он изможден, как человек, целиком погруженный в науку, изнуряющий себя в яростных спорах и к тому же не имеющий уютного дома, где он мог бы восстановить силы между двумя бурными заседаниями Академии...

Он говорил с большой изысканностью, проявляя мастерство в сочинении маленьких историй, и заставлял ее смеяться, с юмором описывая превратности своей судьбы. Несмотря на острый

интерес к вопросам, которые он поднимал, и на поддержку и защиту искренних и преданных друзей, его пребывание в Риме, Падуе или Лионе всегда заканчивалось одинаково. Он и его свита, состоящая из капеллана, повара, двух лакеев, лошадей и мула, несущего багаж и сундуки, заполненные книгами, каждый раз были вынуждены покинуть город.

Его звали Фабрицио Контарини.

Анжелика с удивлением узнала, что он венецианец, хотя и говорит по-французски без акцента, так как оставил свой родной город в ранней юности.

— Вы, верно, спрашиваете себя, мадам, уж не совершил ли я какое-нибудь преступление, которое надолго сделало меня столь нежелательной персоной? Нет-нет, успокойтесь!..

Он покинул Венецию и отправился в Монпелье, чтобы обучаться в старинном французском университете, и по счастливой случайности встретил там Жоффрея де Пейрака, такого же студента. Потом их разлучили жизненные обстоятельства, но они сохранили дружеские отношения, и уже не в первый раз Фабрицио гостил в отеле Веселой Науки.

Анжелика ступала носками своих туфель с одной ступеньки на другую. Неясное беспокойство постепенно оставляло ее.

«В конце концов, это ведь и мой дворец!»

Легко поднимаясь, она думала, что так, должно быть, выглядит вознесение, которое изображают религиозные картины: вы воспаряете к лазоревому небосводу, и там вас ожидают ангелы.

Наверху лестницы она обнаружила длинную открытую галерею, которая окаймляла фасад здания со стороны сада. За пышной зеленью, в голубовато-

розовой дымке, свойственной этой местности, можно было увидеть селение. Как и на нижнем этаже, все двери салонов и комнат были открыты. Анжелика услышала голоса.

Она остановилась и прислушалась.

Голоса доносились из комнаты посреди галереи, и, казалось, их было немного.

Анжелика помедлила в нерешительности, затем очень осторожно приблизилась, прижимаясь к стене. Вокруг царила полная тишина. Один человек говорил, а другой иногда возражал, и она убедилась, что собеседников только двое.

Голос был красив.

«Очень ученый человек.

Я прочел только предисловие к твоей книге, между тем оно позволило мне догадаться о твоём намерении, и ничто, ничто, разумеется, не может быть более приятно, чем в поиске правды обрести подлинного союзника подобного тебе, в высшей степени приверженца истины. Действительно жаль, что столь редки те, кто преданы правде, а не следуют по пути извращенной философии».

— Не было ли его высказывание чересчур смелым? — прервал собеседник. — Тот, кому он писал, рисковал почувствовать себя под прицелом этого слова — «извращенной».

Раздался взрыв смеха, который окончательно убедил Анжелику в том, что разговаривали Жоффрей и их нынешний гость, Фабрицио Контарини.

Поскольку молодая графиня уже видела их — удаляющимися, как она решила, в сторону лаборатории, — то сейчас не сразу узнала голоса невидимых собеседников, отражавшиеся тихим эхом. По правде говоря, за все время замужества ей редко случалось разговаривать с супругом вне обычного шума светских

бесед, но даже тогда вокруг них всегда находились лакеи и служанки.

В этот час, когда все вокруг словно замерло — даже птицы смолкли в листве, — голос мужа приобрел такое странное, необычное звучание, что Анжелика не узнала его, ее вдруг охватила уверенность, что говорит иностранец... Но после взрыва смеха не осталось никаких сомнений — это был действительно Жоффрей де Пейрак.

И чему она удивляется? Ведь она никогда не задумывалась, где его личные апартаменты. Значит, они находились здесь, наверху, так же как и кабинеты для деловых бумаг и корреспонденции. Машинально Анжелика слушала объяснения, которые давал ее муж по поводу прочитанного письма.

Он говорил, что речь шла о послании, написанном более пятидесяти лет назад, в августе 1597 года, великим астрономом Галилеем его немецкому коллеге Иоганну Кеплеру.

— Утверждения его так же опасны и в наше время, — заметил венецианский гость.

— Я согласен с вами.

— Как Галилей мог так доверяться Кеплеру в столь животрепещущих вопросах?

— Он убеждал обнаружить истину, суть вещей, механизм Вселенной.

— О! Какая неосторожность — утверждать это подобным образом. Я словно наяву вижу — прошли годы, и вот он, старик, стоит на коленях в белой рубахе перед бородатыми кардиналами и произносит ужасные слова отречения: «Я, Галилео Галилей, перед этим судом и коленопреклоненный перед вами, отрекаюсь и проклиная всем сердцем искренне и с единой верой без притворства все ошибки и ереси вышеуказанные...»

— Мое сердце разрывается при мысли о перенесенном им унижении.

Время от времени они говорили по-итальянски или на латыни, приводя цитаты. Анжелика сожалела об этом, так как Фабрицио умел очень живо говорить по-французски о вещах, которые его увлекали:

— Это письмо просто безумие!.. Пройдет три года, и Джордано Бруно в Риме взойдет на костер и сгорит заживо из-за тех же убеждений, что и Галилей: за поддержку теорий Коперника и недоверие к Аристотелю. Конечно, он попал в пасть волку... Но как можно жить в вечном сомнении по отношению к вопросам истины... истины мироздания!^[49]

Анжелика услышала вопрос, заданный Жоффреем по-французски тоном любезного приглашения.

— Не согласитесь ли вы встретиться со мной вечером наверху, чтобы обрести дух Галилея?

Последовало молчание, в котором растворилось все волнение, живущее в венецианце.

Затем он произнес:

— О да... Комната с золотым замком.

Слова, сказанные шепотом, так встревожили Анжелику, что в течение нескольких минут она сомневалась, все ли правильно расслышала и что все сказанное ей не приснилось и не привиделось.

Становилось жарко. Она должна была или уйти, или сосредоточить свое внимание, чтобы снова уловить нить беседы. Анжелика опять услышала слово «золото», но смысл его был иным.

— Золото Тулузы^[50], — говорил Фабрицио, — мы знаем, что оно проклято, но, несмотря на это, оно все равно околдовывает. Все, кто узнал этот город, не в силах его забыть или возненавидеть. Он — идол. Он принадлежит только себе самому. Он — твердыня. И именно здесь, под его внешней беззаботностью, зародилась и утвердилась та самая инквизиция^[51], что истребила ваших Добрых Людей^[52]. Она расправилась с

ними с пылающей непримиримостью... Я повторяю — пылающей!.. Сколько костров!.. Мы говорили о Бруно в Риме. Но и сорока лет не прошло, как здесь сожгли Джулио Чезаре, знаменитого Ванини^[53].

— Кстати, и чего ради он упорствовал в отрицании бессмертия души? — сказал Жоффрей.

— Никто не может молчать, когда правда кажется слишком очевидной!

И Анжелика с удивлением услышала, как оба снова рассмеялись, легко, как будто их развеселило совпадение мыслей.

— В свою очередь я советую вам быть осторожным, Фабрицио, — сказал Жоффрей. — Если подобное случилось с Ванини после издания книги «Амфитеатр вечного провидения», то с вашей стороны было бы наивностью пытаться оправдаться перед судьями трибунала инквизиции. Лучше бы вам не делать рискованных шагов, так явно выражая свое одобрение.

— Ба! Здесь, под вашей крышей, я чувствую себя в безопасности.

— В любом дворце есть уши шпионов.

От этих слов мужа у Анжелики замерло сердце. Он подозревал чье-то присутствие?! Она не смела пошевелиться. Малейшее движение, шорох платья могло быть услышано, так как наступила полная тишина. Внезапно она почувствовала себя перенесенной волшебным образом в иной, неизвестный, необитаемый мир, населенный лишь болтливыми духами.

Мужчины продолжали беседовать, и понемногу она успокоилась.

Размышления Жоффрея де Пейрака, казалось, также волновали его собеседника, и тот изливался в жалобах, перемежаемых протестами.

— Со временем это стало совсем невыносимо, — говорил он. — Теперь, куда бы я ни отправился, ощущение опасности не покидает меня. Я боюсь ареста, боюсь быть осужденным на костер, не имея времени даже найти убежище, где бы я смог спокойно закончить мои труды... Я надеюсь, они защитят меня, а также будут мерилом моего истинного человеческого достоинства! Я понимаю, вы знали меня большим оптимистом, смеющимся над препятствиями, если жизнь отвечала моим романтическим ожиданиям. Но годы проходят, меня начинает посещать меланхолия... Будет ли конец неудачам? Мы думаем о верных друзьях. Спрашиваем себя, а были ли у нас они. Посмотрите на знаменитого Галилея — он был величайшим ученым, признанным всеми... А затем внезапное падение, одиночество... Я думаю, не стала ли для него потеря всех верных друзей более жестоким наказанием, чем отказ от своих убеждений?.. Смотрите, тот же кардинал Барберини, разве не он был сторонником открытий Галилея и разве не он везде его рекомендовал? Кто, как не он, побудил его к тому, чтобы отправиться в Рим! А потом предал его!

— Думаю, что история Галилея особый случай... Не все наши верные друзья становятся папами! А именно это случилось с кардиналом Маффео Барберини, призванным после смерти Григория XV принять тиару под именем Урбана VIII. Мог ли он, однажды взойдя на трон Святого Петра, пошатнуть основы папского престола, провозглашая, что Солнце неподвижно?.. И что он осознал это, изучая фазы планеты, названной Венерой?.. Невыносимая правда! Даже папы — главным образом папы — имеют право быть подлыми!

Они снова вместе рассмеялись.

Фабрицио, должно быть, ходил по комнате, так как время от времени его быстрая речь была не слышна.

Анжелика подумывала о том, чтобы тихо уйти, но слова венецианца вновь задержали ее.

— Вы... Вы могли бы обрести власть, — увлеченно говорил венецианец, невольно повышая голос. — Вы смогли бы завоевать толпы... и мир. Когда я был в Лионе и советовался с предсказателем, он неожиданно предупредил меня, что вы находитесь под большим покровительством Гермеса Трисмегиста^[54]. Вы знаете, как и я, что греки уподобляли его Меркурию, но в Гермесе Трисмегисте они видели главным образом египетского бога Тота, который считался создателем всех наук, известных человечеству. И алхимики видят в нем основателя своего искусства... Нам не стоит насмехаться над защитой богов.

— Я и не думал смеяться.

— Тогда слушайте меня... Вы... вы! Вы способны завоевать толпы... и мир.

— Довольно лести, мой друг Фабрицио. Представляете ли вы, какими качествами наделяет Макиавелли^[55] своего «Государя»? Быть и казаться. Мужество и государственные интересы. Показная добродетель и преднамеренная подлость?..

Фабрицио протестующе воскликнул:

— Великий Боже, нет! Меня ужасает этот флорентийский циник, и, вопреки большинству высказанных мнений о нем, сделанных в то мятежное время, я нахожу много ошибок в его анализе человека у власти... Я хотел только намекнуть на ваше влияние, ваши возможности.

— Да, я понимаю...

Голос Жоффрея был спокойным, дружеским, но довольно безразличным, а затем Анжелика услышала, как он рассмеялся.

— А я бы хотел намекнуть на ваши работы, о которых вы мне ничего не рассказываете. И ответьте

мне, не подвергают ли они вас опасности... еще большей, чем ваш обычный образ жизни? Если я не ошибаюсь, именно Макиавелли вы выбрали в качестве центрального героя вашего философского изучения представителя власти.

— Я признаю, что это больше чем провокация или неосторожность. Но он сам олицетворяет тысячу человеческих обликов. Главным образом я ненавижу в нем именно презрение, которое сделало его популярным. Он сравнивает толпу с женщиной и советует поработить, считая лучшим способом подчинения унижение и доведение до безумия ради достижения своих целей.

Неожиданно они вновь заговорили на латыни, и Анжелика поняла, что они обсуждали труды Макиавелли и его изречения по поводу Толпы и Честолюбия Государя. Тон изменился.

— Но все же он указал мне путь. Никто до Макиавелли не осмелился мерить человека его трусостью, его тщеславием, его лицемерием. Необходимо, чтобы праведные души нашли в себе мужество и перестали заниматься мнимыми вопросами, такими, как вечное спасение.

— Это именно то, о чем я думал, — сказал Жоффри. — Вы пустились в опасное плавание. Теперь вы понимаете, почему я не хочу описывать ничего ни из моих научных исследований, ни из моих личных убеждений.

— Но я не могу молчать, — возразил Фабрицио. — Каждый раз, когда я пытаюсь отложить проведенное исследование, чтобы освободиться от его власти, оно появляется из массы моих рукописей в облике шипящего мерзкого змея. «И это! И это? — шипит он. — Можешь ли ты, сделав открытие, продолжать спать спокойно?» Нет! Невозможно, так как змей поднялся и я должен изобличить его... О! Мне понятна ваша

гримаса... Мир, тем не менее, будет вертеться, как и Земля... Прекрасное вино!..

Из последнего восклицания Анжелика поняла, что он пил вино, и внезапно ей стало жаль, что она не сидит с ними рядом, как с добрыми друзьями, за бокалом чудесного напитка.

— Куда я пойду? — продолжал Фабрицио. — Быть может, в Конта-Венессен, в Авиньон. Мой друг, иудей, чьи знания я высоко ценю, живет в городе, так как он советник легата. А под его окнами идут процессии братств кающихся грешников: флагеллантов, Кающихся Черных и Кающихся Синих^[56]. Именно в Авиньон надо идти, чтобы упиваться зрелищами ужасной религии римлян, которая одновременно и терзает нас, и восхищает нашу душу. Религии, которой я останусь верен навсегда.

Анжелика догадалась, что, увлеченный своими мыслями, он снова встал и прошелся по комнате, так как его речь вновь стала прерывистой, и большинства слов она не расслышала. Несмотря на страх быть обнаруженной, Анжелика не решалась уйти. Наконец венецианец сел, и до нее долетел голос Жоффрея, отчетливый и спокойный:

— Живите во дворце Веселой Науки... Живите здесь. Вы сможете заниматься работой, не опасаясь обвинений и преследований из-за ваших теорий, прежде чем они увидят свет. В Лангедоке наконец-то мир, поля битв перемещаются к северу. Терпимость, какую вы могли бы найти в Нидерландах под угрозой исчезновения, так как Филипп IV^[57] и Испания не приняли потерю богатых нидерландских провинций. Здесь вам будет спокойно.

Снова воцарилось молчание.

— Дворец Веселой Науки! — мечтательно пробормотал Фабрицио Контарини. — Вы меня искушаете. Это правда! Дышать тем воздухом свободы,

который проясняет мой разум, но все же... я сомневаюсь...

Снова молчание.

— Что же вас смущает? — спросил Жоффрей де Пейрак с легкой иронией.

— Женщины здесь слишком прекрасны. И хозяин чересчур... обаятелен. Это бы пагубно отразилось на моей чувствительной натуре.

— Но, Фабрицио, вы часто оказывали мне честь и удовольствие приезжать на долгое время, и я не припомню, чтобы ваша чувствительная натура страдала.

Контарини молчал. Молодая женщина прижалась к стене, желая слиться с ней и стараясь не дышать. Анжелика стояла в лучах солнца, и ей казалось, что она в храме, где происходит некое древнее таинство. Голоса сковывали ее и в то же время поддерживали в напряженном ожидании тревожных, удивительных разоблачений.

— То есть... я имею в виду, что на этот раз...

— На этот раз?

— Я почувствовал здесь нечто новое... вернее, небывалое... вернее, необычное! Та легкость, которую вы сумели создать в своем доме, заставляла забыть гнет невыносимых законов. Одним словом... я верил, что распознал дух Веселой Науки, царивший здесь когда-то... а сейчас все изменилось...

— О! Неужели?

Голос Жоффрея звучал удивленно, но, казалось, он скорее забавляется.

— Объясните.

Анжелика услышала, как граф с шумом отодвинул свое кресло, и поняла, что муж, должно быть, забросил ноги на край стола, как он иногда позволял себе. Она считала такое поведение слишком бесцеремонным для дворянина и больше подходящим военному. Впервые

она спросила себя, не щадил ли он таким образом больную ногу, когда был вынужден слушать длинную речь. Она сама, долго оставаясь неподвижной, чувствовала себя словно окаменевшей.

— Конечно, событие было грандиозное, — помедлив, объяснил Фабрицио. — Однако я не сомневался, зная вас... или полагая, что знаю вас, что это решение никак не повлияло на ваше глубокое убеждение, будто институт брака лучше всего подходит для того, чтобы убивать любовь. И я не сомневался ни минуты, что вы согласились принять столь серьезное решение, которое потрясло жителей не только вашей провинции, но и людей за ее пределами, потому что оно не основывается... по крайней мере, я надеюсь...

Фабрицио замолчал в нерешительности, и Анжелика представила себе выражение лица мужа, когда он побуждал гостя продолжать или, напротив, подумать и найти более точное слово для выражения своей мысли.

— Простите меня, — заговорил венецианец, — если я случайно вторгаюсь в ту область тайных страстей, идти на встречу с которыми каждый человек волен... вправо... нас многое лишает свободы...

— К чему вы ведете? — спросил Жофfrey.

— Я хочу сказать, что ваш брак никого не обманул, он утешил сердца и успокоил завистников. По всей видимости, это не было с вашей стороны ничем иным, как союзом правителя с иностранной принцессой для того, чтобы добавить территорию к землям, которыми он владеет.

— Действительно! И настолько выгодным союзом, что вы и представить не можете. Отличная сделка!

— Жофfrey, мой друг, вы рассуждаете цинично.

— Неужели?! Вы — слишком близкий и старый друг, чтобы я захотел скрывать от вас что-либо в таком деле, коль скоро оно так вас интересует. Но я по-прежнему не понимаю, что же такого нового моя женитьба

привнесла в отель Веселой Науки и что так расстраивает вас? И даже больше, отвращает от моего дома?

— Сам объект события, столь прелестный. И мне показалось, случилось нечто, из-за чего участница этого события не находится там, где ей предписано... по крайней мере, по обычаю.

— О! Что вы, она, напротив, на своем месте, — воскликнул граф и внезапно сардонически рассмеялся.

И тут Анжелика с ужасом осознала, что мужчины, обмениваясь мнениями и откровенными признаниями в спокойствии ленивого дня и не подозревая, что их подслушивают, — ГОВОРЯТ О НЕЙ!

И она очутилась в прохладных сумерках своих комнат, не помня, как стремительно летела и скользила по длинной лестнице.

«Вот так!.. Так не должно было закончиться», — думала Анжелика, глядя на свои руки, словно она могла прочесть по ладони какой-то непоправимый приговор.

Оказывается, она не в силах слушать, что сказал бы о ней муж, не подозревающий о ее присутствии... Что бы это значило?

Чего она боялась?

Был ли он тем самым Жилем де Рецем, затаившимся в своем замке и ожидающим часа заполучить ее, как покорную безропотную добычу?

Тайна почти открылась ей, но она убежала.

Нет! Она не желала ничего знать. Еще нет... Какую правду или какую ложь она узнала бы, будь у нее мужество остаться там? Сердце ее колотилось.

Если ей не хватило сил выслушать слова, которые помогли бы выяснить правду об этом человеке, означало ли это, что она уже утратила свою волю и попала под его влияние, в его власть?

«Это отучит тебя подслушивать под дверь!» — мрачно говорила она себе.

Самым отвратительным в их рассуждениях было то, что и тот, и другой или же оба сразу цитировали советы Макиавелли по поводу успеха, удачи, которую тот сравнивал с женщиной и советовал использовать для ее завоевания такие испытанные методы, как сначала обман, а затем порабощение.

И даже если речь шла только об обсуждении между учеными одного из невыносимых философов прошлого века, она чувствовала себя оскорбленной, и это ее раздражало.

«Это будет тебе наукой! Это будет тебе наукой!» — сердито твердила она.

Ей снова захотелось убежать...

Порой ее охватывало невыносимое беспокойство, и тогда она думала о том, чтобы укрыться в домике на Гаронне, где она провела первую ночь, как будто это могло положить конец безвыходной ситуации.

Но сегодня, несмотря на поразительное происшествие, она странным образом почувствовала в себе силы остаться. И причина тому — обязательства перед несчастным Фабрицио Контарини, которому всюду угрожала опасность быть сожженным заживо из-за его работ. Анжелика не могла так обидеть его — без веских причин, будучи хозяйкой дома, исчезнуть, сбежать, несмотря на удручающие подозрения, которые он поселил в ней.

Голос, донесшийся из сада, привлек ее внимание.

Садовник-мориск оставил на парапете, как он делал каждый день, букет только что срезанных цветов и сказал, что во дворце Веселой Науки появились гости. Анжелика толком не смогла бы объяснить, на каком языке они разговаривали: скорее это была смесь арабского и испанского.

Она побежала в конец террасы, выглянула во двор и услышала приветствия в честь прибывших экипажей и всадников, в которых она узнала свиту архиепископа. Он, в своем фиолетовом облачении, уже преодолел два пролета ступеней и стоял наверху лестницы.

Важный визит, который вырвал отель Веселой Науки из оцепенения.

Анжелика взяла цветы и торопливо направилась к входу в вестибюль.

Граф де Пейрак, предупрежденный своим управляющим, был уже там. Архиепископ, всегда полный достоинства, изменился в лице при виде персон, которых представил хозяин дома: Фабрицио Контарини и его капеллана.

Несмотря на свои северные корни, в которых его упрекали, монсеньор де Фонтенак был южанином, не способным скрывать первые чувства. Он знал, конечно, что во дворце Веселой Науки можно встретить самых необычных людей, но — как он признавал впоследствии в своих записях — это было почти всегда «из ряда вон».

Анжелика вбежала с букетом великолепных цветов, являя собой живое воплощение красоты и юности, и если не невинности, то, по крайней мере, наивности, простодушия и женственности. Монсеньор, известный великолепным чутьем к такого рода нюансам, успокоился.

Облегченно вздохнув, он протянул молодому капеллану, опустившемуся на колени, руку с перстнем для поцелуя и приветствовал высокомерным кивком венецианца, который был ему известен.

— Монсеньор, простите меня, — воскликнула Анжелика. — Мне только что сообщили о вашем приезде. Я была в саду.

В свою очередь она встала на колени, чтобы поцеловать перстень.

Что скрывалось за неожиданным визитом? Именно этим вопросом задавался каждый, когда вскоре прелат ушел.

— Он хотел узнать, найдет ли меня здесь, у вас, — горько заметил Фабрицио.

— И узнать, не продала ли еще душу дьяволу мадам де Пейрак, — сказал граф, смеясь.

Он поймал руку Анжелики и коснулся легким поцелуем.

Когда появились гости, вечер потек как обычно — в саду наслаждались напитками и шербетом и беседовали о городских новостях.

Анжелике хотелось больше узнать об истории знаменитого старика — астронома, «стоящего на коленях в белой рубаше перед бородатыми кардиналами», образ которого ее преследовал. Но случай не представился. Понемногу стирались из памяти подробности беседы, которая так ее поразила.

Возвратившись к себе в апартаменты с наступлением ночи, она еще долго сидела на террасе.

Анжелика, не переставая, думала о словах пронизательного Фабрицио по поводу «изменений» в отеле Веселой Науки и о том, как объяснил бы граф де Пейрак то «новшество», царящее в атмосфере дворца, которое не зависит от брака, этого «института, убивающего любовь», но влияет на всеобщее настроение?

А виной всему сам «объект события».

Одним словом, что же на самом деле думал о ней хозяин дома? Она никогда не узнает, потому что боится его язвительных слов, боится глубины его цинизма.

Внезапно ее пронзила мысль, что с таким дьявольским предвидением, какое чувствовалось в нем, граф, должно быть, догадался, что их подслушивали.

Это объяснило бы его поцелуй и слова о колдовстве. Рассудив так, Анжелика успокоилась и перестала

упрекать себя за бегство и уловку.

Она упала на свою постель, решив выбросить из памяти мгновения, пролетевшие в тишине, и все тайны «своего» дворца.

Ей приснился странный сон: она была заключена в донжоне, но вместо темноты его наполнял свет, точно такой же, что струился вдоль лестницы, ведущей на следующий этаж. Ее окружали душистые запахи, кто-то уходил и приходил, но нельзя было ясно различить их лица.

Анжелика проснулась с первыми лучами солнца, когда в садах еще стояла ночная прохлада.

Ей вспомнилось, что вчера в полумраке она отчетливо видела другие мраморные ступени, которые, несомненно, вели «наверх», туда, где витал дух Галилея.

«О да... Комната с золотым замком!»

Анжелика спрашивала себя: среди стольких вещей, что переплетались в ее сознании, не приснились ли ей последние слова.

Часть вторая
Загадочный дворец

Глава 5

Часто, почти ежедневно заводили разговор о Крестовых походах против альбигойцев и ереси, которая, по мнению архиепископа, осквернила в двенадцатом веке южные провинции.

Иногда Анжелика с трудом могла объединить суровые события истории и собственные знания, полученные из «маленьких синих книжек» или из лекций, прочитанных ей в монастыре по-французски или по-латыни.

Из крестоносцев она знала только своего предка, соратника Готфрида Бульонского, который освободил Иерусалим и Гроб Господень от нечестивых мусульман, таких же еретиков, как и ее ближайшие соседи-гугеноты, наглецы и смутьяны, которые благодаря Нантскому эдикту все еще худо-бедно, но жили в своих поселениях. Анжелика и Николя, чтобы поугубить протестантских детей, швыряли в них четки и образки Святой Девы Марии. Говорили, что гугеноты не почитали ее ни святой, ни девой, хотя признавали матью Христа... Именно они выдрали волосы ей, Анжелике, в ту памятную ночь...

И хотя Крестовый поход против альбигойцев обрушился на юг Франции столетия назад, он до сих пор оставался очень болезненной темой, порой выводившей из себя собеседников, чей гнев закипал подобно молоку на огне.

Она старалась понять суть противостояния, изо всех сил желая не задеть гостей оскорбительным равнодушием или невниманием.

Служители еретической религии назывались Совершенными, или Добрыми Людьми. Они ходили парами и одевались в черное. Их жизнь была сурова:

они ели овощи, изредка хлеб и рыбу. Ни мяса, ни другой пищи животного происхождения, только пост и труд, чтобы обеспечить скудное существование. Очевидно, что любой плотский опыт они считали запретным. Материя, согласно их утверждениям, была творением дьявола. Ей они противопоставляли свою святость, что жила в них той мистической силой, которая позволяла наложением рук даровать тем, кого они благословляли на смертном одре, уверенность в благом конце, то есть в том, что душа более не возродится в грешной плоти. Крестоносцы во главе с Симоном де Монфором, прибывшие с Севера по приказанию Папы Римского, чтобы уничтожить в провинциях Юга эту, по-видимому, безобидную ересь, явили зверский облик «бродяг»^[58], которые менее чем за день истребили все население города Безье, прежде чем предать его огню. Это было лишь началом. Война длилась почти полвека.

Конечно, хватило бесчинств со стороны и тех, и других, чтобы через шестьсот или восемьсот лет — цифра менялась в зависимости от поисков истоков зла или от начала их преследования — никакое примирение не было возможно.

Анжелика заметила, что, когда вспыхивал какой-нибудь спор, касающийся прошлого Лангедока, хозяин дома не вмешивался. Его темный силуэт вырисовывался в свете террасы и очертаний города, казалось, выражая удовлетворение. Невидимый дьявол из сказок, одиноко стоящий в стороне, зачастую в конце стола, наблюдал, как люди выплескивают друг другу в лицо взаимную ненависть и своими пороками обрекают себя на вечные муки...

В тот день она впервые вмешалась.

Во время обедов, собиравших, по крайней мере, с десяток гостей, Анжелика редко вступала в разговор, довольствуясь ролью слушателя. Ее живо интересовало

и забавляло то, что она слышала от гостей: что у каждого из них было на сердце и что они желали доверить друзьям в надежде получить совет или поддержку. Они часто вместе смеялись, делились забавными историями, которые или слышали от других, или пережили сами.

Все гости, хотя и соблюдали кодекс дворянской культуры, увы, не отличались смиренным нравом.

Особенно когда речь шла о политических событиях. Она убедилась, что тон повышался очень быстро и что чаще отступали те, чьи предки имели непосредственное отношение к этому давнему крестовому походу против альбигойцев, наводнившему провинцию варварами Севера. Анжелика уже знала некоторых дворян и немного опасалась их присутствия. Не важно, что они говорили на провансальском наречии или по-французски с таким же раскатистым акцентом, как и их противники. Потомков северян обвиняли в захвате земель так, как будто это преступление, сопровождаемое громкими предательствами и ударами шпаг, свершилось вчера; а также не хотели признавать за ними законность вотчин, хотя там уже родились многие поколения их предков.

— Именно «он» сделал вас сеньором этих земель! — слышались упреки. — Вы навсегда останетесь захватчиком!

«Он» — тот самый Симон де Монфор, который прибыл во главе крестоносцев разрушить дорогую их сердцу цивилизацию Юга и который до сих пор продолжает играть роль пугала для непослушных детей.

— Берегитесь! Симон де Монфор придет и утащит вас в преисподнюю! — кричали матери маленьким сорванцам.

Анжелика смотрела через стол на Жоффрея де Пейрака, и ей казалось, что он не собирается

вмешиваться.

И вот сегодня, подняв руку, она обратилась к господину де Иль-Олму:

— Мессир, я предпочла бы услышать рассказ о ваших трубадурах.

Она поразилась произведенному эффекту.

Молодой Раймон де Иль-Олм круто развернулся на каблуках, чтобы принести ей свои извинения. Она объяснила ему и остальным гостям, что жаждет узнать как можно больше подробностей о своей новой провинции и о тех далеких временах, когда трубадуры покоряли Париж. Разговор понемногу увлек всех сидящих за столом, заговорили о любви к поэзии и о том, что эта любовь будет жить вечно.

Глядя на графа, своего мужа, Анжелика была уверена, что он улыбается. Но понять его улыбку было трудно, ведь он так любил превращать ее в саркастическую усмешку. Не упрекал ли он ее в том, что она вмешалась? Но у Анжелики сложилось впечатление, что он, напротив, с удовольствием наблюдал, как она ведет беседы, успокаивая порывы слишком горячих спорщиков, что, в сущности, и было ее долгом. Роль хозяйки дворца доставляла ей удовольствие и потому давалась легко.

Все чаще случалось так, что она на какое-то время забывала, почему находится здесь и как нерасторжима ее связь с тем, кто главенствовал на этих празднествах.

Время от времени и очень ненавязчиво Жоффрей напоминал ей о своем присутствии.

Однажды на оживленном приеме она посмотрела на мужа, и он ответил ей взглядом заговорщика. Вдруг он сам, что было впервые, поймал ее за запястье и удержал около себя:

— Я догадываюсь по выражению вашего лица, что есть вопрос, который вертится у вас на языке, маленькая госпожа. О чем идет речь?

Она не могла промолчать:

— Эти острова, о которых вы говорили... Где они находятся?

— Острова Касситериды?^[59] Недалеко от Англии. Они столь малы, что, держу пари, сам лорд-протектор^[60] не знает о них. Во времена Античности отважные мореплаватели привозили оттуда олово, и народ, который назывался тогда иберийцами, ковал оружие в своих подземных мастерских. Я люблю эти неизведанные места, полные скрытых сокровищ. Острова крохотные, но для меня достаточно велики и очень богаты.

Он понизил голос.

— Прекрасная работа для наших маленьких мулов, которых ожидают на берегу Сен-Мало.

Словно угадав, какие картины проходят перед ее глазами, он добавил:

— Это тайна!

— Но вы же сами мне это рассказали!

— Потому что вы сами моя тайна.

Отвернувшись, он продолжил принимать гостей.

Однажды, когда Анжелика направлялась в галерею, где обычно обедали, ее встретила царившая там удивительная тишина и отсутствие гостей...

На краю стола стоял единственный прибор.

Дворецкий Клеман Тоннель поприветствовал ее и передал слова мессира графа, что тот работает в своей лаборатории и не стоит ждать его к обеду. Она почувствовала облегчение, потому что обычно встречалась с мужем только в присутствии многочисленных гостей.

Оказавшись в одиночестве за большим столом, она не утратила аппетит. Клеман Тоннель прислуживал ей с помощью двух пажей.

Выйдя из-за стола, Анжелика взяла корзинку для рукоделия и отправилась на свое любимое место у одного из огромных окон, распахнутых в сад. В первые же дни после свадьбы она нашла в своих комнатах иглы, шерсть и шелк, ткани, дорогие материи, предоставленные в ее распоряжение для занятий шитьем, если ей того захочется. Она остановила свой выбор на украшении шарфа, того, что обычно вышивают для дворянина, уезжающего на войну, дабы ему сопутствовала удача.

Сегодня, занятая вышивкой, Анжелика мысленно пыталась вспомнить слова, которые произнес дворецкий, когда предупредил ее об отсутствии мужа. Он совершенно точно сказал, что мессир граф уединился с мавром Куасси-Ба в своих апартаментах в правом крыле, где мессир граф обычно предается занятию алхимией.

Правда или нет, но она уловила оттенок легкого неодобрения в манере, с которой мэтр Тоннель произнес слово «алхимия». Или он, словно соглашаясь с ней, осторожно намекал: мы, люди Пуату, не верим в подобные чудеса?..

Это было неприятно!

Поразмыслив, она пришла к заключению, что ей просто показалось. Дворецкий вел себя вполне естественно, немного чопорно в своей обычной манере.

Анжелика продолжала вышивать, развлекаясь тем, что представляла светловолосого и улыбающегося дворянина, уходящего на войну, которому она подарила бы свой шарф. Бедняге предстояло биться насмерть и быть изрубленным на мелкие кусочки — как обычно гласили сказки, описывая славную битву.

Готовясь к великолепным приемам, какие граф давал во дворце Веселой Науки, Анжелика следила за их превосходной организацией. Теперь ее фигурка мелькала на кухнях, в помещениях, где составлялись вазы из фруктов и десертов, в погребах, где она выбирала вина, в залах для званых обедов и танцев, на террасах, а за ней всегда следовали три негритенка.

Она привыкла к их забавным круглым и черным личикам.

В Тулузе было множество рабов-мавров, потому что порты Эг-Морт и Нарбон находились на Средиземном море, где хозяйничали пираты.

Чтобы добраться морем из Нарбона в Марсель, нужно было снаряжать целую экспедицию. Жители Тулузы до сих пор потешались над злоключениями одного гасконского сеньора из графства Фуа, который во время поездки был взят в плен арабскими галерами. Король Франции незамедлительно выкупил его у султана Берберии, властвующего над Алжиром, но возвратившийся пленник успел сильно исхудать, и он не скрывал, что очень страдал от жары у мавров, вращая норию ^[61], которая черпала воду...

Один Куасси-Ба немного смущал Анжелику. Когда она видела, как перед нею появлялся этот гигант с глазами, словно из белой эмали, ею на мгновение овладевал страх. Между тем он казался очень добрым. Мавр не отходил от графа де Пейрака, именно он охранял в глубине дворца двери загадочной комнаты. Той, где исчезал граф каждый вечер, а иногда и днем. Анжелика не сомневалась, что это тайное место служит хранилищем реторт и склянок, о которых Энрико говорил кормилице, и ей было бы очень любопытно проникнуть туда, но она не осмеливалась.

Один из посетителей отеля Веселой Науки позволил ей узнать эту новую грань странной натуры ее мужа.

Глава 6

Незнакомец был весь в пыли. Он путешествовал верхом и ехал из Лиона через Ним. Это был довольно высокий мужчина лет тридцати пяти. Сначала он заговорил по-итальянски, затем перешел на латынь, которую Анжелика понимала плохо, и закончил приветствие на немецком. Именно на этом языке, хорошо знакомом Анжелике, граф и представил путешественника.

— Профессор Берналли из Женевы оказал мне большую честь, приехав побеседовать со мной о научных проблемах, которые мы вот уже долгое время обсуждаем в регулярной переписке.

Со свойственной итальянцам галантностью гость поклонился и начал сбивчиво объясняться. Он, несомненно, быстро надоеет своими абстрактными разговорами и формулами такой очаровательной даме, которую должны заботить более интересные вещи. Он уже смущен тем, что ей пришлось позаботиться о прохладительных напитках и закусках. Кроме того, ученый беспокоился, что может наскучить молодой женщине.

Отчасти из бравады, отчасти из любопытства Анжелика попросила разрешения присутствовать при разговоре. Однако чтобы не показаться нескромной, она расположилась в углу близ открытого окна, выходящего на внутренний дворик.

Была зима, стояла холодная, но сухая погода, и по-прежнему светило солнце. Во дворе дымились жаровни, у которых грелись слуги.

Анжелика вышивала и прислушивалась к беседе мужчин, сидевших друг напротив друга. Казалось, Берналли был охвачен нетерпением поскорее начать

разговор. Сперва они беседовали о людях, совершенно незнакомых Анжелике: об английском философе Бэкон^[62], о французах — философе Декарте^[63] и инженере Блонделе^[64]. О последнем оба собеседника высказывались с возмущением, потому что тот считал теорию Галилея бесплодными фантазиями.

Из всего сказанного Анжелика также поняла, что их гость был горячим почитателем, а ее муж — противником Декарта.

Расположившись в кресле в одной из своих излюбленных непринужденных поз, вытянув ноги перед собой и положив их на край маленькой скамеечки, Жоффрей де Пейрак казался не более серьезным, чем когда обсуждал с дамами рифмы сонета. Его собеседник, напротив, был страстно увлечен беседой и в напряжении сидел на краешке стула.

— Ваш Декарт несомненно гений, — говорил граф, — но это еще не значит, что он прав во всем.

Итальянец горячился:

— Мне будет очень любопытно узнать, как вы сможете доказать его несостоятельность. Смотрите! Он первым противопоставил схоластике с ее абстрактными и религиозными идеями экспериментальный метод. Отныне вместо того чтобы судить о вещах, как раньше, — исходя из абсолютных истин, необходимы измерения и опыты, из которых затем следуют математические законы. Этим мы обязаны Декарту. Как вы, обладая аналитическим складом ума, присущим людям эпохи Возрождения, как вы можете не поддерживать его метод?

— Я поддерживаю, поверьте мне, друг мой. Я убежден, что без Декарта наука не смогла бы избавиться от оков глупости, в которых ее удерживали последние века. Но я упрекаю его в том, что он недостаточно требователен к собственному гению. В

его теориях есть очевидные ошибки. Но я не хочу переубеждать вас, если вы так уверены в его правоте.

— Я приехал из Женевы, преодолел заснеженные поля и реки, чтобы принять ваш вызов в споре о Декарте. Я вас слушаю.

— Возьмем, если вы так желаете, принцип гравитации, иначе говоря, взаимного тяготения тел, а следовательно, и притяжения тел к земле. Декарт утверждает, что когда одно тело сталкивается с другим, оно может сообщить ему движение, только если превосходит его по массе. Таким образом, пробковый шар не сможет сдвинуть шар чугунный.

— Это же очевидно. И позвольте мне процитировать формулу Декарта: «Во всей сотворенной материи существует известное количество движения, которое никогда не возрастает и не убывает».

— Нет! — воскликнул Жоффрей де Пейрак и так стремительно поднялся, что Анжелика вздрогнула. — Нет, это утверждение ложно! Декарт не провел опыт. Чтобы увидеть свою ошибку, ему всего лишь надо было зарядить пистолет свинцовой пулей весом в одну унцию и выстрелить в тряпичный мяч весом более двух ливров. Тряпичный мяч сдвинулся бы.

Берналли с изумлением посмотрел на графа.

— Я признаюсь, вы меня смутили. Но хорошо ли выбран пример? Возможно, опыт со стрельбой вводит какой-то новый элемент? Как его можно назвать? Мощность, сила...

— Этот элемент — всего-навсего скорость. Она действует не только при стрельбе. Каждый раз, когда тело перемещается, действует скорость. То, что Декарт называет «количеством движения», на самом деле закон скорости, а не арифметическая сумма вещей.

— Если закон Декарта ошибочен, то что вы предлагаете взамен?

— Закон Коперника, где говорится о взаимном притяжении тел, об этом невидимом свойстве, таком же явлении, как магнетизм, которое не могут измерить, но и отрицать тоже не могут.

Подперев кулаком голову, Берналли задумался.

— Я уже немного размышлял об этом и обсуждал эти вопросы с самим Декартом, когда встретил его в Гааге перед тем, как он уехал в Швецию, где ему — увы! — суждено было умереть. Знаете, что он ответил мне? Закон притяжения надо отвергнуть, потому что в нем есть «что-то оккультное» и он уже изначально кажется еретическим и подозрительным.

Граф де Пейрак громко рассмеялся:

— Декарт был трусливым человеком, к тому же он не хотел терять пенсию в тысячу экю, пожалованную монсеньором Мазарини. Он помнил о бедном Галилее, который, дабы избежать пыток и костра инквизиции, вынужден был отречься от своих бесспорных открытий, одно из которых «ересь о вращении Земли». Говорят, что он не смирился со своим унижительным отречением и, не удержавшись, прошептал: «И все-таки она вертится!..» Декарт в своей работе «Мир, или Трактат о свете», возвращаясь к теории поляка Коперника «Об обращении небесных сфер», воздержался от утверждения о вращении Земли. Он только сказал: «Земля не движется, но вовлечена в движение вихревыми потоками». Разве не чудесная метафора?

— Я вижу, вы недолюбливаете беднягу Декарта, — заметил Берналли, — и, однако, называете его гением.

— Я вдвойне упрекаю его за то, что он, человек большого ума, проявлял такую ограниченность. К несчастью, Декарт вынужден был спасти свою жизнь и думать о хлебе насущном, которым он был обязан щедрости сильных мира сего. Хочу добавить, что, по моему мнению, раскрыв свой гений в области чистой

математики, он не был силен в динамике и физике в целом.

Берналли смотрел на графа с восхищением. Он принялся повторять:

— Динамикос! Динамикос! Греческое слово, обозначающее силу! Только язык греков способен все выразить.

Граф де Пейрак смотрел на него с улыбкой.

— Вернемся к нашему Декарту. Я хотел отметить, что его опыты с падающими телами, если он на самом деле занимался настоящими исследованиями, достаточно примитивны. Для их чистоты необходимо было, чтобы Декарт учел один необычный, но не такой уж невероятный, на мой взгляд, факт: воздух — это не пустота.

— Что вы хотите сказать? Ваши парадоксальные мысли сводят меня с ума!

— Я говорю, что воздух, в котором мы двигаемся, в действительности — некая плотная среда, чем-то похожая на воду, которой дышат рыбы: среда упругая, обладающая некоторым сопротивлением, сжатая, невидимая глазу, но, тем не менее, реальная.

— Вы пугаете меня, — повторил итальянец.

Взволнованный, он встал и сделал несколько шагов по комнате. Остановившись, несколько раз попытался что-то сказать, открывая рот, словно рыба, покачал головой и снова сел.

— Я бы счел вас безумцем, — сказал он, — но чувствую, что готов согласиться с вами. Ваша теория могла бы помочь завершить мое исследование о движении жидкостей. О! Я не жалею, что предпринял столь опасную поездку, ведь благодаря ей я получил удовольствие поговорить с великим ученым. Но будьте осторожны, друг мой! Если меня — а мои слова никогда не были столь смелы, как ваши, — посчитали еретиком и вынудили бежать в Женеву, то что ожидает вас?

— Ба! — воскликнул граф. — Я не пытаюсь никого убедить, если только это не люди науки, способные меня понять. У меня даже нет желания записывать и издавать результаты моих работ. Я занимаюсь исследованиями в свое удовольствие, точно так же, как наслаждаюсь сочинением песен с милыми дамами. Я спокойно живу в своем дворце, и кто придет сюда искать со мной ссоры?

— У власти глаза повсюду, — сказал Берналли, и в его взгляде промелькнула безнадежность.

В этот миг Анжелика услышала рядом легкий шорох, и ей показалось, что шевельнулись портьеры. Ей стало не по себе, и с этого момента она рассеянно следила за разговором двух мужчин. Лицо Жоффрея де Пейрака невольно притягивало ее взгляд. Вечерний полумрак в комнате смягчил черты его израненного благородного лица. Ее манили черные, полные страстного огня глаза и блеск улыбки, которая не исчезала, даже когда он говорил о серьезных вещах. Анжелику охватило волнение.

Когда Берналли ушел переодеться перед ужином, она закрыла окно.

Слуги расставляли канделябры на столах, а служанка разжигала огонь в камине.

Жоффрей де Пейрак встал и подошел к оконному проему, возле которого сидела его жена.

— Вы очень молчаливы, моя милая. Впрочем, как обычно. Не усыпили ли вас наши разговоры?

— Нет, напротив, мне было очень интересно, — медленно произнесла Анжелика и впервые не отвела глаз от лица мужа. — Я не могу сказать, что все поняла, но признаюсь вам, такие разговоры мне нравятся больше, чем беседы наших дам и их пажей о поэзии.

Жоффрей де Пейрак поставил ногу на ступеньку в проеме и наклонился, чтобы внимательнее рассмотреть Анжелику.

— Вы странная маленькая женщина. Мне кажется, вы начинаете привыкать ко мне, но не перестаете удивлять. Я использовал различные способы обольщения желанной мне женщины, но еще никогда не думал применять для этого математику.

Анжелика не смогла удержаться от смеха, и ее щеки тут же залились румянцем. Немного смутившись, она опустила глаза к вышиванию. Чтобы переменить тему разговора, Анжелика спросила:

— Значит, это физические опыты вы проводите в вашей загадочной лаборатории, которую так ревностно охраняет Куасси-Ба?

— И да, и нет. У меня действительно есть несколько измерительных приборов, но лаборатория служит мне главным образом для проведения химических исследований металлов, таких как золото и серебро.

— Алхимия, — прошептала взволнованная Анжелика. И образ замка Жилия де Реца встал перед ее глазами. — Зачем вам так много золота и серебра? — неожиданно спросила она. — Говорят, вы ищете их повсюду — не только в вашей лаборатории, но и в Испании, в Англии и даже на маленьком свинцовом руднике, который принадлежал моей семье в Пуату. Молин говорил мне, что вы также владеете золотым рудником в Пиренеях. Зачем вам столько золота?

— Чтобы быть независимым, мадам, необходимо много золота и серебра. Вот что сказал мэтр Андре Капеллан в заглавии своего труда «Искусство Любви»: «Чтобы наслаждаться любовью, надо быть свободным от забот о хлебе насущном».

— Не думайте, что завоюете меня с помощью подарков и богатства, — резко сказала Анжелика.

— Я ничего не думаю, моя дорогая. Я жду вас. Я вздыхаю. «Влюбленный должен бледнеть в присутствии своей возлюбленной». И я бледнею. Или вы находите, что я бледнею недостаточно? Я знаю, что трубадуры

должны становиться на колени перед своей избранницей, но эта поза не для моей ноги. Умоляю простить меня. Но будьте уверены, что я могу воскликнуть вслед за божественным поэтом Бернаром де Вентадуром^[65]: «Муки любви, на которые обрекла меня красавица, чьим покорным рабом я являюсь, станут причиной моей смерти». И я умираю, мадам.

Анжелика смеясь покачала головой.

— Я вам не верю. Вы не кажетесь умирающим. Вы запираетесь в лаборатории или мчитесь во дворцы тулузских жеманниц, чтобы наставлять их в поэтических рифмах.

— Вам не хватает меня, мадам?

Немного подумав, она улыбнулась и, желая сохранить игривый тон беседы, сказала:

— Мне не хватает развлечений, а вы воплощенное Развлечение и Разнообразие.

И она снова вернулась к вышиванию.

Анжелика больше не знала, нравится ей или страшит то, как порой смотрит на нее Жоффрей де Пейрак во время подобных шутливых поединков, в которые так часто вовлекала их светская жизнь. Внезапно его ирония исчезла, и в возникшей тишине Анжелика почувствовала, как подпадает под странное влияние Жоффрея, которое подчиняло и обжигало ее. Под его взглядом она чувствовала себя обнаженной и ее маленькая грудь напряглась под кружевом корсажа. Ей хотелось закрыть глаза.

«Он пользуется тем, что я уже не так осторожна, и хочет очаровать меня», — подумала она, и ее пронзила дрожь страха и удовольствия.

Анжелика восставала, словно строптивая лошадь, услышав обманчиво-ласковый голос графа. У нее кружилась голова, и ей вспоминались слова кормилицы: «Он увлекает молодых женщин странными песнями...»

Когда снова появился Берналли, Анжелика встала ему навстречу. Она случайно коснулась мужа, и ей стало жаль, что он даже не попытался обнять ее за талию.

Глава 7

Сегодня разливали первые настойки в этом сезоне. Но едва Анжелика вошла в кухню, наполненную запахами апельсина, аниса и ароматных пряностей, как запыхавшийся негритенок прибежал известить — барон Бенуа де Фонтенак хотел бы выразить свое почтение графине и ее мужу.

Епископ!

Со времени того неожиданного визита, когда в отеле Веселой Науки гостил Фабрицио Контарини, епископ больше не приезжал. Это событие казалось таким далеким. Ученый давно уехал, и Анжелика не знала, куда он направился продолжать исследования об ужасном Макиавелли. Может, в Авиньон, город флагеллантов? Или в нидерландский кальвинистский Утрехт, который, однако, сохранил дух католицизма, что позволяло всем изгнанникам чувствовать себя там «как дома».

Шло время. Приезжали и другие, к примеру Берналли недолго гостил у них в праздники, позволяя себе такую роскошь только в начале года.

Утром гостей не принимали, для визитов оставляли прохладные вечерние часы. Анжелика не видела епископа с того самого дня, когда он приезжал узнать о возможности представить своего монаха-алхимика и так изменился в лице, увидев Фабрицио.

Заинтригованная, с чувством неясного беспокойства, Анжелика сняла только что надетый передник и поспешно вышла, поправляя на ходу волосы, уложенные в модную прическу — длинные локоны, ниспадающие на кружевную накидку.

Направляясь к парадному подъезду, она увидела, как по лестнице поднимается высокий человек — барон

де Фонтенак, архиепископ Тулузский — в фиолетовом одеянии с белым воротничком. Поодаль в саду стоял эскорт монсеньора: лакеи, пажи и знатные сеньоры верхом на лошадях шумели у кареты, запряженной шестеркой гнедых скакунов.

По обыкновению Анжелика опустилась на колени, чтобы поцеловать пастырский перстень, но прелат поднял ее с колен и первым поцеловал руку молодой женщины, подчеркивая светским жестом, что в его визите нет ничего официального.

— Помилуйте, мадам, столь глубокое почтение заставляет меня чувствовать себя старым человеком перед лицом вашей молодости.

— Монсеньор, я только хотела выразить уважение, которое испытываю к столь выдающемуся человеку, принявшему священный сан, дарованный Его Святейшеством папой и самим Богом. — Всякий раз, когда Анжелика говорила нечто подобное, она вспоминала сестру Анну, их наставницу в светских манерах в монастыре Пуатье. Сестра Анна была бы сейчас довольна своей непослушной ученицей.

Между тем прелат снял шляпу, перчатки и, передав их одному из молодых священников свиты, жестом отпустил его.

— Мои люди подождут меня во дворе. Я хотел бы поговорить с вами, мадам, подальше от нескромных ушей.

Анжелика бросила насмешливый взгляд в сторону покрасневшего священника, обвиненного в нескромности.

В гостиной, после того как принесли прохладительные напитки и закуски, Анжелика извинилась за отсутствие мужа и заверила, что сейчас же пошлет предупредить его. Дальше обмен любезностями продолжался как обычно.

— Я сама очень сожалею, что заставила вас ждать: я была на кухне, следила за приготовлением настоек. Но я злоупотребляю вашим временем, рассказывая о таких мелочах.

— Для Господа нашего нет мелочей. Вспомните о служанке Марфе^[66]. Сегодня редко встретишь знатную даму, занимающуюся домашними делами. Тогда как именно хозяйка дома подает пример достоинства и трудолюбия слугам. А когда, ко всему прочему, в ней соединяются изящество Марии Магдалины и мудрость Марфы, как в вашем случае...

Но епископ говорил рассеянно, казалось, светские игры не входили в число приятных ему занятий. Несмотря на гордую осанку и нарочито прямой взгляд синих глаз, было в нем что-то не вызывающее доверия, что всегда беспокоило собеседников. Жоффрей заметил однажды, что епископ превосходно владеет искусством внушать людям чувство вины, а это даже лучше, чем умение убеждать.

Задумчиво потирая руки, епископ повторил, что очень рад снова видеть молодую женщину, которая редко появлялась в архиепископстве с того уже далекого дня, когда он венчал ее в Тулузском соборе.

— Я вижу вас в церкви и могу только похвалить ваше усердие. Но признаюсь, был несколько разочарован, не увидев вас в моей исповедальне.

— Я исповедуюсь капеллану ордена Визитации, монсеньор.

— Это достойный священник, но для вас, мадам, чья жизнь у всех на виду, мне кажется...

— Монсеньор, простите меня, — воскликнула Анжелика, смеясь, — я вам объясню свой выбор: у меня слишком незначительные грехи, чтобы исповедоваться в них такому важному человеку, как вы, я была бы очень смущена.

— Мне кажется, дитя мое, вы не понимаете самого таинства покаяния. Не во власти грешника оценивать тяжесть своих грехов. И когда до меня доходят городские слухи о распутстве, творящемся в этом доме, я очень сомневаюсь, что молодая женщина, столь красивая и очаровательная, могла остаться здесь такой же невинной, как в день ее крещения.

— Я не претендую на это, монсеньор, — прошептала Анжелика, опуская глаза, — но думаю, что слухи преувеличены. Это правда, праздники здесь веселые. Тут сочиняют стихи, поют, пьют вино, говорят о любви и часто смеются. Но мне никогда не приходилось видеть распутство, которое смутило бы мою совесть...

— Позвольте мне думать, что вы слишком невинны, чтобы лицемерить, дитя мое. Совсем юной вас отдали супругу, чьи слова не раз были близки к ереси, а его умение и опыт в обхождении с женщинами позволяют ему без труда влиять на ваш еще неокрепший дух. Достаточно вспомнить широко известные Суды любви, которые он ежегодно проводит в своем дворце, где собираются не только тулузские сеньоры, но и горожанки, а также все молодые дворяне провинции — я содрогаюсь и трепещу, сознавая, что благодаря своему богатству ваш муж с каждым днем приобретает все большее влияние на город. Главные капитулы^[67] — как вы знаете, консулы наших провинций, — суровые и неподкупные судьи, уже обеспокоены появлением своих супругов во дворце Веселой Науки.

— Этих людей трудно понять, — сказала Анжелика с притворным возмущением. — Я часто слышала о честолюбивых устремлениях именитых горожан, которые желают быть принятыми в круг высшей знати до того дня, пока милостью короля они сами не получат дворянство. Мой муж не мелочный человек в том, что касается герба или древности фамилии. Он принимает

всех, и мужчин и женщин, если они умны. Я удивлена, что господа капитулы недовольны этим.

— Прежде всего душа! — прогремел архиепископ, словно выступал с соборной кафедры. — Прежде всего душа, мадам, затем почести.

— Вы действительно думаете, что моя душа и душа моего мужа находятся в серьезной опасности, монсеньор? — спросила Анжелика, широко раскрыв ясные глаза.

Несмотря на то что Анжелика послушно следовала всем религиозным ритуалам, которые предписывались девушкам и дамам ее положения, — церковь, посты, исповеди, причастия, — ее мятежный разум восставал, как только все это переходило в крайность и противоречило ее природному здравому смыслу.

Архиепископ, прикрыв глаза и скрестив пальцы, унизанные алмазами и аметистами, выглядел сосредоточенным, словно искал в глубине сердца божественную подсказку для ответа.

— Разве я знаю? — наконец произнес он, вздыхая. — Я ничего не знаю. То, что творится в этом дворце, тайна для меня, и с каждым днем я беспокоюсь все больше и больше.

Неожиданно он спросил:

— Знаете ли вы, мадам, о работах вашего мужа в области алхимии?

— По правде говоря, нет, — ответила Анжелика спокойно. — Граф де Пейрак интересуется наукой...

— Говорят даже, он большой ученый.

— Я верю в это. Он проводит много времени в лаборатории, но никогда не приглашал меня туда. Без сомнения, он считает, что женщинам это не интересно.

Анжелика открыла веер, чтобы скрыть улыбку, а может быть, и смущение, которое начала испытывать под пронзительным взглядом епископа.

— Это мое призвание — читать в сердцах людей, — сказал архиепископ, который словно догадался о ее чувствах. — Но не беспокойтесь, дочь моя. Я вижу по вашему взгляду, что вы честны и, несмотря на ваш юный возраст, незаурядная личность. А что до вашего мужа, то, возможно, еще есть время и он покается в своих ошибках и отречется от ереси.

Анжелика вскрикнула:

— Но я вас уверяю, вы ошибаетесь, монсеньор! Возможно, мой муж не ведет себя как примерный католик, но он совсем не интересуется Реформацией и другими гугенотскими верованиями. Я даже слышала, как он насмеялся над этими «унылыми бородачами из Женевы», он сказал, что их небесная миссия заключается в том, чтобы лишить все человечество удовольствия смеяться.

— Обманчивые слова, — мрачно проговорил прелат. — Не видят ли постоянно в его доме, в вашем доме, известных протестантов?

— Это ученые, с которыми он беседует о науке, а не о религии.

— Наука и религия тесно связаны. Недавно мои люди сообщили мне, что известный итальянец Берналли нанес графу визит. Вы знаете, что это за человек? После конфликта с Римом из-за нечестивых рукописей он нашел убежище в Женеве, где стал протестантом. Но не будем останавливаться на этих признаках духовного падения, о которых я сожалею. Есть вопрос, который волнует меня уже много лет. Граф де Пейрак очень богат и становится все богаче. Откуда у него столько золота?

— Но монсеньор, не принадлежит ли мой муж к одной из самых древних фамилий Лангедока, которая в старинном родстве с графами Тулузы, а те, в свою очередь, были так же влиятельны в Аквитании, как короли в Иль-де-Франс?

Архиепископ презрительно рассмеялся.

— Вы правы. Но дворянское происхождение еще не говорит о богатстве. Родители вашего мужа были так бедны, что этот прекрасный отель, где теперь царите вы, еще пятнадцать лет назад превращался в развалины. Разве граф де Пейрак никогда не рассказывал вам о своей юности?

— Н-нет, — прошептала Анжелика, удивляясь своему неведению.

— Он был младшим ребенком в семье и так беден, что в шестнадцать лет сел на корабль, идущий в дальние страны. Он долгие годы странствовал, и его уже считали мертвым, когда он объявился вновь. Родители и старший брат вашего мужа к этому времени умерли, а кредиторы делили между собой его родовые земли. Он выкупил все, и с тех пор его состояние только растет. Однако графа никогда не видели при дворе, от которого он стремится держаться в стороне, и он даже не получает никакой королевской пенсии.

— Но у него есть земли, — сказала Анжелика, чувствуя себя подавленной. — Он владеет обширными горными пастбищами, где разводят овец, чтобы получать шерсть, есть большая суконная мастерская, тутовые плантации, а также он владеет серебряным и золотым рудниками...

— Вы сказали — золото и серебро?

— Да, граф де Пейрак владеет многочисленными рудниками во Франции, где, как он утверждает, добывает золото и серебро.

— Как точны ваши слова, мадам! — сказал прелат вкрадчивым голосом. — «Где, как он утверждает, добывает золото и серебро!..» Это то, что я хотел услышать. Ужасные подозрения подтверждаются.

— Что вы хотите этим сказать, монсеньор? Вы пугаете меня.

Архиепископ снова устремил на нее взгляд своих очень светлых глаз, который иногда становился тверже стали. Он медленно произнес:

— Я не сомневаюсь, что ваш муж один из великих ученых нашего времени, и поэтому я полагаю, мадам, что он и вправду нашел философский камень, иначе говоря, раскрыл секрет Соломона — тайну получения золота с помощью магии. Но на что он пошел ради этого? Я опасюсь, как бы он не получил свои способности, продав душу дьяволу!

Снова Анжелика прикрыла губы веером, чтобы не рассмеяться. Она ожидала намеков на торговлю, которую вел граф и о которой она кое-что знала из доверительных рассказов Молина и со слов отца; она опасалась этих намеков, понимая, что подобная деятельность наносит вред репутации дворянина. Но это странное обвинение, высказанное архиепископом, которого считали хорошо образованным человеком, сначала показалось ей смешным. Говорил ли он серьезно?

Вдруг Анжелика вспомнила, что Тулуза была одним из французских городов, где инквизиция еще имела власть. Ужасный институт Средневековья — трибунал, созданный против еретиков и для борьбы с теми, кто проповедовал новую веру — альбигойскими катарами, сохранял здесь свое исключительное право, и даже сам король не осмеливался оспорить его.

Тулуза, этот веселый город, был еще и красным от крови, ведь почти сто лет назад здесь больше чем где бы то ни было убивали гугенотов. Еще до Парижа тут была своя кровавая Варфоломеевская ночь. В Тулузе неустанно проводились многочисленные религиозные церемонии. Это был по-настоящему «звонящий остров», колокола беспрерывно призывали верующих на богослужения, город утопал в распятиях, святых ликах и реликвиях, словно в цветах. Пламя костров испанской

инквизиции выжгло чистый свет латинского духа, который принесли сюда из Рима древние победители. Рядом с такими шутовскими братствами, как «Принцы Любви» или «Вожаки Юности», известными своими проделками, по улицам шли процессии флагеллантов, которые так истязали себя прутьями и шипами, что на мостовых оставались кровавые следы, а их глаза горели мистической страстью.

Анжелика, увлеченная водоворотом легкой жизни, не задумывалась над этой особенностью Тулузы. Но она знала, что архиепископ — человек, который сейчас сидел перед ней в высоком, обитом гобеленом кресле и пил лимонад, — и есть Великий инквизитор Тулузы.

Ее голос дрогнул, когда она спросила:

— Монсеньор, неужели вы собираетесь обвинить моего мужа в колдовстве?.. Разве добыча золота — это не обычная вещь в стране, которую Господь щедро одарил своей милостью, рассыпав по земле чистый драгоценный металл?!

И тонко заметила:

— Позвольте мне напомнить, что у вас тоже есть золотоискатели, которые промывают песок со дна Гаронны в корзинах и часто находят там песчинки золота или самородки, которые вы потом используете, чтобы облегчить страдания нищих.

— В ваших словах есть здравый смысл, дочь моя. Но именно потому, что хорошо знаю работу по добыче золота, я смею утверждать — даже если промыть песок всех рек и ручьев Лангедока, невозможно получить и половину того, чем, должно быть, владеет граф де Пейрак. Поверьте, я хорошо осведомлен.

«В этом я не сомневаюсь, — подумала Анжелика, — и правда, эта авантюра с испанским золотом и мулами началась уже давно...»

Голубые глаза следили за ней. Анжелика немного нервно закрыла веер.

— Ученый не обязательно приспешник дьявола. Не говорят ли, что при дворе есть ученые, установившие подзорную трубу, чтобы смотреть на звезды и горы на Луне, и Гастон Орлеанский, дядя короля, занимается этими наблюдениями под руководством аббата Пикара?
[68]

— Действительно, к тому же я знаю аббата Пикара. Он не только астроном, но и главный королевский геометр.

— Вот видите...

— Церковь, мадам, обладает широтой взглядов. Она позволяет проводить любого рода исследования, даже такие весьма рискованные, как опыты аббата Пикара, о которых вы говорили. Я скажу больше. В архиепископстве у меня в подчинении есть один ученый священник из ордена францисканцев-риколлетов, монах Беше. Долгие годы он исследует превращения металла в золото, но все это с разрешения — моего и Рима. Признаюсь вам, до сих пор это обходилось мне довольно дорого, особенно что касается специальных компонентов, которые я должен выписывать из Испании и Италии. Этот человек знает самые древние традиции своей науки и уверяет, что для успеха необходимо получить высшее откровение, которое может снизойти или от Бога, или от Сатаны.

— Добился ли он успеха?

— Еще нет.

— Несчастный. Его не замечает ни Бог, ни Сатана, несмотря на ваше высокое покровительство.

Анжелика прикусила губу, сожалея о насмешке. Она чувствовала, что задыхается, и ей было необходимо сказать хоть какую-нибудь глупость, чтобы снять напряжение. Разговор казался ей скорее странным, чем опасным. Она повернулась к двери в надежде услышать

неровные шаги мужа, идущего по галерее, и вздрогнула:

— О! Вы уже здесь?

— Я только вошел, — сказал граф, — мне нет прощения, мессир, я заставил ждать себя. Признаюсь, меня предупредили почти час назад о вашем визите, но я не мог остановить сложный опыт, который шел в одной из реторт.

Граф все еще был одет в рабочий халат алхимика, который походил на просторную, длинную до пола рубаху, а вышитые на нем знаки зодиака чередовались с цветными пятнами — результатами химических опытов. Анжелика не сомневалась, что это была своего рода провокация; он намеренно пришел в этом облачении, так же, как намеренно обратился к архиепископу Тулузскому «мессир», тем самым давая понять, что намерен говорить с ним на равных, как с бароном Бенуа де Фонтенаком.

Граф де Пейрак знаком подозвал слугу, и тот помог ему снять халат.

Потом Жоффрей вышел вперед и поклонился. В лучах солнца его волосы заблестели, роскошные, тщательно ухоженные локоны могли соперничать по своей пышности с парижскими париками, уже входившими в моду.

«У него самые красивые волосы на свете», — подумала Анжелика.

Тем временем граф де Пейрак подвинул высокий табурет и сел рядом с Анжеликой, немного позади жены.

Анжелика не видела его, но до нее доходил свойственный мужу аромат табака.

Кроме того, она чувствовала, что, обмениваясь ничего не значащими словами с архиепископом, Жоффрей де Пейрак не отказывает себе в удовольствии ласкать взглядом затылок и плечо молодой жены и,

более того, с дерзостью погружаться в нежные тени корсажа.

Насмешка была тем более явной, ведь все происходило в присутствии прелата, добродетель которого была непоколебима.

Действительно, получив сан в наследство от одного из своих дядей, он не только старался перенять его порядки и взять на себя ответственность за управление одной из значительных епархий Франции, но и быть пастырем людских душ. Образцовое поведение архиепископа, которое не давало повода для критики, делало его еще более опасным.

Анжелике хотелось повернуться к мужу и умолять его: «Прошу вас, будьте осторожны!»

В то же время она наслаждалась этим безмолвным выражением чувств. Ее девственная кожа, лишенная ласки, желала прикосновений более реальных — прикосновений умелых губ, которые бы пробудили ее чувственность. Анжелика сидела очень прямо и немного напряженно, она чувствовала, как огнем горят ее щеки. Она говорила себе, что выглядит смешно и в поведении мужа нет ничего такого, что могло бы разгневать епископа, ведь, в конце концов, она — жена этого человека и принадлежит ему. Внезапное желание захватило ее — уступить ему, закрыв глаза, забыться в его объятиях, принадлежать ему. От Жоффрея де Пейрака, конечно, не ускользнуло ее волнение, должно быть, он сейчас смеется над ней. «Он играет со мной как кот с мышью. Он мстит мне за мое пренебрежение», — думала она в растерянности.

Чтобы скрыть замешательство, она подозвала одного из мальчиков-негритят, дремавшего на подушке в углу комнаты, и приказала ему принести бонбоньерку.

Когда мальчик принес коробочку из эбенового дерева, украшенную перламутром (в ней были орехи, засахаренные фрукты, цукаты и розовый сахар), Анжелика успокоилась и стала более внимательно слушать разговор двух мужчин.

— Нет, сударь, — говорил граф де Пейрак, беззаботно жуя фиалковые пастилки, — не думайте, что я увлекаюсь наукой, чтобы узнать тайны власти и могущества. Просто меня всегда тянуло к знаниям. Например, если бы я остался беден, то попытался бы получить должность смотрителя королевских вод. Вы не можете себе представить, насколько мы во Франции отстали в вопросах орошения и подачи воды! Римляне знали об этом в десять раз больше, чем мы, а когда я был в Египте и Китае...

— Знаю, что вы действительно много путешествовали, граф. Не приходилось ли вам бывать в тех странах Востока, где еще помнят секреты волхвов?

Жоффрей рассмеялся.

— Я был там, но волхвов не встречал. Меня не интересует магия. Я оставляю ее вашему храброму и наивному Беше.

— Беше постоянно спрашивает, когда же он будет иметь удовольствие присутствовать при проведении одного из ваших опытов и стать вашим учеником в химии?

— Мессир, я не школьный учитель. И даже если бы был таковым, то не допускал бы к науке ограниченных людей.

— Однако этот монах известен тонким умом.

— Без сомнения, в схоластике, но в науках, где необходима наблюдательность, его ум ничтожен: он видит вещи не такими, как они есть, а такими, какими они ему представляются. Я называю подобных людей глупыми и ограниченными.

— Будь по сему, это ваше мнение, я не слишком сведущ в мирских науках, чтобы судить, насколько обоснована ваша неприязнь. Но не забывайте: монах Беше, которого вы считаете невеждой, издал несколько лет назад весьма примечательную книгу по алхимии, и у меня были некоторые трудности при получении разрешения Рима на ее издание.

— Только церкви и заниматься одобрением или неодобрением научных трудов, — сказал граф с пренебрежением.

— Позвольте мне остаться при своем мнении. Разве дух церкви не объединяет природу и все чудесное?

— Не вижу причин для этого. Вспомните слова Господа нашего, монсеньор: «Кесарю — кесарево». Кесарь — это светская власть людей, но также и внешняя власть вещей. И говоря так, Сын Божий желал утвердить независимость души и ее религиозной сущности от сущности материальной, и я не сомневаюсь, что к ней относится и отвлеченная наука.

Прелат покачал головой, а на его губах появилась тонкая улыбка.

— Я восхищаюсь вашей диалектикой. Она достойна великой традиции и показывает, что вы хорошо усвоили уроки теологии, которые посещали в университете нашего города. Однако здесь разрешить споры может только суждение святых отцов церкви, ибо нет ничего разумнее безумия ^[69].

— Монсеньор, теперь я восхищен вашими словами. Действительно, если дело не касается исключительно церковных дел, то есть догм и морали, и речь идет о науке, то я считаю, что мой единственный аргумент — эмпирический факт, а никак не логические уловки. Другими словами, я должен полагаться на методы опытного познания, которые изложил Фрэнсис Бэкон в своем «Новом Органоне», изданном в 1620 году, а

также следовать указаниям математика Декарта: его «Рассуждения о методе» будут в ряду самых значительных трудов по философии и математике.

Анжелика видела, что имена этих двух ученых почти незнакомы прелату, который, между тем, считался эрудитом. Она беспокоилась, как бы дискуссия не приобрела более резкий тон и Жоффрей не стал бы провоцировать собеседника.

«Какая необходимость у мужчин спорить о вещах, не стоящих булавочной головки?» Но больше всего она боялась, что ловкие отступления архиепископа преследуют только одну цель — заманить Жоффрея де Пейрака в ловушку.

На этот раз архиепископ не смог скрыть свои чувства. На его бледных гладковыбритых щеках выступила краска, он прикрыл глаза, и на лице появилось выражение коварного превосходства, которое испугало молодую женщину.

— Мессир де Пейрак, вы говорите о власти. Власти над людьми и над вещами. Задумывались ли вы когда-нибудь, что ваши успехи могут показаться многим подозрительными и особенно привлечь пристальное внимание церкви? Ваше богатство, растущее изо дня в день, ваши научные работы, которые привлекают к вам ученых, состарившихся над книгами. В прошлом году я беседовал с одним из них — немецким математиком, — он читал некоторые ваши работы. Ученый в недоумении, как вам удалось разрешить, словно играючи, проблемы, над которыми напрасно бились великие умы нашего времени. Вы говорите на двенадцати языках...

— Пико делла Мирандола^[70], живший более чем полтора столетия лет назад, говорил на восемнадцати языках.

— Ваши таланты многочисленны, вы великолепно рифмуете, вы достигли совершенства, — простите меня, мадам, — в искусстве обольщения женщин...

— А это?

Анжелика с болью в сердце догадалась, что Жоффрей де Пейрак показал на изуродованную щеку.

Смушение епископа переросло в раздражение:

— О! Я не знаю как, но вы заставляете их забыть об этом. У вас много талантов, поверьте мне.

— Ваши обвинения удивили и потрясли меня, — медленно проговорил граф. — Я до сих пор не знал, что настолько привлекателен. Мне наоборот казалось, что я представляю собой ужасное зрелище.

Он наклонился, и его глаза заблестели, как если бы он только что нашел повод для хорошей шутки.

— А знаете ли вы, монсеньор, что я в некотором роде мученик-гугенот?

— Вы гугенот? — воскликнул прелат.

— Я сказал: в некотором роде. Вот моя история. После моего рождения мать перепоручила меня кормилице, которую она выбирала не по религиозным соображениям, а по пышности груди. Кормилица была гугеноткой. Она увезла меня в свою деревню в Севеннах, над которой возвышался замок мелкого сеньора-протестанта. Неподалеку, как и полагается, был другой сеньор и католическая деревня. Не знаю, с чего все началось. Мне было три года, когда католики и гугеноты схватились между собой. Моя кормилица и другие женщины из деревни нашли убежище в замке дворянина-гугенота. Но к полуночи католики взяли замок приступом. Убивали всех без разбора, а потом подожгли замок. А меня, после того как исполосовали саблей лицо, выбросили в окно, и я упал со второго этажа во двор, покрытый снегом. Снег смягчил падение и спас от горящих вокруг веток. Утром один из тех католиков, кто вернулся поживиться, признал во мне сына тулузского сеньора; он подобрал меня и положил в заплечную корзину вместе с моей молочной сестрой Марго — единственной уцелевшей во время резни. Он

попадал несколько раз в снежные бури, прежде чем вышел на равнину. Когда он достиг Тулузы, я еще был жив. Моя мать вынесла меня на солнечную террасу, раздела и запретила врачам приближаться ко мне — она сказала, что они залечили бы меня до смерти. Только к двенадцати годам я начал ходить. А в шестнадцать я сел на корабль. Вот откуда у меня была возможность учиться: сначала благодаря моей болезни и неподвижности, затем благодаря путешествиям. Здесь нет ничего подозрительного.

После некоторого молчания архиепископ задумчиво произнес:

— Ваш рассказ многое объясняет. Меня больше не удивляет ваша симпатия к протестантам.

— Я не испытываю симпатии к протестантам.

— Хорошо, скажем иначе: ваша антипатия к католикам.

— Я не испытываю антипатии к католикам. Я, сударь, человек прошлого и плохо уживаюсь с нашим нетерпимым временем. Мне бы родиться на век или два раньше, в эпоху Возрождения, даже звучит приятнее, чем Реформация. Родиться в то время, когда французские бароны открывали для себя Италию, а за ней блистательную Античность: Рим, Грецию, Египет, библейские земли...

Архиепископ сделал почти незаметное движение, которое, однако, не ускользнуло от Анжелики.

«Он все-таки заманил Жоффрея, куда ему хотелось», — подумала она.

— Давайте поговорим о библейских землях, — мягко сказал архиепископ. — Не говорится ли в Библии, что именно царь Соломон был первым магом; он отправлял свои корабли в Офир^[71], где, скрытый от посторонних глаз, превращал простые металлы в драгоценные.

История сообщает, что его корабли возвращались нагруженные золотом.

— История также говорит, что, вернувшись домой, Соломон удвоил налоги, а это доказывает, что он привез немного золота и точно не знал, когда сможет пополнить запасы. Если бы он владел секретом превращения металла в золото, то не поднимал бы налоги и не утруждал бы себя снаряжением кораблей в Офир.

— Он был мудрым человеком и, возможно, не хотел, чтобы его тайнами злоупотребляли в государственных делах.

— А я скажу, что Соломон не мог узнать, как превратить металлы в золото, потому что это невозможно. Алхимия — ложная наука, глупая мистификация Средневековья, которая скоро станет полной нелепицей, так как никто никогда не сможет совершить превращение.

— А я вам заявляю, — бледнея, воскликнул архиепископ, — что собственными глазами видел, как Беше погрузил оловянную ложку в приготовленный им состав, и ложка стала золотой.

— Ложка не стала золотой, а покрылась золотом. Если бы этот славный малый потрудился соскоблить верхний золотой слой, то непременно обнаружил бы под ним олово.

— Это правда, но Беше утверждает, что это начало превращения, первая стадия самого явления.

Повисло молчание. Рука Жоффрея скользнула по подлокотнику кресла Анжелики и коснулась запястья молодой женщины.

Граф де Пейрак спросил безразлично:

— Если вы убеждены, что ваш монах нашел магическую формулу, то о чем, собственно, вы пришли просить меня?

Архиепископ смотрел прямо.

— Беше убежден, что вы знаете высшую тайну, позволяющую завершить превращение.

Граф расхохотался.

— Никогда не слышал более нелепого утверждения. Чтобы я занимался подобными глупостями? Несчастный Беше, я охотно оставляю ему все волнения и надежды этой фальшивой науки, которой он занимается и...

Ужасный шум, похожий на удар грома или пушечную канонаду, прервал его.

Жоффрей вскочил, бледнея.

— Это... это в лаборатории. Мой Бог, только бы не убило Куасси-Ба! — проговорил он и торопливо направился к дверям.

Архиепископ тоже встал с видом вершителя правосудия. Он молча смотрел на Анжелику.

— Я уезжаю, — сказал он наконец. — Думаю, что в этом доме сам Сатана уже в ярости от моего присутствия. Позвольте мне удалиться.

И он вышел широким шагом. Когда карета епископа проезжала главные ворота, слышались щелканье кнутов и крики кучера.

Оставшись одна, ошеломленная Анжелика провела маленьким платочком по лбу. Этот разговор, который она внимательно слушала, озадачил ее. Она говорила себе, что с нее достаточно болтовни о Боге, Соломоне, ереси и магии. Затем упрекнула себя в богохульных мыслях и покаялась. Наконец решила, что мужчины невыносимы со своими спорами, и даже сам Бог должен потерять от этого терпение.

Анжелика не знала, что делать.

Она умирала от желания пойти в то крыло замка, откуда слышался взрыв. Жоффрей выглядел очень взволнованным. Может, кто-то ранен? И все же она не двигалась. Тайна, которой граф окружал свою работу, не раз давала ей понять, что это единственное место, где он не потерпит любопытства несведущих.

Объяснения, которые он дал архиепископу, были сделаны весьма неохотно и только из уважения к его сану. Но их оказалось явно недостаточно, чтобы рассеять подозрения прелата.

Анжелика вздрогнула. «Колдовство!» Она окинула взглядом комнату. В такой сказочной обстановке это слово казалось злой шуткой. Но было еще так много всего, чего Анжелика не знала.

«Я пойду туда, — решила она. — Тем хуже, если он рассердится».

Но тут она услышала шаги мужа, и вскоре граф вошел в гостиную. Его руки были в саже. Но он улыбался.

— Слава Богу, ничего серьезного. У Куасси-Ба только несколько царапин, он укрылся под столом, и я даже сначала подумал, что взрывом его выбросило в окно. Но ущерб есть. Мои самые ценные реторты из специального богемского стекла разлетелись вдребезги. Ни одна не уцелела!

По его знаку подошли два лакея с тазиком и золотым кувшином с водой. Граф вымыл руки и щелчком расправил кружева на манжетах.

Анжелика набралась храбрости:

— Жоффрей, так ли уж необходимо посвящать столько времени опасным опытам?

— Золото необходимо, чтобы жить, — сказал граф и обвел жестом великолепный салон, где недавно по его приказу снова позолотили потолки. — Но главное не в этом. Я нахожу в работе удовольствие, которое мне не может дать ничто другое. Это цель моей жизни.

У Анжелики сжалось сердце, как если бы слова графа лишили ее чего-то очень ценного. Но заметив, что муж внимательно смотрит на нее, Анжелика постаралась принять равнодушный вид. Он улыбнулся и повторил:

— Это единственная цель моей жизни, не считая еще одной — завоевать вас, — добавил он и низко поклонился.

— Я не соперница вашим колбам и ретортам, — ответила Анжелика слишком быстро. — Но признаюсь, слова монсеньора обеспокоили меня.

— Правда?

— Вы не почувствовали в них скрытую угрозу?

Он медлил с ответом. Прислонившись к окну, граф задумчиво смотрел на плоские крыши города, — они были так тесно прижаты друг к другу, что их круглая черепица казалась одним большим узорчатым красно-розовым ковром. Справа высокая Ассезская башня с фонарем прославляла торговцев вайдой, которой засеивали поля по всей округе. Оставаясь в течение столетий единственным натуральным зеленым и синим красителем, вайда выращивалась в изобилии, на ней сделали состояния буржуа и торговцы Тулузы.

Жоффрей де Пейрак молчал, и Анжелика вернулась в свое кресло, а маленький негритенок поставил перед ней плетеную корзинку с ворохом шелковых ниток для вышивания.

После вчерашнего празднества во дворце было тихо. Анжелика подумала, что останется наедине с графом во время обеда, если только не явится их постоянный гость Бернар д'Андижос...

— Вы обратили внимание, — вдруг заговорил граф, — на искусство Великого инквизитора? Сначала он говорил о морали, мимоходом остановился на «оргиях» во дворце Веселой Науки, намекнул на мои путешествия, а оттуда привел нас к Соломону. И вот вдруг обнаруживается, что мессир барон Бенуа де Фонтенак, архиепископ Тулузский, настаивает, чтобы я поделился с ним секретом изготовления золота, иначе он сожжет меня, как колдуна, на площади Сален.

— Я думаю, что почувствовала в его словах именно эту угрозу, — сказала Анжелика в смятении. — Вы полагаете, он действительно верит, что вы заключили сделку с дьяволом?

— Он? Нет. Это он оставляет своему наивному Беше. Архиепископ слишком рассудителен и хорошо меня знает. Однако он убежден, что мне известен научный секрет приумножения золота и серебра. Он хочет получить его, чтобы использовать самому.

— Это низко! — воскликнула Анжелика. — Но он кажется таким достойным, таким искренне верующим, таким благородным.

— Он такой и есть. Все его состояние уходит на благотворительность. Каждый день он накрывает стол для бедных чиновников. Насколько мне известно, на его попечении пожарная команда и приют для детей-подкидышей. Он преисполнен божественным величием и спасением душ. Но его собственный демон — власть. Архиепископ сожалеет о времени, когда единственным владыкой города и даже провинции был епископ, с жезлом в руках он вершил справедливость, наказывал и вознаграждал. А еще его раздражает растущее влияние дворца Веселой Науки — и все это напротив его собора. Если так пойдет и дальше, через несколько лет граф де Пейрак, ваш супруг, моя дорогая Анжелика, будет властвовать в Тулузе. Золото и серебро дают власть, и вот она в руках приспешника Сатаны! Итак, монсеньор действует без колебаний. Или мы с ним разделим власть, или...

— Что случится тогда?

— Не бойтесь, моя милая. Хотя интриги архиепископа могут быть пагубными для нас, но пока я не вижу причин для такого поворота событий. Он раскрыл свою игру — он хочет заполучить секрет изготовления золота. Я охотно раскрою его.

— Так вы все-таки владеете этой тайной? — тихо спросила Анжелика, широко раскрыв глаза.

— Давайте не будем путать. У меня нет никакой магической формулы для получения золота. Моя цель не сколотить состояние, а заставить работать силы природы.

— Но в самой этой идее не заключена ли ересь, как сказал бы монсеньор?

Жоффрей расхохотался.

— Я вижу, вы получили хорошие уроки по вопросам веры. Но и вы начинаете бороться против паутины пустых догм. Увы! Я знаю, как трудно увидеть все в истинном свете. Вода и ветер заставляют крутиться крылья мельниц, но даже в средние века мельников не отлучали от церкви. Но теперь она объявила бы войну, посмей я построить на возвышении в окрестностях Тулузы что-то вроде паровой машины, которую установил на вашем руднике Аржантьер! Если я поставлю стеклянный или глиняный сосуд на огонь кузнечного горна, едва ли туда проскользнет Люцифер...

— Надо признать, недавний взрыв выглядел весьма впечатляюще. Кажется, монсеньор был очень взволнован, и я не думаю, что он притворялся. Вы сделали это нарочно, чтобы вывести его из себя?

— Нет! Я допустил оплошность. Я слишком пересушил гремучее золото, полученное из пластинчатого золота и царской водки и затем осажденное аммиаком. В этой операции не было никакого самозарождения.

— А что это за вещество, которое вы называете аммиаком?

— Арабы научились изготавливать его уже давно, его еще называют летучая щелочь. Ученый испанский монах, один из моих друзей, недавно прислал мне целую стеклянную бутылку. В крайнем случае, я мог бы

приготовить его сам, но это долгий процесс, и, чтобы ускорить исследования, я предпочитаю покупать сырье, а когда есть возможность, то и все необходимые ингредиенты. Изготовление чистых составляющих намного задерживает развитие науки, которую такие глупцы, как этот монах Беше, называют химией в противовес алхимии, которая для них, напротив, наука наук, а проще говоря, невразумительная смесь жизненных флюидов, религиозных формул и я не знаю чего еще. Но я вам наскучил...

— Нет, уверяю вас, — сказала Анжелика с сияющими глазами. — Я слушала бы вас часами.

Он улыбнулся, и шрамы на его левой щеке подчеркнули ироничность улыбки.

— Как странно устроена ваша головка! Я никогда не думал беседовать с женщинами о таких вещах. Но мне тоже нравится говорить с вами. Мне кажется, вы можете все понять. Но... разве вы не были готовы наделить меня темной силой, когда только приехали в Лангедок? Я все еще внушаю вам страх?

Анжелика почувствовала, что краснеет, но храбро посмотрела на него.

— Нет! Вы все еще остаетесь незнакомцем для меня, и, я думаю, потому, что вы ни на кого не похожи, но я вас больше не боюсь.

Прихрамывая, он подошел к табурету, на котором сидел во время визита архиепископа. Порой он вызывающе дерзко, не боясь яркого света, показывал израненное лицо, а иногда прятался в полумраке и тени. Тогда в его голосе появлялись новые интонации, словно душа Жоффрея де Пейрака избавлялась от телесной оболочки и могла говорить свободно.

Анжелика чувствовала рядом невидимое присутствие «человека в красном», который раньше так пугал ее. Он был все тот же, но сейчас она смотрела на

него другими глазами и была готова задать вопрос, волнующий всех женщин: «Вы любите меня?»

Вдруг ее гордость восстала — Анжелика вспомнила голос, каким он сказал ей: «Они приходили сами, и вы тоже придете...»

Чтобы рассеять волнение, она решила продолжить разговор о науке, который, на удивление, сблизил супругов и укрепил их дружбу.

— Если вы не видите никаких препятствий для того, чтобы раскрыть ваш секрет, то почему не поделитесь им с этим монахом Беше? Кажется, монсеньор ему очень доверяет.

— Ба! И правда, я могу попытаться удовлетворить его любопытство в этом вопросе. На самом деле меня волнует не как раскрыть тайну, а как сделать так, чтобы ее поняли. Я могу впустую доказывать, что материю можно изменить, но не превратить во что-либо. Умы, окружающие нас, еще не созрели для таких открытий. Гордость этих лжеученых так велика, что их возмущению не будет предела, если я расскажу им о самых ценных моих помощниках в исследованиях — темнокожем мавре и грубом саксонском рудокопе.

— Куасси-Ба и старый горбун из рудника Аржантьер Фриц Хауэр?

— Да. Куасси-Ба рассказал мне, что когда он был еще мал и свободен в дебрях дикой Африки, куда добиваются через берег Пряностей^[72], то видел, как добывали золото старинным способом, известным еще египтянам. Фараоны и царь Соломон владели местными золотыми рудниками, но я спрашиваю, моя милая, что скажет монсеньор, когда я открою ему, что тайну царя Соломона знает мой мавр Куасси-Ба? Однако именно он руководил моей работой в лаборатории и подал мне идею относительно некоторых пород, содержащих невидимое золото. Что касается Фрица Хауэра — это

лучший рудокоп, человек подземелья, крот, который легко дышит лишь в недрах земли. От отца к сыну саксонские рудокопы передавали тайны своего мастерства, и благодаря им я смог наконец разгадать удивительные загадки природы и изучить все мои ингредиенты, с которыми работаю: свинец, золото, серебро, купорос, сулему и другие.

— Вы изготавливали сулему или купорос? — спросила Анжелика, которой эти слова показались смутно знакомыми.

— Да, и это доказало мне всю несостоятельность алхимии, так как из сулемы я могу получить по желанию либо ртуть (по-другому, «живое серебро»), либо ртуть желтую и красную^[73], а их, в свою очередь, опять сделать «живым серебром». А первоначальный вес ртути не только не увеличится, но, напротив, уменьшится из-за испарения. Также, используя определенные способы, я могу извлечь серебро из свинца и золото из некоторых руд, которые сначала кажутся пустыми. Но если бы я над входом моей лаборатории написал девиз «Ничто не исчезает, ничто не создается из ничего», то мою философию посчитали бы слишком дерзкой и даже противоречащей духу Книги Бытия.

— Не это ли один из способов доставлять в Аржантьер слитки мексиканского золота, купленного в Лондоне?

— Вы весьма проницательны, а вот Молин слишком болтлив. Но не важно! Если он говорил об этом, значит, уверен в вас. Да, испанские слитки можно расплавить на кузнечном горне с пиритом или галенитом. Тогда слитки становятся чем-то вроде серо-черного каменистого штейна, и даже самый придирчивый из таможенников ничего не заподозрит. Именно этот штейн и перевозят мулы вашего отца из Англии в Пуату,

из Испании в Тулузу, где я или Фриц Хауэр снова превращаем все в прекрасное сверкающее золото.

— Но это же контрабанда, — сказала Анжелика довольно резко.

— Вы очаровательны, когда так говорите. Эта контрабанда нисколько не вредит ни королевству, ни собственно Его Величеству, а меня делает богатым. Впрочем, скоро я верну Фрица Хауэра, чтобы начать разработку золотого рудника, который я открыл у деревушки Сальсинь в окрестностях Нарбона^[74]. Тогда с золотом, добытым там, и серебром из Пуату у нас не будет больше нужды ни в драгоценных металлах из Америки, ни в этой контрабанде, как вы ее называете.

— Почему вы не попытались заинтересовать короля своими открытиями? Возможно, во Франции есть другие земли, которые можно использовать, как это делаете вы, и король был бы вам благодарен.

— Монарх далеко, моя красавица, а я не придворный. Только люди такого склада могут приобрести некоторое влияние на судьбы королевства. Монсеньор Мазарини предан короне, я не отрицаю этого, но прежде всего он плетет интриги во многих странах.

Жоффрей замолчал. Очевидно, эта тема не интересовала его, или же он просто предпочитал не говорить о ней.

Жара усилилась, и вдруг город задрожал от колокольного звона, призывавшего на молитву Богородице. Молодая женщина набожно перекрестилась и прошептала молитву в честь Девы Марии. Колокольный звон еще гремел, и какое-то время Анжелика и ее муж, который стоял у открытого окна, не могли обменяться ни словом. Они молчали, и эта близость, которая зарождалась между ними, глубоко волновала Анжелику.

«Его присутствие мне не только приятно, я почти счастлива», — думала она с удивлением...

Как и во время визита архиепископа, Анжелика чувствовала его взгляд на своем затылке.

— Нет, моя дорогая, я не волшебник, — прошептал он. — Возможно, природа наделила меня некоторыми талантами, но главное, я хотел учиться. Ты понимаешь? — говорил он ласковым голосом, который очаровывал ее. — Я жаждал познать все самое трудное: науки, языки, а также женское сердце. Я с наслаждением разгадывал эту прекрасную тайну. Кажется, что в глазах женщины ничего нет, а там — целый мир. Или представляешь себе вселенную, а на самом деле там пустота... только погремущка. Что скрывают твои зеленые глаза, которые вызывают в памяти безмятежные луга и бурные океаны?

Анжелика услышала движение, и роскошные черные волосы скользнули по ее обнаженному плечу, словно нежный мягкий мех. Она вздрогнула, когда губы Жоффрея коснулись ее шеи — хотя бессознательно ждала этого. Закрыв глаза, она наслаждалась долгим жарким поцелуем, сознавая, что час ее поражения близок. Тогда, дрожащая, еще строптивая, но уже покоренная, она придет, как приходили другие, в объятия этого загадочного мужчины.

Глава 8

Истеричный смех взорвал тишину пустынной галереи. Анжелика остановилась и осмотрелась. Смех продолжался: он то поднимался до самых высоких нот, то падал, напоминая рыдание, чтобы затем вновь взлететь еще выше. Смеялась женщина. Анжелика ее не видела. В эти знойные часы крыло дворца, где она находилась, было пустынным. Невыносимая жара повергла в оцепенение отель Веселой Науки, пажу уснули прямо на лестницах. Вечером устраивали грандиозный прием в садах. Последние приготовления были окончены, и теперь обитатели дворца нуждались лишь в нескольких часах отдыха, чтобы набраться сил.

Анжелика не разделяла всеобщей любви к сестре и отправилась еще раз осмотреть свой дом.

Ей пришлось обойти лестницу и дремлющих там пажей. Анжелика никак не могла избавиться от ощущения, будто ей не позволено вторгаться на верхние этажи. Настанет день, когда она осмелится встретиться с тайной лицом к лицу и бесстрашно поднимется наверх, а пока она не до конца изучила даже первый этаж. Бесконечные парадные залы и кулуары дворца чередовались с ажурными лоджиями, сквозь огромные окна и люкарны ^[75] которых был виден город с высокими колокольнями на фоне лазурного неба и широкими красными набережными вдоль берега Гаронны.

Замок спал. Длинная юбка Анжелики подобно осенней листве шелестела по каменным плитам пола.

И вдруг, откуда ни возмись, раздался этот взрыв пронзительного смеха, который заставил ее остановиться. Ничего похожего Анжелика никогда раньше не слышала, казалось, это хохочет призрак.

Смех продолжался, нарастал, превращаясь в пронзительный вопль, и тут же срывался на отрывистые вскрики. Он доносился из приоткрытой двери в глубине галереи.

Затем послышался шум выплеснутой воды, и смех резко оборвался. Мужской голос произнес:

— Теперь, когда вы успокоились, я готов вас выслушать.

Так же, как и в тот раз, когда она впервые осмелилась подняться наверх, Анжелика услышала голос Жоффрея де Пейрака. Она потихоньку приблизилась, заглянула в дверную щель, но увидела только спинку кресла, в котором сидел муж, и его руку, лежащую на подлокотнике. А перед ним прямо на плиточном полу на коленях в луже воды стояла очень красивая незнакомка. Ее роскошное черное платье насквозь промокло. Пустое бронзовое ведро для охлаждения изысканных вин валялось рядом, недвусмысленно указывая, на какие нужды была использована его вода. Длинные черные волосы загадочной женщины прилипли к вискам; она в смятении смотрела на обвисшее кружево своих манжет.

— Так вот... — задохнулась она, — так вот как ты обращаешься со мной?

— Вы сами меня вынудили, красавица моя, — мягко укорял ее Жоффрей снисходительным тоном. — Я не мог позволить вам и дальше унижаться передо мной. Вы бы сами мне этого никогда не простили. Довольно, Карменсита, встаньте. В такую жару ваше платье вскоре высохнет. Присаживайтесь вон в то кресло напротив меня.

Дама с трудом поднялась. Роскошная красота этой статной женщины была достойна полотен Рембрандта и Рубенса.

Ее черные, широко распахнутые глаза смотрели прямо перед собой с выражением немой растерянности.

— Так в чем же дело? — поинтересовался граф, и Анжелика вздрогнула, так как этот голос, отделенный от лица своего незримого хозяина, обладал пленительным очарованием, притягательность которого она уже однажды испытала. — Полноте, Карменсита, больше года прошло, как вы покинули Тулузу и отправились в Париж с супругом, чей высокий пост был залогом вашей блестящей жизни. Вы проявили неблагодарность по отношению к нашему ничтожному провинциальному обществу, ни разу не удостоив нас ни единой вестью о себе. И вдруг внезапно вы обрушиваетесь на дворец Веселой Науки, крича, требуя... Чего именно?

— Любви! — прерывистым и хриплым голосом выпалила женщина. — Я не могу больше жить без тебя. О, прошу, не перебивай меня. Ты ведь не знаешь, какой пыткой был для меня весь этот бесконечный год. Да, я полагала, что Париж утолит мою жажду удовольствий и развлечений. Но даже на самых великолепных праздниках королевского двора я изнывала от тоски. Я вспоминала Тулузу, розовый дворец Веселой Науки. С удивлением я замечала, что всякий раз, когда я говорила о нем, мои глаза сияли, и все смеялись надо мной. У меня были любовники, но их грубость будила во мне отвращение. И тогда я поняла: мне нужен только ты. Ночами я не смыкала глаз, и мое воображение рисовало тебя. Я видела твои глаза, горящие огнем страсти, такой жгучей, что я изнемогала от желанья, я вспоминала твои искусные руки...

— Мою изящную походку! — усмехнулся Жоффрей де Пейрак. Он встал и подошел к ней, намеренно подчеркивая свою хромоту.

Женщина пристально смотрела на него.

— Не пытайся оттолкнуть меня своим презрением. Твоя хромота, твои шрамы — что они стоят в глазах тех

женщин, которых ты любил, по сравнению с тем счастьем, что ты им дарил?

Она протянула к нему руки.

— Ты даришь им блаженство, — прошептала она. — До того, как я узнала тебя, я была холодна как лед. Ты зажег во мне пламя, и оно сжигает меня.

Сердце Анжелики стучало так сильно, словно хотело разорваться. Она сама не понимала, чего боится, возможно, того, что рука ее мужа ляжет на великолепное смуглое плечо, с таким бесстыдством выставленное напоказ.

Но граф по-прежнему стоял, опираясь о край стола, и невозмутимо курил. Анжелика смотрела на него сбоку, и изуродованная сторона лица была не видна. Внезапно перед ней предстал абсолютно другой человек, точеный профиль которого, в обрамлении густых черных волос, совершенством и чистотой линий напоминал медальные лики.

— «Увы, не сможет искренне любить он ту, что слишком сладострастна», — процитировал Жоффрей де Пейрак, небрежно выпуская изо рта облако голубоватого дыма. — Вспомни правила куртуазной любви, которым тебя учили в отеле Веселой Науки, и возвращайся в Париж, Карменсита, твое место там.

— Если ты прогоняешь меня, то я уйду в монастырь. Впрочем, мой муж давно жаждет меня туда заточить.

— Превосходная идея, дорогая. Я слышал, что в Париже благочестие в моде и там открывают множество приютов для набожных. К примеру, совсем недавно по приказу королевы Анны Австрийской для бенедиктинок был возведен великолепный монастырь Валь-де-Грас^[76], и монастырь ордена визитандинок в Шайо^[77] также весьма известен.

Глаза Карменситы пылали гневом.

— И это все, что ты счел нужным ответить мне? Я намерена заживо похоронить себя под монашеским покрывалом, а тебе меня ничуть не жаль?

— Мне отпущено слишком мало жалости. Вот кому действительно стоит посочувствовать, так это герцогу де Мерекуру, твоему мужу, который поступил опрометчиво, когда привез тебя из Мадрида в карете своего посольства. Впредь даже не пытайся втягивать меня в свою бурную жизнь, Карменсита. Позволь мне еще раз напомнить тебе некоторые правила куртуазной любви: «У любовника не должно быть сразу двух возлюбленных». И еще: «Новая любовь убивает старую».

— Это ты о себе или обо мне? — спросила Карменсита. Лицо испанки стало мраморно-белым, особенно в сравнении с черными локонами и платьем. — Ты так говоришь из-за этой женщины, твоей жены? Я считала, что ты женился на ней из меркантильных соображений. Какая-то история с землей, по-моему... А ты избрал ее в возлюбленные? О, я уверена, в твоих руках она станет великолепной ученицей! Как и меня, ты сумеешь ее убедить в том, что она — единственная из женщин... Но я знаю тебя. Ты жесток! Пройдет совсем немного времени, и ты бросишь ее, как игрушку, которая перестала тебя забавлять... Ха! Убеждена, это не продлится долго. Но как ты — ты! — мог полюбить северянку?!

— Анжелика не с Севера, она из Пуату. Я знаю Пуату, я бывал там; в былые времена этот сладостный край принадлежал королевству Аквитания. Отдельные слова нашего провансальского языка все еще сохранились в наречии местных крестьян, а у Анжелики тот же цвет лица, что и у наших девушек.

— О, я уверена, ты вскоре разлюбишь ее! — выкрикнула испанка и расхохоталась жутким торжествующим смехом. — О! Я знаю тебя лучше, чем

ты сам!.. Она недостойна тебя! Ты предпочитаешь страстных женщин! Таких, как я! Таких, какой ты создал меня!

Она снова упала на колени, цепляясь руками за пурпуэн Жоффрея.

— Еще не поздно все вернуть. Я твоя! Люби меня! Возьми меня!

Анжелика не могла более это слушать и бросилась бежать. Стремительно миновав галерею, она оказалась вблизи гостиных.

Дворец пробуждался. В большом зале собрались дамы, намереваясь поупражняться в сложении рифм. Вооружившись дощечками для письма и стилосами ^[78], они смаковали освежающие напитки.

— Анжелика, душенька, отыщите нам вашего мужа. От этой ужасной жары вдохновение покинуло нас, и, чтобы рассуждать о...

Анжелика не остановилась, но все же нашла в себе силы улыбнуться болтушкам:

— Рассуждайте! Рассуждайте! Я вскоре вернусь.

Наконец она прибежала в свои апартаменты и бросилась на постель, но тотчас вскочила и принялась метаться по комнате... «Это невыносимо!» — неустанно твердила она. Но, немного подумав, как и в прошлый раз, Анжелика вынуждена была признать: она сама не знает, что именно ее так расстроило. «Ну и пусть, все равно это невыносимо. Так не может больше продолжаться». Анжелика в бешенстве кусала свой маленький кружевной платок, с мрачным видом оглядывая комнату. Любовь была здесь повсюду, и это приводило ее в отчаяние. Казалось, все — и во дворце, и в городе — говорят о любви, рассуждают о любви. И только один архиепископ с высоты кафедры время от времени гневно мечет громы и молнии, предрекая геенну огненную, а за неимением ее — костры

инквизиции — всем развратникам и распутникам, а также их усыпанным драгоценностями и роскошно одетым любовницам. В своих речах он особенно часто изобличал нравы отеля Веселой Науки. Веселая Наука! Что же это такое? Веселая Наука! Сладостная Наука! Ее тайны заставляют блестеть глаза красавиц, придают томность мелодичным голосам, вдохновляют поэтов и пленяют музыкантов. А во главе этого безумного чувственного балета стоит он, этот калека, то насмешливый, то лиричный — волшебник, покоривший Тулузу своим богатством и праздниками! Никогда еще со времен трубадуров Тулуза не видела подобного расцвета, подобного торжества. Она сбросила с себя гнет северян и вновь обрела свою истинную судьбу...

«О! Он мне отвратителен, я ненавижу его!» — вскрикнула Анжелика, топнув ногой.

Она яростно трясла позолоченным колокольчиком, пока не появилась Маргарита, которой юная графиня велела подать портшез и собрать эскорт, так как она желала немедленно отбыть в домик на Гаронне.

— Мадам, вы не можете так поступить, — воскликнула расстроенная Марго. — Неужели вы забыли, что сегодня вечером состоится прием? Ожидается никак не меньше ста гостей...

— Ну и пусть! Все они замечательно обойдутся без меня. Я вчера видела мэтра Клемана Тоннеля, и он уверил меня, что все готово к приему: все слуги получили указания и знают, как нужно поставить столы в саду, какие подать вина и десерты... Все предусмотрено как нельзя лучше. А сейчас у меня ужасно болит голова и я должна отдохнуть.

Но Марго не сдавалась:

— О, мадам, какая жалость!.. Как раз сегодня! Этим вечером наконец... Вы бы могли его услышать.

— Кого же?

— Певца, которого называют Золотым голосом королевства... Помните вечер вашей свадьбы? Вы ведь так огорчились, покидая дворец именно тогда, когда сообщили о его приходе?! И вот! Сегодня вечером... Он будет здесь! В отеле Веселой Науки!

Анжелику безумно раздражало то игривое выражение лица Маргариты, с которым та уговаривала ее остаться. Точно так же, когда-то давно, смотрела на нее кормилица, обещая награду в обмен на послушание.

— Я все объясню мессиру де Пейраку в записке. Если граф будет расспрашивать обо мне, заверь его, что я не больна, но слишком утомлена и боюсь разочаровать наших друзей, играя сегодня роль хозяйки на приеме.

Марго плотно сжала губы. У нее был свой собственный взгляд на любовные перипетии этой пары, кое-какие догадки и большая надежда, но самым важным достижением в их отношениях она считала то, что «он» всегда исполнял все капризы Анжелики! Впрочем, она отнюдь не была капризной, эта молодая хозяйка. Словно сказочная фея, она однажды появилась во дворце Веселой Науки и с тех пор безраздельно царил в нем...

Марго вздохнула.

— Уже давно никто не слышал, как поет Золотой голос королевства, — повторила камеристка, — и если мадам де Пейрак упустит возможность...

— Нет, я же сказала. У меня не лежит душа к музыке и танцам сегодня вечером.

— Неповторимый голос...

— Нет, нет и нет.

— Все равно! Однажды вы его обязательно услышите, — строго заявила Марго.

Но она перестала настаивать и приказала привести лошадей, вызвала двух молодых служанок Анжелики, эскорт и портшез для непродолжительных прогулок по окрестностям.

— Надо же, собралась целая процессия, и все ради короткой поездки, — проворчала Марго, расстроенная необходимостью покинуть оживленный город и предстоящий праздник.

Портшез больше походил на паланкин, с сиденьем и шторами, который два мула, один впереди, другой сзади, несли размеренной рысью.

Анжелика вспоминала тот вечер, в который Марго увозила ее в первую брачную ночь. После она еще несколько раз бывала в домике на Гаронне, но всегда днем, на небольших обедах, устроенных в тени деревьев. Понимая, как сильно разочарованы вынужденным отъездом Маргарита и девушки, Анжелика, как только устроилась и слегка поужинала, тут же отослала их обратно... Вооруженные стражники расположились вокруг стен дома. Оставшись одна, Анжелика вышла из комнаты на балкон. Ей не хотелось спать.

Здесь, на балконе, она когда-то собиралась лишиться себя жизни, чтобы избежать ласк мужа... Воспоминания о том жутком вечере, больше похожем на скверный спектакль, окончательно ее расстроили.

Но самым отвратительным было то, что ей пришлось бы слушать вовсе не Золотой голос, а смех претенциозной Карменситы, быть любезной с нею и наблюдать за ее жеманными кривляньями перед Жоффреем.

Молодая женщина была раздражена до предела и опасалась, что даже несмотря на все свое воспитание она не смогла бы удержаться от того, чтобы не вспылить при посторонних и не бросить этой особе несколько резких фраз. Именно потому самым

разумным было уединиться ненадолго и успокоиться. Тишина садов вокруг домика на Гаронне подействовала лучше любого лекарства.

Наступила ночь, но Анжелика по прежнему сидела на террасе. Понемногу безмятежный вид прибрежных полей и реки успокоил ее нервы.

Сегодня вечером она была не в силах остаться в Тулузе, поехать в карете на Фериа^[79], большой праздник, где ей пришлось бы слушать певцов, а затем возглавить грандиозный прием, который граф де Пейрак устраивал в садах, освещенных венецианскими фонариками. Она ожидала, что муж заставит ее вернуться в город и принимать гостей, но никто не приехал и не потребовал беглянку. Это еще раз убедило ее в том, что она не нужна ему. Она никому здесь не нужна, она для них по-прежнему чужая.

Оставшись одна, Анжелика попыталась сосредоточиться и разобраться в своих мыслях.

Отец неоднократно предупреждал ее, что однажды она поплатится за чрезмерное любопытство. Но Анжелика никогда не отличалась излишней щепетильностью и не жалела об этом. Разве она виновата в том, что порой становится невольной свидетельницей некоторых разговоров, которые вовсе не предназначались для ее ушей? Или в том, что ее шаги так легки, что крестьяне Монтелу даже верили в ее дар становиться невидимой?

Так или иначе, она предпочитала знать правду.

Но какую правду?

Надо отдать должное мужу: разговаривая с Карменситой, Жоффрей никоим образом не унижил честь супруги. Почему же тогда ей обидно до слез? Анжелика не была такой наивной, чтобы полагать, будто граф де Пейрак не добьется успеха, пожелай он получить от других то, в чем ему отказывает

собственная жена. Ведь в Тулузе среди высшего общества обманутые дамы и господа не были редкостью, с той лишь разницей, что над мужчинами потешались, а женщин жалели. Однако здесь, как и в Париже или при дворе, было не принято открыто проявлять образцовую супружескую верность. Подобные чувства считались дурным тоном и уделом мещан. Анжелика прижалась лбом к балюстраде. «А я — я никогда не узнаю, что такое любовь», — с грустью прошептала она.

Наконец, устав и не зная, чем себя занять, Анжелика решила возвратиться в комнату. И вдруг под окнами послышались звуки гитары. Она выглянула в сад, но в темноте тенистых роцц не смогла никого разглядеть.

«Наверное, Энрико пришел ко мне. Как мил этот юноша. Он решил меня развлечь...»

Но невидимый музыкант начал петь. Его сильный низкий голос не был голосом пажа.

С самых первых нот трубадур поразил сердце юной графини.

Никто из тех так называемых певцов, что с наступлением ночи заполняют улицы Тулузы, не мог похвастаться такой безукоризненной дикцией, таким совершенным тембром с переливами, то бархатистыми, то звонкими. В Лангедоке красивые голоса не редкость. Мелодия легко рождается на губах, привыкших к смеху и декламации. Но этот певец был непревзойденным мастером. Его голос обладал исключительной мощью. Казалось, весь сад наполнен его звуками, и даже луна дрожит на небосклоне. Он исполнял старинную грустную мелодичную песню на провансальском языке, изящество которого так часто превозносил граф де

Пейрак, а прелесть и глубину столь непревзойденно раскрывал певец. Анжелика не понимала всех слов, но одно слово звучало вновь и вновь: «Amore! Amore!»

Любовь!

Постепенно она поняла: «Это он, последний из трубадуров, Золотой голос королевства!»

Никогда раньше она не слышала такого необыкновенного голоса. Порой ей говорили: «Ах! Если бы вы слышали Золотой голос королевства! Но он больше не поет. Когда же он снова будет петь?»

А затем на нее бросали насмешливый взгляд, жалея, что она не слышала главную знаменитость их провинции.

«Услышать его однажды и умереть!» — говорила мадам Обертре, жена главного капитула города и весьма экзальтированная дама пятидесяти лет.

«Это он! Это он! — твердила Анжелика. — Но почему он здесь? Неужели ради меня?»

Она заметила свое отражение в большом зеркале комнаты — рука прижата к груди, глаза широко распахнуты — и горько усмехнулась: «До чего же я нелепа! Быть может, это Андижос или какой-нибудь другой поклонник нанял певца, чтобы тот спел мне серенаду!..»

Тем не менее она открыла дверь и, прижав руки к груди, чтобы сдержать биение сердца, выскользнула из зала, спустилась по белой мраморной лестнице и вышла в сад. Жизнь! Неужели она наконец начнется и для Анжелики де Сансе де Монтелу, графини де Пейрак? Потому что любовь это и есть жизнь!

Голос звучал из расположенной на берегу реки беседки, скрывающей статую богини Помоны. Как только молодая женщина подошла, певец умолк, но продолжил тихо перебирать струны гитары.

Луна в этот вечер была неполной и походила на миндаль. Однако ее света вполне хватало, чтобы

осветить сад, и Анжелика разглядела внутри беседки черный силуэт мужчины, сидящего у основания статуи. Незнакомец увидел ее, но не двинулся с места.

«Это мавр», — разочарованно подумала Анжелика.

Но тут же поняла, что ошиблась... Мужчина был в бархатной маске, а руки, обнимающие гитару, не оставляли никакого сомнения в его расе. Черный атласный платок на итальянский манер, завязанный на затылке, скрывал волосы. Привыкнув к темноте беседки, она увидела, что его слегка потрепанный костюм был любопытной смесью одежды слуги и комедианта. Певец носил грубые башмаки из толстой кожи, как у людей, которым приходится много ходить, например ломовиков^[80] или бродячих торговцев, но из рукавов поношенного камзола выбивались тонкие, дорогие кружева.

— Вы чудесно поете, — произнесла Анжелика, видя, что трубадур не двигается. — Но я хотела бы знать, кто вас послал.

— Никто, мадам. Я пришел сюда, когда узнал, что в этом доме скрывается самая прекрасная женщина Тулузы.

Мужчина говорил медленно, тихим голосом, словно опасался быть узнанным.

— Я прибыл в Тулузу сегодня вечером и сразу отправился в отель Веселой Науки, где собралось веселое и многочисленное общество и где я намеревался петь свои песни. Но, узнав, что вас там нет, я тотчас помчался вслед за вами, ибо в Лангедоке слава о красоте графини де Пейрак столь велика, что я уже давно мечтаю увидеть вас.

— Ваша слава не менее велика. Вы ведь тот, кого называют Золотой голос королевства?

— Да, это я, мадам. Ваш покорный слуга.

Анжелика села на мраморную скамью, которая опоясывала беседку. Аромат вьющейся жимолости опьянял.

— Спойте еще, — попросила она.

Страстный голос зазвучал снова, но чуть мягче и глуше, чем раньше.

Эта песня была уже не призывом, а скорее нежным откровением, признанием в любви.

— Мадам, — сказал музыкант, неожиданно прервавшись, — простите мне мою дерзость, но я хотел бы перевести на французский язык припев, на который меня вдохновили ваши прелестные глаза.

Анжелика склонила голову.

Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она сидит здесь, в саду. Ничего больше не имело значения. Ночь принадлежала только им.

Певец довольно долго перебирал струны гитары, словно разыскивал нить своей мелодии, затем глубоко вздохнул и запел:

*В твои глаза, зеленые, как волны,
Я точно в сладкий омут погружаюсь,
И, утонув в любви своей бездонной,
Я в сердце у тебя, блуждая, возрождаюсь.*

Анжелика закрыла глаза. Его голос сильнее, чем пылкие слова, завораживал ее, погружал в неведомое доселе наслаждение.

*Когда же ты распахиваешь очи,
В них отражаются все звезды ночи,
Как в глубине весеннего пруда...*

«А сейчас пусть он подойдет ко мне, — молила Анжелика. — Ведь этот миг никогда больше не повторится, его невозможно пережить дважды. Он так

похож на те любовные истории, которые мы когда-то давно рассказывали друг другу в монастыре».

Голос смолк. Незнакомец скользнул на скамью. Он крепко обнял ее, его рука с нежной настойчивостью приподняла ее подбородок, и Анжелика инстинктивно поняла, что мужчина знает толк в любви и одержал немало нежных побед. Эта мысль расстроила ее на мгновение, но едва губы певца коснулись ее губ, у Анжелики закружилась голова. Она не подозревала, что губы мужчины могут быть такими свежими, словно лепестки цветов, и такими сладостно нежными. Его сильные руки сжимали ее, доводя до изнеможения, а на его устах, казалось, еще дрожали пленительные слова любовной песни; очарованная волшебством звуков и его мужской силой, Анжелика устремилась в водоворот страсти, тщетно пытаясь услышать голос разума.

«Я не должна так поступать... Это грех!.. Что, если Жоффрей застанет нас...»

Потом все куда-то пропало. Губы мужчины приоткрыли ее уста, его страстное дыхание обожгло ее, наполнило негой, и по ее венам разлилось восхитительное блаженство. Закрыв глаза, она растворилась в бесконечном поцелуе, сладостная притягательность которого покоряла, влекла вперед и призывала окунуться в мир желаний. Волны наслаждения поглотили Анжелику, — наслаждения, настолько неожиданного для ее юного невинного тела, настолько сильного, что внезапно ее охватило чувство, больше похожее на гнев и даже боль. Молодая женщина дрожала всем телом.

Ей казалось, что сейчас она лишится чувств или заплачет. Заметив, что пальцы трубадура ласкают ее обнаженную грудь, которую тот незаметно высвободил из корсажа во время поцелуя, она немного отодвинулась и привела в порядок свое платье.

— Простите меня, — пробормотала она. — Я, наверно, кажусь вам чересчур импульсивной, но я не знала... я не знала...

— Чего вы не знали, сердце мое?

Так как она не ответила, он прошептал:

— Вы не знали, что поцелуй может быть таким сладким?

Анжелика встала и прислонилась к входу беседки. Убывающая луна была цвета золота и медленно тонула в реке. Должно быть, она пробыла в саду уже несколько часов. Анжелика была счастлива, невероятно счастлива. Все вокруг утратило смысл, кроме желания еще хоть раз пережить эти упоительные часы.

— Вы созданы для любви, — шептал ей трубадур. — Стоило мне коснуться вашей кожи, я понял это. Тот, кто сумеет разбудить ваше прелестное тело, приведет вас к вершинам сладострастия.

— Замолчите! Вы не должны так говорить. Я замужем, и вам это известно, а супружеская измена — грех.

— Но еще больший грех, когда такая красавица, как вы, выбирает себе в мужья хромого сеньора.

— Я не выбирала его, он меня купил.

Анжелика тотчас пожалела о своих словах, мгновенно разрушивших безмятежность момента.

— Спойте еще, — с мольбой попросила она. — Еще один только раз, и потом мы расстанемся.

Певец встал, чтобы взять гитару, и что-то необычное мелькнуло в его движениях, что-то, что смутило Анжелику. Она присмотрелась к нему чуть внимательнее и вдруг, сама не понимая почему, испугалась. Пока трубадур пел, очень тихо, с неясной тоской в голосе, она пристально его изучала.

Только что, в его объятиях, у нее на мгновение возникло ощущение чего-то знакомого, и теперь она вспомнила, что именно: в дыхании певца смешивались

запах фиалок и своеобразный аромат табака... Граф де Пейрак тоже иногда жевал фиалковые пастилки... И курил... Ужасная догадка пронзила Анжелику... Только что, вставая за гитарой, мужчина как-то причудливо оступился...

Анжелика закричала, сначала от ужаса, потом от ярости, и в гневе обрывая ветки жимолости со стен беседки, стала топтать их ногами.

— О! Это невыносимо, невыносимо... Это чудовищно... Снимите вашу маску, Жоффрей де Пейрак... Прекратите этот маскарад, или я выцарапаю вам глаза, я вас изничтожу, я вас...

Песня резко оборвалась. Гитара издала скорбный стон и затихла. Под бархатной маской блестели белоснежные зубы графа де Пейрака; он хохотал.

Граф подошел к жене своей неровной походкой. Анжелику обуревал страх, но гораздо сильнее ее душила ярость.

— Я выцарапаю вам глаза, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Жоффрей взял ее за руки, не переставая смеяться.

— Что же останется от ужасного хромого сеньора, если вы еще и выцарапаете ему глаза?

— Вы солгали мне с неслыханной наглостью. Вы заставили меня поверить, будто вы... Золотой голос королевства.

— Я и есть Золотой голос королевства.

Но так как она в растерянности смотрела на него, Жоффрей де Пейрак добавил:

— А что вас так удивляет? Природа наделила меня кое-какими способностями. Потом я учился у самых именитых маэстро Италии. Пение — искусство, принятое в обществе, и в наши дни им увлечены многие. Признайтесь честно, дорогая моя, вам не понравился мой голос?

Анжелика отвернулась и быстро вытерла слезы досады, которые бежали по щекам.

— Как вышло, что я ничего не знала о вашем даре и до этого вечера даже не подозревала о нем?

— Я просил, чтобы вам о нем не говорили. Но, возможно, вы сами не так уж стремились обнаружить мои таланты?

— О, это невыносимо! — повторила Анжелика.

Но первый момент ярости прошел, и внезапно ей тоже захотелось смеяться. Подумать только, до какого цинизма нужно дойти, чтобы склонить ее к измене ему с ним же самим! Он и в самом деле дьявол во плоти! Сущий дьявол!

— Я вам никогда не прощу этой гнусной комедии, — проговорила она, поджав губы с достоинством, на которое только была способна.

— Я обожаю разыгрывать комедии. Видите ли, моя дорогая, судьба не всегда была ко мне благосклонной, надо мной часто насмеялись, и вот теперь я, в свою очередь, испытываю бесконечное удовольствие, насмехаясь над другими.

Невольно Анжелика с тревогой взглянула на его лицо, скрытое маской.

— Неужели вы всего лишь посмеялись надо мной?

— Не совсем так, и вы это прекрасно знаете, — ответил он.

Не говоря больше ни слова, Анжелика развернулась и пошла прочь.

— Анжелика! Анжелика! — тихо позвал Жоффрей.

Граф, словно загадочный итальянский Арлекин, стоял на пороге беседки, прижимая палец к губам.

— Пощадите меня, мадам, не рассказывайте никому об этой истории, даже вашей любимой служанке. Если узнают, что я оставляю моих гостей, переодеваюсь трубадуром, надеваю маску, и все лишь для того, чтобы

украсть поцелуй с уст моей собственной жены, меня поднимут на смех.

— Вы просто невыносимы! — выкрикнула Анжелика и, подобрав юбки, побежала по песчаной аллее. Уже на лестнице она поняла, что смеется.

Как и в первую брачную ночь, она раздевалась, нервно срывая застёжки и роня пальцы булавками. Но сегодня ночь была совсем другой. Она ворочалась с боку на бок, не в силах уснуть. Малейшее прикосновение простыней обжигало ее и без того пылающее тело. Лицо в маске, израненное лицо, безупречный профиль мелькали и кружились перед ней. Какую тайну скрывает этот мистификатор? Ее охватывало негодование, но ему на смену тут же приходило воспоминание о наслаждении, испытанном в его объятиях, и наполняло Анжелику сладостной истомой.

«Вы созданы для любви, мадам...»

Постепенно она уснула. Ей снились глаза графа де Пейрака, горящие огнем страсти, и она видела, как в них танцуют языки пламени.

Глава 9

Анжелика решила провести день в домике на Гаронне. После разыгранного мужем отвратительного фарса она была не в настроении заботиться о приеме «его» гостей и о поддержании великолепия в «его» дворце, куда непременно вновь притащатся все эти веселые гуляки. Ее охватила какая-то странная усталость, и она снова уснула.

Две незнакомые служанки пришли разбудить ее ближе к полудню. Это были молодые крестьянки из соседней деревни, которые обычно прислуживали в домике на Гаронне, когда приезжали хозяева.

Марго заранее предупредила их о том, что мадам де Пейрак прибыла и отдыхает.

Девушки должны постоянно быть к услугам графини, заботиться о ее комфорте, ванне, еде, а когда мадам пожелает вернуться в Тулузу, предупредить, что эскорт — портшез, карета или лошади в конюшнях — собран и дожидается ее распоряжений.

Анжелика блаженно вздохнула. Она была счастлива провести этот день в одиночестве. Сцена в беседке смутила ее, а при одном воспоминании о золотом голосе, доносящемся из тени деревьев, она дрожала. Анжелика почему-то решила, что он чужеземец, бродячий певец, чья слава опережала его, преодолевая дороги и горные вершины. Она же видела его простые пыльные ботинки, прикасалась к поношенному плащу из грубой ткани. Она искренне поверила словам певца о том, как сильно он был разочарован, не встретив самую красивую женщину Тулузы в отеле Веселой Науки, тем более и Марго говорила ей, что прибудет знаменитый трубадур, Золотой голос королевства.

Анжелику очаровала сила его страсти, пусть и сдержанной, но такой волнующей и покоряющей. Она откликнулась на его призыв, думая, что может позволить себе это, ведь он всего лишь мимолетный возлюбленный, а она никогда не узнает любви.

А это оказался он... Он, ее муж!

Каждый раз, вспоминая о минувшем вечере, Анжелика сожалела, что она не в беседке и под руками нет жимолости, чтобы выместить на ней свой гнев, как она это сделала накануне, под влиянием ярости и страха. Как глупо! Ведь жимолость была ни при чем и так приятно пахла той волшебной ночью. А голос был так прекрасен!..

Анжелику охватила сладостная истома.

Она снова переживала те мгновения, ощущала, как его крепкие руки обнимают ее за талию, лишая малейшей возможности пошевелиться. Почему ее воспоминания о брачной ночи были другими? Теперь она знала, что руки мужчин созданы, чтобы пленять женщин, сжимать их в объятиях, доводить до изнеможения и подчинять своей воле.

Размышляя о том, с какой легкостью она уступила этому решительному превосходству, Анжелика страшно злилась. Подумать только, она была сама покорность. Она смотрела на расположенный вдали город, и Тулуза больше не казалась ей такой приветливой и дружелюбной, как в первое утро, когда пленила ее. Теперь город был ее врагом, как и его хозяин.

Тихий теплый день успокаивал молодую женщину, и она снова надолго заснула, словно новобранец, утомленный боем.

Проснувшись, Анжелика и не подумала возвращаться в Тулузу.

Она осмотрела маленький домик, расположенный вдали от городской суеты и любопытных глаз и построенный специально для тайных любовных

свиданий. Из ее комнаты можно было выйти не только на балкон, но и на маленькую террасу, с которой открывался чудесный вид на сельский пейзаж.

Там стояла удобная кровать для дневного отдыха^[81], а рядом маленький столик с легкими закусками: салатами, фруктами и напитками. Анжелика расположилась на подушках и принялась за еду. Здешние слуги были незримы и обладали скромностью морисков.

Гаронна неспешно несла свои воды сквозь поля и тенистые виноградники. Солнце клонилось к закату. В его лучах река сначала окрасилась розовым цветом, а чуть позже стала медно-красной.

Анжелика снова уснула.

Вечером она внезапно проснулась, испугавшись, что вчерашний незнакомец снова здесь, что он в ее комнате и склоняется к ней.

Широко раскрыв глаза, Анжелика смотрела на звездное небо и вспоминала давнюю мечту: она плывет по морю на маленькой лодочке, которую качают волны.

Постепенно воспоминание о певце исчезло. Этим вечером сады молчали. Она постарается все забыть.

Анжелика не могла прийти в себя от изумления.

Мессир де Пейрак уехал.

— Но куда?

— В Париж.

Казалось, никто, кроме нее, не считал решение графа неожиданным. Получив несколько недель назад известие о том, что работы по строительству его парижского отеля подходят к концу, Жоффрей де Пейрак должен был поехать в Париж. Когда д'Андижос подал ей конверт, скрепленный печатью графа,

Анжелика надеялась, что найдет там письмо со словами объяснения. Но там лежало только украшение — фероньерка^[82]: жемчужина очень редкой, слегка продолговатой формы — сверкающая капля на маленькой золотой цепочке, чтобы вплетать ее в волосы.

— Скажите мне, д'Анджос, вы шутите?.. Париж! Но это же так далеко и так опасно. Рассказывают, что чем дальше на север, тем чаще встречаются на пути провинции, в которых крестьяне под предлогом войны взялись за свои косы, чтобы убивать сборщиков налогов и жить, промышляя грабежом путешественников. Это так?

— Да, верно... Но кто хочет проехать, тот проедет. Тут важно удачно выбрать маскарадный костюм. К примеру, у священника высокого ранга больше шансов благополучно проехать, чем у дворянина; простолюдины пока еще опасаются за свое вечное спасение. Еще можно переодеться разбойниками с большой дороги, чтобы отпугнуть соперничающие банды, или пройти под видом паломников из Сантьяго-де-Компостела^[83] или любого другого святого места — этих путников, нищих и убогих, тоже часто щадят. Вопрос в том, какая маска будет наиболее удачной?

— Я всерьез обеспокоена. Хорошее ли у графа сопровождение?

Анжелика может быть спокойна! Они выбрали отличный маскарадный костюм. Переодетые разбойниками с большой дороги и хорошо вооруженные, они, следуя советам местных жителей, будут ехать из одной провинции в другую; им известны все окольные пути, все безопасные дороги. Они скорее предпочтут сделать круг, чем ввязаться в бессмысленную драку, и, несомненно, беспрепятственно достигнут цели.

Где-то там далеко, за горами и широкими равнинами, медленно, но неустанно разгоралась новая звезда. И хотя ее свет был пока несмелым и мерцающим, она очаровывала, и имя ей было Париж — столица королевства, похожего на пестрое лоскутное одеяло и состоящего из десяти-двенадцати разнородных провинций, множества маленьких территорий, владений принцев, графств, герцогств. Они никому не подчинялись и имели собственные границы с заставами для взимания проездной и таможенной пошлин. И это не считая границы обычного права, которая стала символом непримиримости между латинским миром безбородых римских легионеров и варварским миром длинноусых германцев.

— Мадам, ваш супруг желает показать вам красоты Парижа и представить королю. Вот почему он должен лично убедиться, что все работы по строительству вашего дома сделаны надлежащим образом. Вероятно, этот дворец, планы которого мессир граф выполнил собственноручно, станет одним из самых роскошных и изысканных в квартале Маре^[84]. Во время своего пребывания в столице граф де Пейрак, без сомнения, намерен лично проследить за меблировкой комнат и выбором гобеленов.

Д'Анджос и друзья Жоффрея де Пейрака, которых он просил навещать Анжелику во время его отсутствия, передали молодой графине пожелания мужа.

Она ничего не обязана менять в своих привычках. Так же, как и они, завсегдатаи дворца Веселой Науки, составляющие ее неизменный и услужливый двор, признанной королевой которого она являлась. Анжелика могла задерживаться за столом, если хотела, или, напротив, оставлять гостей на попечение Клемана Тоннеля и Альфонсо и удаляться к себе, чтобы немного отдохнуть и послушать музыкантов. По утрам она, как и

прежде, вольна совершать длинные конные прогулки по округе, а вечера посвящать приемам с маленьким балом. Впредь она свободна — свободна устраивать свой досуг, как пожелает.

В первые дни отсутствия мужа, покидая свои апартаменты, чтобы присоединиться к многочисленным гостям, ожидавшим ее в галерее или в гостиных, Анжелика прислушивалась, стараясь различить в шуме голосов голос Жоффрея де Пейрака. Она заметила, что с некоторых пор это вошло у нее в привычку, от которой зависело настроение, хотя Анжелика и не знала, чего больше хочет: чтобы он был здесь или чтобы его не было.

Приближаясь к гостям, она невольно слышала обрывки фраз — в основном говорили о графе де Пейраке: обсуждали красоту и величие его парижского отеля, имена выбранных им архитекторов, расходы на строительство, называя самые разные суммы. Но никого не волновало, насколько опасной может быть поездка и благополучно ли он доберется до Парижа.

Однажды Анжелика услышала, как гости беседовали о Нинон де Ланкло.

— Я уверен, что он захочет ее увидеть, — говорил кто-то, — вернее, увидеть снова.

— Вы думаете, они знакомы? — возразил женский голос. — Париж большой, к тому же в столицу нашего короля ездят не часто...

— Такой мужчина, как он, не сможет остаться равнодушным к славе столь известной куртизанки.

В ответ гости зашумели, высказывая самые разные мнения о прекрасной Нинон де Ланкло. Одни полагали, что называть ее «куртизанкой» неправильно, потому что она несравнимо более прекрасная и великая

женщина, чем может отражать это слово. Были и другие: например сенешаль, говоривший о ней с видом человека, посвященного во все детали, что не исключало с его стороны искреннего восхищения. Они утверждали, что «покровители» Нинон не всегда являлись ее любовниками, а ее любовники и возлюбленные порой, напротив, были бедны. Однако имена тех, кого любила сама Нинон, оставались тайной, потому что не так уже часто она позволяла себе влюбиться. Анжелика поняла, что Жоффрея де Пейрака, Великого Лангедокского Хромого, относили как раз к тем, кто смог вызвать у этой разборчивой женщины чувства, не имеющие ничего общего с интересом к его богатству и титулу.

— Как бы редко наш друг ни ездил в Париж, никто не сможет убедить меня, что они не встречались.

Заметив приближение Анжелики, все тут же замолчали, но она не стала притворяться, будто не слышала их. На самом деле, имя Ланкло было ей знакомо, ведь с тех пор, как о Нинон впервые заговорили в Париже, в его салонах и «альковах», где жеманницы принимали поклонников и мыслителей, оно в конце концов стало одним из известнейших, и теперь его можно было услышать даже в самых глухих уголках провинций и в монастырях.

— Вот уже больше двадцати лет Нинон де Ланкло царит в сердцах мужчин — вольнодумцев и поклонников любви — так же, как она властвует в изящной литературе, в остроумии и в самой утонченной любезности.

Гости задавались вопросами, в чем секреты ее обольстительности и сколько же ей лет, ведь казалось, что ей была дарована вечная молодость.

Сенешаль процитировал:

Великодушная природа мудро поступила,

*Создав бессмертную красу Нинон,
В ней так причудливо и ярко воплотились
И сластолюбец Эпикур^[85], и сдержанный Катон^[86].*

Пытаясь отвлечься от терзавшего ее нетерпения и беспокойства, Анжелика отправлялась на верховые прогулки, которые могли продолжаться до полудня. Ее друзья показывали ей окрестные города и деревни, жители которых приветливо встречали тулузских сеньоров.

Они нередко устраивали пикники в тенистых рощах, отдыхали, много болтали.

Во время одной из беспечных пеших прогулок вдоль берега реки одна из окружавших Анжелику дам, получив молчаливое согласие остальных, поведала ей, что весь край, если не сказать вся провинция, опечалена отсутствием вестей о приходе радостного события во дворец Веселой Науки.

Анжелика не сразу поняла намек.

— Мы бестактный народ, — произнес сенешаль, заметив ее удивление, — и всегда проявляем горячий интерес к любовным делам наших принцев.

И для примера он рассказал ей историю о том, как требовательные и настойчивые до слез жалобы жителей Монпелье побудили их молодого, красивого и пылкого сеньора Педро II^[87], короля Арагона и Майорки, исполнить супружеский долг и оказать честь их принцессе Марии де Монпелье, на которой он женился, чтобы добавить к своим владениям этот прекрасный город.

Как сообщали хроники того далекого времени, принцесса была «достойная и благородная девица», дочь последнего Гийома де Монпелье и Евдоксии Константинопольской^[88].

Но этот принц был ветреником и любил путешествовать; вся его жизнь проходила в метаниях между многочисленными любовницами, бесчисленными королевствами и нескончаемыми военными кампаниями вместе с другими христианскими королями Наварры, Леона, Кастилии в испанской Реконкисте против мусульман-арабов. Жители Монпелье были счастливы оказаться под покровительством такого могущественного сеньора, но обиженные тем, что тот не уделяет внимания их принцессе, подняли восстание. Понадобилось не меньше трех лет, чтобы Педро II нашел время провести ночь с супругой.

Появившись на следующий день перед народом, пара была встречена бурными приветствиями ликующей толпы. Этой ночью был зачат ребенок, сын, которому было суждено стать великим воином, известным под именем Хайме I Завоеватель ^[89].

Пока сенешаль рассказывал обычную для здешних краев историю, у Анжелики было время прийти в себя и понять, что за намеком на «счастливое событие» не скрывается никакого касающегося ее подозрительного умысла. Это был всего лишь нескромный, но вполне ожидаемый везде и во все времена вопрос. Никто и никогда не помешает толпе интересоваться, по множеству разных причин, последствиями знатных браков.

Позже, проезжая мимо маленького городка Мюрэ, расположенного в четырех или пяти лье от Тулузы, Анжелика узнала, что именно здесь в одном из наиболее жестоких сражений Альбигойского крестового похода погиб прославленный Педро II, король Арагонский, пришедший на помощь своим вассалам из Лангедока. Его сыну не было тогда и трех лет.

Эта история-намеки, рассказанная без злого умысла, вызвала в ней безотчетную тревогу. В такие моменты

она снова ощущала себя чужой и потерянной, вдали от семьи.

Ее охватило желание еще раз взглянуть на драгоценности, подаренные мужем.

Несмотря на то что в монастыре мать аббатиса неустанно твердила воспитанницам о смирении — первейшей добродетели, которая уберезет девушек от греха тщеславия, им также внушали, что умение красиво одеваться, подбирать и носить украшения — одна из многочисленных обязанностей знатной дамы.

Кроме того, им придется оценивать значимость подарков, преподнесенных внимательным супругом из желания видеть, что наряды жены соответствуют ее высокому рангу и что она оказывает ему честь, нося их; а также понимать ценность подарка, сделанного — кто знает? — возможно, самим королем. Именно поэтому аббатиса хотела объяснить им «во всем величии», как она говорила, науку о драгоценных камнях. Приятную науку, которая пригодится им — это также был один из ее комментариев — гораздо больше, чем греческий, латынь и философия.

Иногда во время приема, когда муж, поймав Анжелику за запястье, привлекал ее к себе, чтобы обменяться парой фраз или поделиться впечатлением, она видела его кольца, которые Жоффрей носил по три, но чаще по четыре. Именно их он дарил в знак «утешения». Алмазы^[90] и рубины, очевидная ценность которых как нельзя лучше объясняла тем, кто их получал, всю значимость сделанного графом выбора. Анжелика постепенно поняла, что этот мужчина никогда ничего не делает просто так.

Кольца невероятной красоты, но такие необычные, — не принадлежали ли они злему волшебнику, не заколдовал ли он их? Анжелика сняла браслеты и погладила правое запястье, пытаюсь удержать ускользящее ощущение прикосновения его пальцев.

Каждый раз, когда муж поступал так, как в тот вечер, когда он рассказал ей об островах Касситеридах, она не успевала испугаться. Как всегда непринужденный и ироничный, Жоффрей бросал ей несколько коротких слов и тотчас отпускал. В такие мгновения она забывала о его подавляющей силе, которая исчезала так быстро, что Анжелике казалось, будто она ей только привиделась.

Но ей не привиделось. Он знал, что делал. Он знал, чего хотел. При одной мысли об этих мгновениях Анжелику охватывала дрожь. Закрыв глаза, она вновь вспоминала прикосновение его смуглой руки к ее запястью, блеск драгоценных камней, очень темных, в серебряной или золотой оправе, которые при малейшем движении пальцев или руки отбрасывали внезапные огненные блики, подобные тем, что сверкали в его взгляде. Одно из колец, самое массивное, с прозрачным камнем цвета ночи и винно-красным отблеском в глубине, сверху было инкрустировано маленьким золотым крестиком, заключенным в круг. Иногда Жоффрей де Пейрак использовал его как оттиск, чтобы скрепить некоторые послания, хотя, как правило, для этих целей у него была печать.

Мать аббатиса рассказывала, что камни, легко поддающиеся огранке, ценились гораздо меньше алмазов — признанных королей. Однако не только твердость определяла благородство драгоценных камней, но и редкость. Встречались такие безымянные шедевры, которые придворные ювелиры хранили в мешочках, поближе к сердцу, между телом и рубашкой, и один вид которых сводил с ума коллекционеров —

собираателей драгоценных камней. Среди них, добавляла аббатиса, было больше мужчин, чем женщин.

Вспоминая то далекое время, Анжелика размышляла о чудесах природы, способных пробудить в людях столь сильную страсть и даже холодную аббатису превратить в восторженную мечтательницу.

Она представляла, как они сверкают, эти маленькие драгоценные камни, в бездонных глубинах скал.

«Цветы земли», — мечтательно думала она.

Анжелика снова надела браслеты и убрала драгоценности. На коже запястья она все еще ощущала мимолетное прикосновение пальцев мужа, такое же, как в день их свадьбы в соборе, когда Жоффрей де Пейрак уверенно взял ее руку, чтобы надеть обручальное кольцо, как будто утверждая: «Ты моя!.. Навсегда!»

Анжелика решила воспользоваться отсутствием графа, чтобы выполнить данное себе обещание и подняться на верхние этажи дворца.

И хотя она боролась со своими страхами и полагала, что полностью избавилась от них, но знакомое гнетущее чувство недозволенности возвращалось к ней по мере того, как она шла по ступеням.

Эти ощущения только усилились, когда она достигла таинственного третьего этажа.

Анжелика могла только гадать о том, что скрывается там, наверху, но постепенно пришла к выводу, что кормилица была права, когда говорила о каком-то колдовском влечении, противиться которому невозможно.

Не заключалось ли оно в голосе, которым Жоффрей де Пейрак когда-то сказал ей с возмутительной

уверенностью: «Они приходили сами, и вы тоже придете!..»

— Уж не воображает ли он, что однажды я брошусь к его ногам, взывая, как та сумасшедшая: «Возьми меня! Возьми меня!»?

Но несмотря ни на что, Анжелика продолжала подниматься, ощущая, что медленно, но неотвратно идет к нему. С лестничной площадки третьего этажа уходили прямые, как в храме, ступени, а расположенные наверху апартаменты, по-видимому, открывались на террасы крыши.

Анжелика постоянно думала о тайне той комнаты, где превращалась в пыль хрупкая воля околдованных женщин, чей разум растворялся в ядах безумия, едва они осмеливались переступить запретный порог.

Она поднялась на самый верх.

И там, в нескольких шагах от себя, увидела закрытую дверь, на которой сверкал искусно сделанный золотой замок.

Однажды, когда Анжелика вернулась с прогулки, Клеман Тоннель предупредил ее, что прибыл монсеньор архиепископ и ожидает ее в салоне, куда дворецкий счел нужным его проводить.

Монсеньор де Фонтенак встретил молодую женщину стоя, заверив, что всего лишь проезжал мимо и заглянул только для того, чтобы осведомиться о поездке графа де Пейрака.

«А может, для того чтобы проследить, как ведет себя жена в отсутствие мужа?» — спрашивала себя юная графиня.

Будет лучше, решила Анжелика, сразу поведать прелату как можно больше всяческих подробностей о том, как она проводит время. Это заполнит беседу.

Предложив архиепископу сесть, она начала разговор о своих конных прогулках по окрестностям Тулузы, о людях, которые ее сопровождали, о том, как талантливо рассказывали они об истории края. Она поведала ему о поездке в Альби, самом дальнем месте ее путешествий, где ей показалось, будто она очутилась в другой провинции.

— Монсеньор, я так счастлива, что у меня появилась возможность задать вам вопрос, на который я до сих пор не получила исчерпывающего ответа. Почему тот Крестовый поход назвали альбигойским, ведь согласно заявлениям и разговорам, свидетельницей которых я стала, оказывается, этот город практически не пострадал. Меня даже уверяли, что Симон де Монфор нашел там поддержку для своих армий?

Монсеньор де Фонтенак поднял глаза к небу, абсолютно успокоенный предложенной Анжеликой темой для беседы, поскольку он, как никто другой, умел распутывать клубок противоречий Крестового похода.

Альби принадлежал возглавившим движение катаров виконтам Транкавель и благоволил к ереси настолько, что впоследствии дал ей свое название. Этот город, безусловно, был обязан оказаться среди тех, чьи развалины отметили кровавый путь Крестового похода.

Но так вышло, что во время волнений епископ Альби, Гийом де Пейренето, держал город в железных руках, что было довольно неожиданно для тех времен, когда бездеятельное и вялое духовенство заботил только сбор десятины для сохранения и приумножения своих богатств; и именно оно несет тяжкий груз ответственности за то, что верующие отвернулись от Римской католической церкви. Вот почему так легко распространилась эта развращающая религия, пришедшая с Востока, объявившая себя единственно истинной Церковью, законной наследницей Христа и апостолов.

Вначале именно Альби укрывал собрания епископов-«богомиллов»^[91], иначе говоря, «пришедших из Болгарии», которая в то время являлась одним из центров ереси. Вот почему во Франции эту религию называли «альбигойской»^[92], хотя имен у нее было множество и основывалась она на вере в две созидательные, равные по значимости силы: мир духовный и мир разума, созданные хорошим Богом, и мир материальный — творение дьявола^[93].

— Отвратительный дуализм!

Архиепископ пребывал в сильном волнении... Он буквально дрожал от гнева.

— Не пугает ли вас, мадам, столь мрачная религия?

— Конечно, я разделяю ваше мнение, монсеньор. Наш мир несовершенен, и я это признаю, но, видя красоту цветов, как можно вообразить, будто их создал дьявол?!

Несколько мгновений епископ молчал.

— Превосходный аргумент, способный смутить множество заблудших душ, — заметил он.

Но про себя каждый подумал, что этот довод не из тех, которые приводили жестокие инквизиторы тринадцатого века. Анжелика хранила молчание, предпочитая оставить последнее слово за архиепископом. Он вновь заговорил:

— Что же касается ваших впечатлений, будто вы оказались на чужой земле, будучи всего в нескольких лье от Тулузы, то это, как вы, верно, знаете, особенность наших краев, разнообразие и многоликость которых проявляются как в различии пейзажа, так и в истории их прошлого. Каждый край — маленькая нация, ревностно хранящая свое своеобразие. Только язык нас объединяет... Но даже в нем произношения не всегда совпадают.

На протяжении всего разговора Анжелику не покидало убеждение, что у сегодняшнего визита архиепископа была совсем иная цель, нежели та, о которой он поведал.

Наконец он решился.

— Дитя мое, размышляли ли вы в тайниках своей совести об обязательствах, принятых вами в отношении тех просьб, с которыми я к вам обратился по долгу пастыря людских душ?

Но так как Анжелика смотрела на него с непониманием, продолжил:

— Вспомните... Вы обязаны использовать все ваше влияние, чтобы убедить вашего супруга прийти — я не могу сказать вернуться, ибо слишком давно он покинул материнское лоно Церкви — прийти, заявляю я, и стать верной опорой религии, в которой он был крещен и которую призван защищать согласно тому господствующему положению, которое он приобрел в нашем городе. Ибо «Благородная задача для христианской супруги...»^[94]

Анжелика сидела в кресле очень прямо, скрестив руки на коленях, как и положено даме, беседующей с высокопоставленным духовным лицом.

— Монсеньор, — ответила она после недолгого размышления, — я помню, как во время вашего последнего визита вы отзывались о графе де Пейраке как о человеке, который наделен всяческими талантами, признан учеными всего мира и который в поисках знаний объехал весь свет, снискав дружбу встреченных там королей и принцев. Кроме того, мне показалось, что вы отдаете должное, хоть и не без сожаления, энергии и упорству, которые присущи всем его начинаниям и которым ему достает мужества не изменить, не достигнув желаемого.

Архиепископ слушал Анжелику, мрачней все больше. Те слова, которые она недавно произнесла о цветах, разрастались в его сознании, словно круги на поверхности пруда, превращаясь в теологические умозаключения и выводы. Он был в смятении. Разочарование охватывало его, то и дело сменяясь мыслями о новых проповедях. Он всегда полагал, что чем более женщина красива и соблазнительна, тем более она наивна и легко управляема. Красота не нуждается в хитрости и уловках, чтобы ее приняли, и при умелом руководстве оказывается наиболее безоружной. Он сделал ставку на молодую и очаровательную графиню, чтобы побольше узнать о безумных разгулах во дворце Веселой Науки.

И теперь вынужден признать очевидное: он не смог составить правильного мнения о мадам де Пейрак. То, с каким совершенством она сумела скрыть свои сокровенные мысли и тайны от него, столь опытного в уловках человеческого, а особенно женского сознания пастыря, приводило его в замешательство.

— Да, конечно, — продолжала Анжелика, — благодаря великодушию моего отца я смогла получить достойное образование в монастыре урсулинок в Пуатье. Но вы и вправду верите, монсеньор, что я могу иметь хоть какое-нибудь влияние на человека столь обширных знаний и с таким характером, как у мессира де Пейрака?..

Проницательный прелат остался непреклонен и, улыбнувшись холодной улыбкой, способной обречь на муки даже самых закоренелых грешников, ответил:

— Да, я действительно верю в это. Если появится такая возможность, мадам, объясните графу де Пейраку, что ему недостает осторожности.

Не раз во время беседы, которая, к счастью, была недолгой, Анжелика бессознательно оборачивалась к двери, понимая, что страстно желает увидеть мужа, увидеть, как он входит с насмешливой улыбкой на губах, блеск которой подобен лезвию шпаги, занесенной в решающем ударе.

Пусть он неосторожен.

Но зато он силен и свободен.

Когда же он наконец вернется?

Часть третья
Путь к любви

Глава 10

Однажды утром, когда Анжелика вернулась с прогулки и направлялась в зал для приемов, она увидела там его. Граф стоял, как будто поджидая ее. Одетый в черный костюм, отороченный серебряными кружевами и тесьмой алого цвета, он показался ей еще более высоким, чем она помнила.

Он вернулся!

Жоффрей де Пейрак снял шляпу и, коснувшись земли плюмажем из красных и черных перьев, низко поклонился. Затем выпрямился и ослепительно улыбнулся.

— Что же случилось с вами, мадам, во время моего отсутствия, и почему я вижу отражение радости на вашем лице, которая делает вас еще более прекрасной?

Слушая его, Анжелика неожиданно осознала, что счастлива и смотрит на мужа с чувством, близким к восторгу. Молодая женщина попыталась успокоиться.

— Ничего! — воскликнула она. — Ничего не случилось.

Она сдерживала готовое сорваться импульсивное признание: «Я скучала без вас!»

И сказала лишь:

— ...Вас долго не было.

Но по его насмешливому взгляду Анжелика поняла, что ей не удалось скрыть свои чувства и Жоффрей хорошо понимает, что с ней происходит.

Неожиданно появилась толпа знакомых с возгласами приветствия и многочисленными вопросами, а садовники-мориски начали разносить цветы для праздника.

Дворец Веселой Науки вновь ожил.

Выполняя обязанности хозяйки, Анжелика снова пыталась расслышать в общем шуме беседы голос Жоффрея де Пейрака.

Ну конечно! Совершенно очевидно, что в Париже он пел у Нинон де Ланкло: «Вы же знаете, что очаровательная жеманница превосходно играет на лютне. Музыка царит в ее доме».

Он подарил ей лютню из Болоньи, они славятся великолепным звучанием и к тому же легки, что позволяет женщинам продемонстрировать всю виртуозность игры на этом сильно выгнутом и довольно громоздком инструменте. Анжелика также заметила, что на его правой руке отсутствует одно из колец, возможно перстень с печаткой. Она убедила себя, что Жоффрей подарил его Нинон де Ланкло.

Был жаркий весенний день. Стрекот цикад, казалось, раздавался по всему городу, красные дома пламенели под синим, почти сумеречным небом.

В просторных комнатах отеля Веселой Науки, защищенных от зноя выступающими террасами, собралось избранное общество. Сегодня пришло больше мужчин, потому что сообщили о прибытии иностранцев — испанцев, а также французов, которые привезли вести с полей сражений на севере.

— Эта Фронда никогда не закончится...

Анжелика, переходившая от одной группы к другой, замедлила шаг.

— Два наших лучших генерала сошлись друг против друга во Фландрии. Принц Конде на стороне дона Хуана Хосе Австрийского.

— И против него мессир де ла Тур Д'Овернь, виконт Тюренн, который служит юному королю и ненавистному кардиналу.

— Сражения были ожесточенными, но не привели ни к какому результату.

— Необходимо решающее сражение, битва насмерть.

— Насмерть! Между двумя нашими лучшими военачальниками — принцем Конде и мессиром де Тюренном.

Анжелика слушала реплики, захваченная образами, словно пламенным вихрем. Одним из таких сражений насмерть был бой, развернувшийся некогда у монастыря урсулинок в Пуатье.

— Я ставлю на Конде. Он доказал свой военный талант при Рокруа и Лане.

— Тогда он служил королю. Сейчас он — предатель, приговоренный к смерти за преступления против Его Величества.

— Тогда Тюренн?.. Он верный!

— О! Не столь верный. Обольстительная сирена мадам де Лонгвиль привлекла его в свое время на сторону Фронды.

— Это забыто! Он — великий воин, и король счастлив видеть его у себя на службе. К тому же Тюренн — внук принца Оранского, а их княжества в большей или меньшей степени являются частью Священной Римской империи^[95]. Но он сам, как и его ближайшие родственники, — протестант...

— Гугенот! Тем лучше. Они упрямы! Если он сражается за короля, монарх может быть уверен — его корона будет спасена.

— Не спешите! Его соперник тоже мечтает о короне. Монсеньор принц, который раньше сражался, чтобы попытаться возложить корону на слишком непостоянного Гастона, брата покойного короля Людовика XIII, более охотно видит ее на своем челе. Он ее заслужил!

— Осторожнее! Годы войны, кровопролитий... Кто бы мог представить, что Фронда столь быстро приведет к таким ужасам. Другой король! И это притом, что король и его брат живы.

— И кардинал, повинный в реках крови, тоже жив.

— И еще более ненавистен, чем когда-либо! Он не колебался, заключая союз между христианским королем и пуританским цареубийцей Кромвелем, чтобы остановить англичан на Северном море. Кардинал пообещал им Дюнкерк.

— В этом гениальность французской политики — создавать альянсы с тем, кто является ее самым серьезным противником. Обычно подобная тактика приносит успех.

Это прозвучал голос Жоффрея де Пейрака, и было невозможно различить, скрывалась ли в его последней фразе ирония или восхищение. Однако казалось, он своим высказыванием успокоил умы.

Кто-то добавил:

— Когда будут проходить мирные переговоры с Испанией, в наших краях можно устроить прекрасные празднества. Аквитания с этой стороны Пиренеев может подготовиться к встрече всех испанских грандов.

— И их жен!

— По моим сведениям, некоторые из них не ждут, когда будут достигнуты соглашения...

— Мадам де Мерекур была бы уже в пути.

— Мессир де Пейрак, мы увидим ее снова?..

Ответ утонул в шуме голосов и восклицаний.

Анжелика заметила, что маленьких пажей привели в замешательство выкрики и они перестали подносить корзинки с фруктами и сладостями, а также графины с напитками.

Подойдя к ним, она их подбодрила, и они снова принялись за работу. Молодой графине казалось, будто земля уходит у нее из-под ног. Чтобы унять

беспокойство, Анжелика подошла к широкому окну, открывавшемуся на террасу. Непереносимый зной ударил в лицо и окончательно оглушил ее. Воспоминание пробилось сквозь пороги памяти: под покровом темной сырой ночи в свете окна она увидела полуобнаженного бога Олимпа, сошедшего с полотна, — принца Конде.

Она снова представила знатного сеньора с орлиным профилем, державшего в руках флакон: «Итак, монсеньор Мазарини мертв...»

Конечно, нет!

Кардинал не умер. Потому что она, Анжелика, выкрала и спрятала флакон с ядом. И война между кардиналом и могущественными сеньорами Франции продолжилась. Войска, двор и восставшие продолжали кружиться в вихре войны там, на Севере.

— Любовь моя!.. Что случилось?

Голос доносился издалека.

— Любовь моя! Что с вами?

Был ли высокий, угловатый силуэт, темной тенью возникший перед ней из прозрачного и дрожащего света дня, силуэтом принца Конде или графа Тулузского, ее мужа?

Она убежала на кухню. В домах Юга они хорошо обустроивались и походили друг на друга — со сводчатыми, как у крипты, опорами, они находились наполовину в земле — и были местом, где, несмотря на летние дни и непрерывное приготовление угощений, оставалось прохладно.

Печи были погашены, только несколько поварят под руководством повара усердно трудились над большими серебряными блюдами, на которых возвышались пирамиды пирожных и фруктов.

Анжелика, оправдывая свой неожиданный визит, поблагодарила их за старание, с которым они выполняют работу, — гости очень довольны, и граф де

Пейрак тоже. Один из поварят спросил, не желает ли она бокал оршада, но Анжелика предпочла большой стакан колодезной воды. Она пила ее медленно, сидя в лоджии над садом. Легкий бриз колыхал верхушки деревьев. Вода была холодной, почти ледяной. Анжелика прислонилась к теплым камням балкона. Ей казалось, что она живет на острове красоты, куда не доносится эхо их жестокого мира.

Как она любила эту солнечную страну!

Как любила этот розовый город с его башнями и колокольнями, которые окружали дворец Веселой Науки подобно цветочным букетам.

Она попыталась вспомнить приглушенный голос. «Любовь моя... Что случилось?..»

Правда ли, что он любит ее? Анжелика еще не могла поверить... согласиться с этим!..

Но она не сможет ничего объяснить Жоффрею. Было что-то похожее на скрытую жестокость в словах, которыми сегодня обменялись гости отеля Веселой Науки, как если бы скрестились внезапно выхваченные из ножен шпаги — это напомнило Анжелике, что, сколько бы мужчины ни утверждали, что они поэты, прежде всего они оставались воинами.

С юных лет их жизнь проходила в различных военных кампаниях, в которых они участвовали вместе с их отцом, с их сеньором — королем Франции и Наварры, если не принимать во внимание только что угасшие религиозные войны. Даже женщины, чьи голоса слышались в беседе, напоминали ей великолепных фрондерок, которых она встречала в Плесси — они тоже повинны в ужасной гражданской войне.

К счастью, события разворачивались далеко — в туманной испанской Фландрии, у северных варваров. Она улыбнулась своим мыслям, и ее волнение улеглось.

Анжелика слышала, как в гостиной переговаривались гости, поднимая кубки за всеобщее здравие.

— Необходимо решающее сражение. Принц непобедим.

— Этот принц повинен в реках крови.

Образ Конде с пронизательным, орлиным взглядом вновь возник перед ней из прошлого.

«Что было, то прошло, — сказала себе Анжелика. — Я правильно поступила. Вот так! Не надо думать об этом больше. Это не повод оставлять гостей».

Она чувствовала себя уставшей, как после тяжелой работы.

Когда Анжелика вернулась в зал для приемов, он оказался пустым. Гости уехали. Вдалеке она слышала музыкантов, которые провожали дам до ворот замка.

Она спросила о мессире де Пейраке у одного из слуг, которые все вместе начали убирать зал, и ей ответили, что граф велел заложить карету и уехал.

— Карету?!

Она удивилась.

По окрестностям Тулузы Жоффрей предпочитал ездить верхом.

Чуть позже наступило время ужина, и Клеман Тоннель со словами: «Мессир граф предупредил, что будет поздно», пригласил ее к столу, но она отказалась, ответив, что поужинает у себя.

Внезапно ей снова захотелось сбежать!.. Только куда?.. Но еще сильнее она хотела, как раньше, сидеть по вечерам за длинным столом лицом к лицу с Жоффреем де Пейраком. И хотя иногда с ними делили трапезу близкие друзья, теперь чаще всего они оставались одни. Анжелика поняла, что успела полюбить эти минуты, которые когда-то были для нее тягостной обязанностью.

Через большие окна было видно, как розовый цвет сумерек стал темно-сиреневым, и только не знающие покоя стрижи черными стрелами неслись к земле, снова взлетали и встречали друг друга радостными криками.

Луч света из приоткрытой двери разбудил ее.

В свете подсвечника с тремя свечами, который высоко держала Марго, Анжелика увидела, как первым вошел человек в длинном черном одеянии с квадратной шапочкой на голове. У нее возникло впечатление, что за дверью скрывается целая толпа — просто дверь не открывают настезь.

Следом за незнакомцем показались два мальчика, которые несли треножник, еще один тащил горелку, а молодая служанка была нагружена разной утварью — чайником, чашками, черпаками и ложками. Не без усилий двое мужчин — из тех, кого называют «hommes-de-malles»^[96], — держали за ручки большой кожаный ларец. Она увидела, что одежда незнакомца усыпана астрономическими символами — солнечными дисками, луной, звездами и вихрями, сделанными из настоящей серебряной парчи. Каждый знак отражал свет, малейшее движение заставляло играть и перекликаться гаснувшие один за другим отблески, казалось, что это видение, звучание нежной, полной оттенков музыкальной гармонии.

Его квадратная шапочка из черного бархата напоминала головной убор судьи. Она тоже была украшена серебряным рисунком. Только мерцание одежды выдавало его шаги, так медленно он двигался. Низ длинного одеяния едва касался пола, поэтому казалось, что он скользит. Точно так же скользила в ночи Белая Дама, призрак Монтелу.

Но человек, которого привела Марго, не был духом. Подойдя к изголовью, он снял шапочку и поклонился так низко, что несколько мгновений Анжелика его не видела. Выпрямившись и застыв в небольшом поклоне, он назвал себя:

— Родриго Беншапрут из Толедо.

Его смуглое лицо было изрезано морщинами. Однако он не был стариком и говорил на местном наречии без акцента. Когда он обращался к Марго и помощникам, то делал это на окситанском языке.

Он приказал установить рядом треножник и сверху насыпать раскаленных углей. На другую низкую кованую подставку слуги резко опустили большой кожаный ларец. Затем они удалились. Марго продолжала высоко держать подсвечник, чтобы освещать всю комнату.

Внимание Анжелики привлек кожаный ларец. Это было произведение искусства: узоры на рельефной коже, подчеркнутые золотой росписью, повторяли символы на одеянии и шапочке. Ларец был из Кордовы, знаменитого города, который царил над всей мусульманской Испанией, прежде чем она раскололась на маленькие королевства, тайфы ^[97].

Торжественно и бесконечно медленно визитер поднял окованную железом крышку. На ней Анжелика различила нежные цвета двух миниатюр — двух человеческих силуэтов, склоненных в молитве. Золотой нимб указывал на их святость.

В ларце стройными рядами располагались многочисленные флаконы, коробочки, баночки, а в ящичках из тонких деревянных перегородок с узкими ячейками, которые ловкая рука открывала почти неуловимым движением, лежали связки стеблей, или цветов, или листьев, или корней всевозможных засушенных растений.

Чувствовался довольно насыщенный, но приятный аромат.

Анжелику очаровали заполненные травами баночками, растения, порошки различных оттенков из толченых или измельченных трав.

— Месье, вы врач?

— Да! Я врач.

— Почему ваши движения столь медлительны и так осторожны?

Он принял вид наставника.

— Во-первых, потому что я врач. Именно врач имеет дело с людьми, охваченными страхом, часто впервые осознавшими, что жизнь, их жизнь, хрупка и, особенно если речь идет о раненых, что их может постигнуть смерть. Они потрясены. Каждый жест, обращенный к ним, может стать роковым, разрывающим связь, удерживающую их среди нас. Спокойствие, мягкость, медлительность успокаивают больных, ненавязчиво напоминают им, что они все еще находятся в этом мире. Во-вторых, потому что мессир граф очень просил не пугать вас.

Анжелика весело рассмеялась.

— Что за выдумка! Я не из пугливых и не умирающая.

Но она заметила, что врач, разговаривая с ней, взял ее за руку и в самом деле так нежно, что она этого не почувствовала.

— Что вы делаете?

Все еще удерживая ее за руку, он прикрыл глаза и сказал, что слушает. Затем, с такой же деликатностью, он опустил ее руку на покрывало. Удерживая мизинцем и большим пальцем маленькую лупу (казалось, что она появилась прямо из его рукава), он склонился еще раз, почти касаясь ее лица, быстро изучил левый зрачок, потом правый — от неожиданности Анжелика даже шире раскрыла глаза.

Затем, выпрямившись, он представил ей двух святых, словно считал их своими помощниками. Старцы были изображены на миниатюре, которая украшала крышку его медицинского ларца.

— Это Косма и Дамиан^[98], покровители врачей и хирургов. Они родились в Аравии и стали христианскими мучениками во время правления императора Диоклетиана.

Затем, видя интерес, который она проявляла к содержимому ларца, он назвал ей несколько растений, произраставших в Окситании, достаточно известных в восточных пустошах, там, где дует ветер Средиземноморья, более соленый, чем океанский; также он назвал некоторые цветы, редко встречавшиеся в других краях.

Все это время на маленькой жаровне кипятилась вода. После долгих размышлений врач добавил туда несколько щепоток и отсчитал несколько капель из флакона. Опираясь на подушки, Анжелика выпила лекарство. Пар окутал ее благоухающей дымкой.

Красочные, с золотыми нимбами силуэты святых Космы и Дамиана исчезли, возможно, потому что закрылась крышка ларца, но, скорее всего, потому, что ее веки вдруг стали тяжелыми и непреодолимо захотелось спать.

Анжелика заснула.

На следующий день, когда она проснулась, солнце уже высоко стояло в небе. Она чувствовала себя удивительно отдохнувшей.

Не приснился ли ей ночной визит? Однако в комнате еще витал аромат трав.

Анжелика слышала, как под окном переговаривались всадники — это компаньоны по верховым прогулкам разыскивали ее, но им сообщили, что графиня еще отдыхает.

В глубине дворца играли музыканты. Может, Жоффрей вернулся из вчерашней вечерней поездки?

Анжелика встретила его случайно, и он тут же принялся расспрашивать ее полушутя-полусерьезно — в манере, с которой теперь часто разговаривал с ней:

— Что случилось вчера? Слишком шумные беседы этих господ наскучили вам? Внезапно на вашем прекрасном лице появилось такое же выражение страха... какое было у вас, когда вы увидели меня впервые.

Протестуя, Анжелика улыбнулась слабой улыбкой. Она пробормотала, что ничего не случилось. Возможно, чрезмерная жара...

— Я посчитал необходимым, — продолжал граф, — пригласить весьма уважаемого врача. Я съездил за ним в город, где он живет, чтобы привезти сюда как самого мэтра, так и его медицинский ларец.

— Но я не болела. Не было необходимости беспокоить этого почтенного ученого.

Муж бросил на нее пристальный взгляд, и Анжелика поняла, что ее возражения бесполезны. Он все равно все разгадает.

С искренней заботой в голосе он произнес:

— Доктор Родриго Беншапрут сообщил мне результаты вашего осмотра. Он сказал, что вчера одно глубоко запрятанное и забытое воспоминание ворвалось в вашу память, и поэтому вы испытали такое же потрясение, как если бы вас пронзило копье... Об этих ранах необходимо было позаботиться незамедлительно, — так он мне сказал, — чтобы избежать болезни души. Он заверил меня, что я правильно поступил, разыскав его.

Слушая, Анжелика смотрела на него и не знала, что ответить.

Молодую женщину охватило желание довериться ему, но она чувствовала, что любое упоминание об

ужасной тайне грозит опасностью.

Ее готовность рассказать и одновременно нерешительность были столь заметны, что он снова улыбнулся, но уже понимающе, снисходительно.

— Поговорим о другом... Что вы скажете о его методах врачевания?

Довольная, что смогла избежать расспросов мужа, Анжелика поспешила уверить его, сколь она была восхищена всеми сокровищами, скрытыми в медицинском ларце. Не только растениями, рекомендованными для лечения обычных болезней, о которых она уже знает, но также эликсирами, приготовленными из минералов, солей, растертых в воске и меде, применяемых при загадочных болезнях разума и души, происхождение которых не могут определить.

Жоффрей де Пейрак, как обычно, слушал ее очень внимательно. Ее глаза блестели все больше и больше. Она радовалась, рассуждая о дорогих ее сердцу растениях, воскрешая в памяти этим рассказом далекие и благословенные времена детства, проведенного рядом с Мелюзиной. И не заметила легкой иронии, блеснувшей в темных глазах графа.

— Действительно, — подчеркнул Жоффрей де Пейрак, когда она сделала паузу, — ученый врач предупредил меня об особенностях вашего характера, о которых я не знал, и они, признаюсь, меня сильно обрадовали, так как я вижу многочисленные и разнообразные доказательства того, что в один прекрасный день мы можем слиться в самом совершенном любовном согласии. Ваша скрытая сущность непременно соединится с моей во всех проявлениях чувственности.

— О! В самом деле!.. Я не думаю... что он вам такое сказал?!

— Что вы так же искусны, как и он, в области фармакологии, и намного больше его — в области лечения и... магии!

Муж улыбнулся, и улыбка подчеркнула шрамы, что придало его лицу насмешливое выражение.

— Знаете, почему наша связь еще более сильная, чем это представлял Молин?

— ?!

— Мы с вами отличная пара: колдунья и дьявол!

Анжелика вздрогнула.

— Сударь, вы смеетесь надо мной! Бог хранит меня! Колдунов сжигают!

— На самых больших кострах на земле Юга...

Анжелика соединила руки в пафосном жесте, который тотчас же сочла глупым, равно как и невольную мольбу, что слетела с ее губ.

— Я прошу вас! Не смейтесь надо мной!

Жоффрей стал серьезным, и Анжелика вдруг ощутила себя целиком во власти его страстного, не отпускавшего ее взгляда.

— Хорошо! — произнес он. — Я не буду смеяться над вами, но при условии, что вы расскажете мне, что так сильно поразило вас накануне? Что потрясло в наших военных разговорах и вызвало страх... подобно древнему привидению, значение которого вы вдруг разгадали... или увидели то, что скрывается под его маской, как сказал доктор Родриго Беншапрут?

Она слабела под его взглядом.

Подобное ощущение — такое живое — никогда раньше не возникало: Анжелика невероятно остро почувствовала, что бесконечно дорога ему.

Это правда, призналась молодая женщина. Она была очень взволнована.

Накануне в ее памяти всплыла тайна, которой она владела. Будучи ребенком, она стала свидетельницей

заговора, но это было давно, поэтому событие почти полностью стерлось из ее памяти.

Жоффрей взял ее за руку, провел в маленький смежный салон, усадил и сам занял место в кресле рядом с ней. Он мягко настаивал:

— Рассказывайте, мадам.

Она не могла не поддаться его заботе.

Они были одни, только ему она могла довериться. Анжелика рассказала все.

— Принц Конде, несомненно, намеревался отравить кардинала и, возможно, даже короля и его маленького брата. Но что я плохо поняла, так это письма — нечто вроде подписанных обязательств, которые принц и другие сеньоры должны были вручить месье Фуке. Поймите!.. Я не совсем помню текст... Было что-то вроде: «Я отдаю себя в руки месье Фуке и все свое состояние в его распоряжение...»

Жоффрей де Пейрак слушал ее молча.

Наконец он рассмеялся.

— Вот оно, блестящее общество! И кто бы мог подумать, что в то время месье Фуке был лишь мелким советником парламента! Но благодаря своей финансовой изворотливости уже тогда смог подчинить себе принцев. Сейчас он один из самых богатых людей королевства в союзе с монсеньором Мазарини. Это доказывает, что им обоим достаточно места под солнцем вблизи лучей Его Величества. Итак, у вас хватило смелости завладеть этим ларцом? Вы его спрятали?

— Да, я его...

Инстинктивная осторожность заставила ее замолчать.

— Нет, я выбросила его в пруд с кувшинками в парке.

— Вы полагаете, что кто-то подозревает вас в этой пропаже?

— Я не знаю. Не думаю, что кто-то придал большое значение моей маленькой персоне. Однако я не преминула намекнуть на ларец принцу Конде.

— В самом деле? Но это же безумство.

— Было необходимо добиться для отца права беспошлинного провоза мулов. О! Это целая история, — смеясь, сказала Анжелика. — А теперь я знаю, что и вы были в нее косвенно замешаны. Но я охотно повторила бы подобную выходку, только бы снова увидеть испуганные лица этих высокомерных сеньоров.

Анжелика оживилась, рассказывая о столкновении с принцем Конде.

Граф де Пейрак покачал головой.

— Я почти удивлен, что вижу вас рядом со мной живой. Наверно, вы действительно выглядели слишком безобидно. Но быть замешанной в придворные интриги очень опасно. При необходимости они не остановились бы перед убийством девочки.

С этими словами он поднялся, и Анжелика увидела, как граф приблизился к портьеру и резко отдернул ее. Он вернулся с выражением досады на лице.

— Я недостаточно ловок, чтобы схватить любопытных.

— Нас кто-то подслушивал?

— Я в этом уверен.

Казалось, Жоффрей был мало озабочен этим инцидентом.

Зазвонили колокола, призывая к молитве.

Он встал.

— Я едва не потерял вас, — сказал он в своей обычной шутливой манере. — Надо полагать, наша встреча была предначертана на небесах.

Муж легким поцелуем коснулся ее руки.

— Я не позволю вас сжечь, маленькая колдунья.

Глава 11

Прошло несколько дней. Анжелика с друзьями возвращалась с утренней верховой прогулки вдоль берегов Гаронны.

Ей нравились прогулки верхом, и она посвящала этому занятию несколько часов на заре, когда еще было свежо и прохладно. Жоффрей де Пейрак редко присоединялся к их компании. В отличие от большинства дворян он почти не интересовался верховой ездой и охотой. Можно было подумать, что он избегает занятий, требующих физической силы, если бы его слава фехтовальщика не была почти так же велика, как и слава певца. Говорили, что он великолепно фехтует, проявляя чудеса ловкости, несмотря на свою больную ногу. Он ежедневно занимался в оружейном зале дворца, но Анжелика никогда не видела, как он стреляет.

Она еще очень мало знала его. Порой с неожиданным волнением Анжелика вспоминала слова архиепископа, с которыми тот обратился к ней в день свадьбы: «Между нами, мадам, вы выбрали себе очень странного мужа».

На фоне синего неба городские дома в розовых отблесках казались неясными миражами из сновидений. Но Анжелика не задержалась, чтобы насладиться таким любимым ею зрелищем. Она была рассеяна и вновь обеспокоена.

После столь очевидного сближения граф, казалось, вернулся к своей прежней манере — он обращался с ней почтительно, но отстраненно, как в первое время. Анжелика видела его очень редко и всегда в окружении гостей. Она спрашивала себя, не была ли сумасбродная Карменсита де Мерекур причиной нового отдаления?

После поездки в Париж эта женщина вернулась в Тулузу, и теперь ее эпатажные выходки держали всех в напряжении. Всерьез поговаривали, что мессир де Мерекур собирается заточить жену в монастырь. И если он еще не исполнил угрозу, то только по дипломатическим причинам. Война с Испанией продолжалась, и монсеньор Мазарини, который уже давно пытался начать мирные переговоры, советовал не совершать ничего, что могло бы задеть обидчивых испанцев. Красавица Карменсита была родом из влиятельной мадридской семьи. Перипетии ее семейной жизни имели даже большее значение, чем сражения во Фландрии, и становились известны в Мадриде — хотя официальные отношения были прекращены, тайные посланники под видом монахов, торговцев и купцов поддерживали связь по обе стороны Пиренеев.

Таким образом, Карменсита де Мерекур продолжала вести в Тулузе эксцентричную жизнь, и Анжелику это задевало и беспокоило. Несмотря на светский лоск, который она приобрела, вращаясь в блестящем тулузском обществе, в глубине души она оставалась простой, как полевой цветок, бесхитростной и легко ранимой. Молодая графиня чувствовала, что не в силах соперничать с Карменситой, и порой говорила себе, терзаемая ревностью, что испанка больше подходит, чем она, Анжелика, такому необыкновенному человеку, как Жоффрей де Пейрак.

Но в одном Анжелика была уверена — в вопросах науки в глазах мужа ей нет равных.

Однажды утром, подъезжая к дворцу в сопровождении пажей, галантных кавалеров и нескольких приятельниц, с которыми ей нравилось

проводить время, Анжелика снова увидела у парадного подъезда карету с гербом архиепископа.

Сначала из экипажа вышел высокий суровый человек в серой рясе, а за ним какой-то дворянин: его одежда была украшена бантами, а сбоку висела шпага. Он громко бранился, раскаты его зычного голоса, выкрикивавшего приказы и ругательства, доносились и до них.

— Честное слово, — воскликнул Бернар д'Анджос, постоянный спутник Анжелики, — это же шевалье де Жермонтаз, племянник архиепископа! Храни нас Господь! Он настоящий мужлан и самый большой дурак из всех, кого я знаю. Если вы мне доверяете, мадам, пойдите через сад, чтобы избежать неприятной встречи.

Маленькая группа свернула налево и, оставив лошадей в конюшне, разместилась в красивой оранжерее, окруженной фонтанами. Но едва только гости присели за столики с фруктами и прохладительными напитками, как к Анжелике подошел паж и сказал, что ее желает видеть граф де Пейрак...

Анжелика нашла мужа в вестибюле в компании шевалье и монаха, которых только что видела выходящими из кареты.

— Это монах Беше — видный ученый, о котором нам говорил монсеньор, — обратился к ней Жоффрей. — И представляю вам также шевалье де Жермонтаза, племянника Его Преосвященства.

Монах был высоким и худым как щепка. Из-под выступающих бровей выглядывали близко посаженные, слегка косившие глаза, горящие лихорадочным, мистическим огнем; длинная худая жилистая шея торчала из рясы. Казалось, его спутник присутствует здесь только для того, чтобы подчеркнуть мрачный облик Беше. Насколько монах выглядел изнуренным

умерщвлением плоти, настолько шевалье де Жермонтаз, беззаботный кутила, имел цветущий вид и в свои двадцать пять лет отличался уже благородной дородностью. Пышный белый парик ниспадал на одежду из голубого атласа со вставками из розовых лент. Рингравы были столь широкими, а кружев было так много, что среди такого обилия оборок его дворянская шпага смотрелась нелепо. Страусовыми перьями широкой фетровой шляпы шевалье подмел землю перед Анжеликой, поцеловал ей руку, но, выпрямляясь, бросил дерзкий взгляд, возмутивший молодую женщину.

— Ну вот, моя жена здесь и мы можем идти в лабораторию, — сказал граф де Пейрак.

Монах вздрогнул и смерил Анжелику удивленным взглядом:

— Должен ли я понимать, что мадам проникнет в святая святых и будет участвовать в беседе и опытах, которые вы желаете продемонстрировать мне?

На лице графа появилась ироничная усмешка, и он с вызовом посмотрел на монаха. Он знал, насколько такая манера поведения поражала тех, кто видел его впервые, и не упускал возможности со злорадством сыграть на этом.

— Отец мой, в письме, адресованном монсеньору, в котором я по его многочисленным просьбам согласился принять вас, речь идет о простом визите, и присутствовать могут все, кого я сочту нужным пригласить. Однако он посчитал необходимым отправить с вами шевалье, на случай если ваш острый взгляд упустит нечто важное.

— Но, мессир граф, вы же ученый, вы не можете не знать, что присутствие женщины абсолютно противоречит законам алхимии, которые гласят, что нельзя достигнуть положительного результата, если присутствуют противоположные флюиды.

— Представьте себе, отец мой, в моей науке результаты всегда верны и не зависят ни от настроения, ни от знатности, ни от пола присутствующих...

— Лично я нахожу это превосходным! — воскликнул шевалье с довольным видом. — Не скрою, мне больше по нраву хорошенькая женщина, чем всякие колбы и старые горшки. Но мой дядя попросил меня сопровождать Беше, чтобы я осваивался со своими новыми обязанностями, поскольку он собирается купить мне должность генерального викария^[99] над тремя епископствами. Однако он ужасный человек и поможет мне только при одном условии: если я вступлю в орден. Признаться, мне было бы довольно и ренты.

Так, за разговорами, маленькая группа подошла к библиотеке — ее граф хотел показать прежде всего. Монах Беше, для которого этот визит был долгожданной удачей, задавал множество вопросов, и Жоффрей де Пейрак отвечал ему с терпением и снисходительностью.

Анжелика следовала за ними в сопровождении шевалье Жермонтаза, который не упускал случая прикоснуться к ней и время от времени посылал нескромные взгляды.

«Он и в самом деле настоящий мужлан, — подумала Анжелика. — И похож на молочного поросенка, украшенного цветами и лентами для праздничного ужина».

— Не понимаю, — спросила она громко, — какое отношение имеет визит в лабораторию моего мужа к вашему новому назначению?

— Я понимаю не больше вашего, но признаюсь: мой дядя потратил много времени, объясняя мне это. Похоже, Церковь менее богата и менее влиятельна, чем кажется, и главное — чем должна бы быть. Мой дядя

также жалуется на усиление королевской власти в ущерб правам Штатов провинций, в том числе и Лангедока. Церковные ассамблеи и даже местный парламент, президентом которого он является, как вы знаете, утрачивают свое влияние. Вся власть находится у интенданта провинции и его подручных в полиции, в финансах и в армии. И этому вторжению безответственных ставленников короля мой дядя хотел бы противопоставить союз влиятельных людей провинции. А ваш муж собрал колоссальное состояние, но не делит прибыль ни с городом, ни с церковью.

— Но шевалье, мы делаем подношения.

— Этого недостаточно. Мой дядя желает союза.

«Для ученика Великого инквизитора ему не хватает гибкости, — подумала Анжелика, — если только это не хорошо выученная и разыгранная сцена».

— То есть, — заключила она, — монсеньор полагает, что все богатство провинции должно находиться в руках Церкви?

— Церковь должна играть ведущую роль...

— Несомненно, во главе с монсеньором! Знаете, а вы прекрасно справились с проповедью! Меня больше не удивляет, что церковное красноречие станет вашим призванием. Передайте мои комплименты вашему дяде.

— Непременно, прекрасная дама. Ваша улыбка очаровательна, но мне кажется, что вы недостаточно благосклонны ко мне. Не забывайте, Церковь все еще остается самой влиятельной силой, особенно у нас в Лангедоке.

— Я вижу, вы — истинный ученик Церкви, несмотря на ваши кружева и банты.

— Богатство — убедительное средство. Мой дядя удачно распорядился деньгами, когда сделал ставку на меня. Я буду стараться изо всех сил услужить ему.

Анжелика резко закрыла веер. Ее больше не удивляло, почему архиепископ оказал такое доверие

своему дородному племяннику. Несмотря на явное несходство характеров, их амбиции были одинаковыми.

В библиотеке царил полумрак, поскольку окна были прикрыты ставнями. Когда они вошли, кто-то шевельнулся и склонился в глубоком поклоне.

— Скажите на милость, что же вы здесь делаете, мэтр Клеман? — спросил граф удивленно. — Никто не может войти сюда без моего разрешения, и я не помню, чтобы давал вам ключ!

— Пусть мессир граф простит меня, я сам занимался уборкой библиотеки, не желая препоручать заботу об этих ценных книгах какому-нибудь неотесанному слуге.

Клеман Тоннель поспешно собрал тряпку, щетку, лесенку и тихо удалился, еще несколько раз поклонившись.

— Определенно, — вздохнул монах, — я предполагал, что увижу здесь очень странные вещи... но женщина в лаборатории, слуга в библиотеке, прикасающийся своими грязными руками к магическим фолиантам, кладезям научных знаний!.. Действительно, ваша репутация не преувеличена. Давайте посмотрим, что есть в вашей библиотеке.

Он узнал богато украшенные книги мэтров алхимии: «Принцип сохранения тела, или мумия» Парацельса^[100], «Алхимию» Альберта Великого^[101], «Герметику» Германа Курингуса^[102], «Толкования 1572 года» Томаса Эраста^[103] и, наконец, что принесло ему особое удовольствие, его собственное сочинение — «Превращение» Конана Беше.

Совсем успокоившись и вернув графу свое доверие, монах последовал за хозяином дома и остальными гостями из дворца во флигель, где находилась лаборатория.

По дороге в лабораторию гости увидели, как на крыше дымит вытяжная труба. Ее медный изгиб походил на клюв птицы из Апокалипсиса. Когда гости подошли ближе, конструкция со скрежетом повернулась в их сторону и из ее черного клюва вырвался коптящий дым.

Монах отшатнулся.

— Это всего лишь флюгер для увеличения тяги печей с помощью ветра, — объяснил граф.

— У меня очень плохая тяга, когда ветрено.

— А здесь все наоборот, я использую давление ветра.

— И ветер вам служит?

— Совершенно верно. Точно так же, как и в случае с ветряными мельницами.

— В мельнице, мессир граф, ветер вращает мельничные жернова.

— А у меня печи не поворачиваются, но втягивают воздух.

— Вы не можете втянуть воздух, потому что он состоит из пустоты.

— Однако вы увидите, у меня прямо адская тяга.

Монах перекрестился три раза, прежде чем переступить порог вслед за Анжеликой и графом.

Мавр Куасси-Ба торжественно отсалютовал изогнутой саблей и снова вложил ее в ножны.

В глубине широкой залы горели две печи. Третья печь оставалась потухшей. Перед ними располагались странные приспособления, сделанные из кожи и железа, а также глиняные и медные трубы.

— Это мои кузнечные меха. Я использую их, когда мне нужен очень сильный огонь, например если необходимо расплавить медь, золото или серебро, — объяснил Жоффрей де Пейрак.

Расположенные одна над другой полки тянулись вдоль главного зала. Они были заставлены

всевозможными горшочками, колбами с этикетками, исписанными кабалистическими знаками и цифрами.

— Здесь у меня запас различных средств: сера, медь, железо, олово, свинец, бура, трехсернистый мышьяк, реальгар, киноварь, ртуть, ляпис, или адский камень, медный и железный купорос. С этой стороны в стеклянных бутылках олеум, селитряный спирт, соляной спирт^[104]. Выше вы увидите колбы и сосуды из стекла, железа, лакированной керамики и дальше реторты и перегонные аппараты. В маленьком зале лежат горные породы, содержащие невидимое золото, как эта мышьяковая руда, и породы, дающие при плавлении серебро. А вот роговое серебро из Мексики^[105] я приобрел у одного испанского сеньора, вернувшегося из тех краев.

— Мессир граф, верно, хочет посмеяться над скудными знаниями монаха, утверждая, что это восковое вещество содержит серебро, так как я не вижу никаких признаков драгоценного металла.

— Сейчас я вам покажу, — ответил граф.

Он выбрал большой кусок древесного угля из кучи около печей, затем из коробки на полке достал сальную свечу и зажег от пламени; железной палочкой выдолбил небольшую лунку в куске угля, положил туда маленький, с горошину, кусочек рогового серебра, который и вправду был полупрозрачного грязного серо-желтого цвета, еще добавил буру, наконец поднес к горячей свече изогнутую медную трубочку и, подув, ловко направил огонь на смешанные в лунке компоненты. Они плавилась, вздувались, меняли цвет, потом стали появляться отдельные металлические шарики, граф подул сильнее — и шарики слились в один блестящий сгусток.

Потушив огонь, Жоффрей де Пейрак извлек из лунки на кончике ножа маленький блестящий слиток.

— Вот расплавленное серебро, которое я добыл на ваших глазах из этой странной породы.

— Вы так же легко превращаете металлы в золото?

— Я ничего не превращаю, а только извлекаю драгоценные металлы из руды, которая уже содержит их, но не в чистом виде.

Монаха его слова явно не убедили. Он откашлялся и осмотрелся по сторонам.

— Что это за трубы и конические емкости?

— Система промыва, сделанная по китайским образцам, чтобы вымывать песок и таким образом добывать золото при помощи ртути.

Покачивая головой, монах с подозрением подошел к одной из печей — она гудела и была докрасна раскалена, — в ней на медленном огне стояло множество тиглей.

— Прекрасная конструкция, — сказал он, — но ничего из увиденного не похоже на Атанор^[106], более известный как «Дом Премудрого Цыпленка».

От смеха граф де Пейрак даже задохнулся, затем, приняв, насколько было возможно, более серьезный вид, извинился.

— Прошу прощения, святой отец, но остатки этих священных глупостей были уничтожены взрывом гремучего золота во время последнего визита монсеньора.

На лице монаха появилось почтительное выражение.

— Действительно, монсеньор рассказывал мне об этом. Итак, вам удалось получить подвижное золото, которое взрывается?

— Я готов изготовить даже гремучую ртуть, лишь бы ничего не скрыть от вас.

— Но как же философское яйцо?

— Оно у меня в голове!

— Вы богохульствуете! — воскликнул монах взволнованно.

— Что за история о цыпленке и яйце? — поинтересовалась Анжелика. — Мне никто никогда не рассказывал о них.

Беше бросил на нее презрительный взгляд. Но, заметив, что граф де Пейрак едва сдерживает улыбку, а шевалье де Жермонтаз откровенно зеваает, он решил довольствоваться и такой скромной аудиторией.

— Именно из философского яйца рождается философский камень, — произнес монах, обращая свой огненный взгляд в искренние глаза молодой женщины. — Состав философского камня готовится из очищенного золота — Солнца, чистого серебра — Луны, с которой надо смешать подвижное золото — Меркурий. В философском яйце, плотно закрытом сосуде, алхимик попеременно держит смесь на большом и малом огне, за которым внимательно следит. Огонь — это Вулкан. Так рождается плодоносящая сила Венеры, а философский камень есть видимая форма этой регенерирующей субстанции. Затем все реакции в философском яйце развиваются в определенной последовательности — это позволяет следить за превращением вещества. Очень важными являются три цвета: черный, белый, красный, которые указывают соответственно на гниение, разрушение и рождение философского камня. Одним словом, сначала смерть, потом воскрешение — из этой последовательности, согласно древней философии, зарождаются все живые субстанции. Мировой разум, непременный посредник между душой и телом Вселенной, являясь истинной причиной всех преобразований, дает жизнь четырем основным элементам. Но мировой разум скрыт в золоте — увы! — он заточен и бездействует. Только мудрец способен высвободить его.

— И что делаете вы, отец мой, чтобы освободить этого узника золота, этот разум, который есть основа всего? — мягко спросил де Пейрак.

Но алхимик не обратил внимания на иронию в голосе графа. Голова его была запрокинута вверх — он следовал за своей давней мечтой.

— Чтобы освободить его, нужен философский камень. Но и этого недостаточно. Надо дать импульс с помощью преобразующего порошка, он есть начало феномена превращения всего в чистое золото.

Монах замолчал, полностью погруженный в свои мысли.

— Я занимался исследованиями долгие, долгие годы и теперь думаю, что достиг некоторых результатов. Я соединяю философскую ртуть — женское начало, с золотом — мужским началом (золото должно быть чистым и листовым), затем ставлю эту смесь в Атанор, или «Дом Премудрого Цыпленка» — в это святилище, дарохранительницу, которая должна быть в каждой лаборатории алхимика. Философское яйцо — реторту совершенной овальной формы, плотно закупоренную, чтобы ни в коем случае ничего не пролилось, помещаю в глубокую посуду, заполненную золой, и ставлю в печь. Я поддерживаю огонь определенной температуры и силы; таким образом, нагретая ртуть и содержащаяся в ней сера постепенно расщепляют золото до состояния малых частиц. После шести месяцев кропотливого труда я получил черный порошок, который назвал «совершенная тьма». Этот порошок позволил мне превращать поверхности металла в чистое золото, но, к сожалению, жизненное начало моего *primum aurum*^[107] еще не так сильно, ибо у меня никогда не получалось полное превращение.

— Но вы, несомненно, пытались укрепить этот умирающий зародыш? — спросил Жоффрей де Пейрак,

и было видно, что он забавляется.

— О да, думаю, что дважды я уже был почти у цели. Первый раз я поступил следующим образом: в течение двенадцати дней я настаивал в навозе соки трав пролесника, портулака и чистотела; затем я очистил настой и получил жидкость красного цвета. Я снова поставил настой в навоз. Там появились черви, которые пожирали друг друга, пока не остался только один. Я откармливал его теми же травами, пока он не стал толстым. Тогда я сжег его, а получившийся пепел смешал с купоросным маслом и порошком «совершенной тьмы». Но его сила увеличилась только на самую малость.

— Фу! — воскликнул шевалье де Жермонтаз с отвращением.

Анжелика бросила растерянный взгляд на мужа, но тот оставался невозмутимым.

— А во второй раз?

— Во второй раз я питал большие надежды. Один путешественник, потерпевший кораблекрушение у неизвестных берегов, где никогда не ступала нога человека, передал мне толику девственной земли. Как известно, в абсолютно девственной земле скрыто семя или жизненное начало металлов — это и есть философский камень. Но к сожалению, та земля не была девственной, — со скорбным видом проговорил монах, — так как я не получил ожидаемых результатов.

Теперь и Анжелике захотелось рассмеяться. Немного поспешно, чтобы скрыть веселье, она спросила:

— Жоффрей, вы сами мне рассказывали, что однажды потерпели крушение около пустынного острова, покрытого туманами и льдами?

Монах Беше встрепенулся, его глаза заблестели, он схватил графа за плечи.

— Вы пережили кораблекрушение у берегов неизвестной земли? Я знал, я подозревал это. Вы же тот, о ком говорится в трудах алхимиков, вы тот, кто вернулся из «потустороннего мира, там, где гремит гром, дуют ветра, идет дождь и падает град. Только там тот, кто ищет, найдет философский камень».

— Кое-что из вашего описания действительно было, — небрежно бросил граф. — Я могу добавить к этому даже вулкан, окруженный, как мне показалось, вечными льдами. Необитаемые берега. Это был остров Огненная Земля. Меня спас португальский парусник.

— Я бы отдал жизнь и даже душу за клочок этой девственной земли! — воскликнул Беше.

— Увы! Отец мой, признаюсь вам, я как-то не подумал захватить ее с собой.

Монах бросил на графа мрачный и подозрительный взгляд, и Анжелика поняла, что Беше не поверил.

Взгляд молодой женщины поочередно останавливался на мужчинах, стоящих перед ней в странном окружении реторт и колб. Прислонившись к кирпичной кладке одной из печей, Жоффрей де Пейрак, Великий Лангедокский Хромой, рассматривал собеседников с надменной иронией. Он без всякого смущения давал понять, что нисколько не уважает старого Дон Кихота от алхимии и его расфранченного Санчо Пансу.

Рядом с этими гротескными персонажами он казался Анжелике таким величественным, таким свободным и необычным, — а осознание этого было таким внезапным и неожиданным, что от нахлынувших чувств у нее защемило сердце.

«Мне страшно, — подумала она вдруг. — Мне так страшно. Ах! Пусть они не причинят ему зла... Не раньше... Не раньше, чем...»

Она боялась даже в мыслях выказать свое желание: «Не раньше, чем он сожмет меня в своих объятиях...»

Однажды утром, войдя в библиотеку вместе с графом, Анжелика застала Клемана Тоннеля, дворецкого, который переписывал на воощенные таблички для письма названия книг. Как и в первый раз, когда его здесь обнаружили, Тоннель выглядел смущенным и старался спрятать таблички для письма и стилос.

— Черт возьми, кажется, вас и вправду интересует латынь! — воскликнул граф больше с удивлением, чем с досадой.

— Меня всегда влекло к знаниям, мессир граф. Я хотел стать помощником нотариуса, и для меня большая честь, что я служу не только столь важному сеньору, но и выдающемуся ученому.

— Но мои книги по алхимии вряд ли помогут вам в изучении права, — заметил Жоффрей де Пейрак, хмуря брови; ему никогда не нравились вкрадчивые манеры Тоннеля. Из всех слуг в доме только к нему граф обращался на «вы».

Когда Тоннель ушел, Анжелика огорченно сказала:

— Я не могу пожаловаться на службу Клемана Тоннеля, но, не знаю почему, его присутствие тяготит меня все больше и больше. Когда я смотрю на него, то чувствую, что он напоминает мне о чем-то неприятном. Однако ведь именно я привезла его с собой из Пуату.

— Ба! — сказал Жоффрей, пожимая плечами. — Ему недостает скромности, но я ничего не имею против тяги к знаниям, пока она не привела его к печам моей лаборатории.

И все же Анжелику мучила необъяснимая тревога, и еще не раз в течение дня образ дворецкого со следами перенесенной оспы на лице беспокоил ее мысли.

Вскоре Клеман Тоннель попросил отпустить его в Ньор, чтобы решить вопросы с наследством. «Видимо его проблемы с наследством никогда не закончатся», — подумала Анжелика. Она вспомнила, что он уже однажды отпрашивался по этой причине. Клеман обещал возвратиться в следующем месяце, но Анжелика, видя, с какой тщательностью слуга собирается в дорогу, предчувствовала, что больше он не вернется.

Насыщенные событиями дни отодвинули эту тревогу.

Когда дворецкий уехал, Анжелику охватило безотчетное желание снова увидеть Монтелу и родных. Но отцу она была не нужна. Да и сама Анжелика еще хранила смутную обиду на него из-за своего брака. Братья и сестры разъехались. Она подозревала, что тетки становятся все более раздражительными и вздорными, а кормилица — властной. На мгновение ее воспоминания обратились к Николя, но он исчез из Пуату после ее свадьбы.

Анжелика долго думала и призналась себе, что желание вернуться домой преследует ее только потому, что она хочет поехать в замок дю Плесси и проверить, лежит ли еще в башенке ларец с ядом.

Его можно обнаружить, только разрушив замок.

Почему старое воспоминание неожиданно вернулось и беспокоит ее? Участники тех событий ныне находились далеко. Монсеньор Мазарини, король и его юный брат живы, месье Фуке получил власть, не совершая преступления. И не поговаривают ли, что принц Конде снова в милости?

Она отмахнулась от всех своих страхов и забыла о них.

Глава 12

Стояла полная луна. Серебряный свет медленно струился сквозь листву деревьев.

Анжелика прислонилась к колонне террасы, она медлила, не решаясь идти спать. Сегодня ночью у нее не было нужды заниматься дневными делами, которые на Юге иногда откладывали на вечер из-за полуденного зноя — сейчас погода стояла не жаркая. Это был час, когда дворец становился царством тишины.

Анжелика и граф де Пейрак остались одни в доме — разделенные только стенами, анфиладами, пустыми лестницами — никого больше не было, лишь он и она.

День выдался полным забот и немного утомительным. Уже несколько недель ходили слухи, что совсем скоро во дворце Веселой Науки начнется один из знаменитых Судов любви, в которых Анжелика видела отголоски легенд далекого Средневековья.

И вот несколько дней назад, когда обед подходил к концу, граф де Пейрак подтвердил слухи и назначил дату, до которой, к счастью, было еще далеко. Однако приготовления уже начались.

Сегодня же, после небольшого совещания, на котором Анжелику попросил присутствовать муж, все решилось окончательно. Тут же, как по команде, появились секретари, чтобы составить и оформить приглашения, а множество гонцов отправились доставлять их по назначению, почти как по военному приказу в армии. Все комнаты во дворце — Анжелика до сих пор так и не знала, сколько их — следовало открыть и привести в порядок, украсить гобеленами, роскошными драпировками, мебель тщательно осмотреть и обновить — все ради удобства гостей, которые поселятся здесь на дни празднеств.

Обычай требовал, чтобы все, кто способствовал успеху веселого празднества, — от приглашенных до слуг, были достойно вознаграждены.

Анжелика, немного взволнованная и растерянная при виде такого размаха, стала расспрашивать одну из своих приятельниц Аделаиду де Лиль, как проходят Суды любви.

И была удивлена, узнав, что Аделаида, частая гостя дворца Веселой Науки, никогда не участвовала в них.

— Приедет множество гостей, с которыми мы незнакомы. Эти друзья мессира де Пейрака лишены возможности, в отличие от нас, тулузцев, часто видеть его. Так уступим же место тем, кто, проживая в провинции, лишен удовольствий и приезжает сюда, рискуя своей репутацией: ведь для многих это путешествие на Цитеру^[108]. Чем меньше людей их узнает, тем безоблачнее будет их счастье. На торжественное открытие праздника в первый вечер можно прийти в маске. Никто не представляется. Свое имя называет только тот, кто сам того пожелает.

Аделаида добавила еще, что будет много музыки, танцев, состязаний в пении и поэмах, галантных бесед и что-то вроде диспутов, посвященных любви.

Анжелика удивилась.

— Вы так чудесно описываете очарование этих праздников, однако утверждаете, что ни разу не участвовали в них?

— Я робка, — призналась молодая женщина после некоторого колебания. — К тому же я очень привязана к своему исповеднику. Это человек строгих правил, и он заботится о моей душе. Я предпочла бы умереть, чем признаться ему однажды, что была на одном из Судов любви, даже если это всего лишь развлечение в кругу хороших друзей. Дело в том, что мой духовник считает

Суд любви весьма подозрительным собранием посвященных.

Другая приятельница, Мод де Мазабран, жеманница, спряталась за мнением своего супруга, одного из капитулов. Он полагал, что его положение и репутация влиятельного человека могут пострадать, если о его присутствии на одном из таких празднеств станет известно в обществе и в высших кругах.

— А где находятся, по-вашему, эти «высшие круги»?

Мод де Мазабран призналась, что ничего не знает об этом, и ее супруг, капитул, без сомнения, знает не больше ее.

Все так изменчиво в нашем королевстве...

Надо ли искать «высшие круги» в окружении слабого монарха — регентша имела репутацию набожной женщины, — или же в окружении дяди короля, Гастона Орлеанского, вечного мятежника и наместника Лангедока?

Хотя, если подумать, все это не имеет никакого отношения к готовящимся празднествам, которые Мод де Мазабран описывала с таким же восторгом, как и Аделаида.

Граф де Пейрак, проходя мимо, застал Анжелику ходящей из угла в угол.

— Вы, кажется, взволнованы? Не тревожьтесь! Все будет хорошо. По традиции дворец Веселой Науки открывает двери всем ценителям чувственных наслаждений, и в эти дни здесь рады видеть только их. Речь идет всего лишь о празднике и беседах о любви.

— До меня дошли слухи, что некоторые считают его собранием посвященных.

Анжелика увидела, как граф удивленно приподнял брови, по-видимому, утверждение его позабавило.

— Посвященные? Что это означает, как вы думаете?

— Я не знаю, — призналась Анжелика, — но... я боюсь за вас!

Глаза графа сверкнули насмешливыми искорками.

— Владыка небесный! Я вас обожаю!.. Прошу вас, беспокойтесь за меня!

Жоффрей точно окутывал ее чувственным огнем.

— Ничего не бойтесь! Вы будете прекрасны. Вы будете королевой праздника. Что до ваших стыдливых подруг...

Граф рассмеялся и пошел прочь, крикнув издали:

— Они придут в масках!

Этот случай напомнил ей первые месяцы пребывания в Лангедоке, когда она держалась с ним более смело и свободно, чем сейчас.

Как бы она хотела вернуть то время легкости и немного головокружительного волнения, которое она испытывала в первые месяцы. Анжелика устремилась в водоворот новой жизни, как если бы она по своей воле выбрала ее. Незаметно Анжелика позволила мужу захватить себя врасплох, очаровать, увлечь своей таинственностью, выражением жгучих глаз и тем, что сулил его взор, когда Жоффрей смотрел на нее и их взгляды встречались.

Анжелика снова чувствовала себя во власти его обаяния. Смогла бы она противиться ему, если бы мужа не было рядом?

А теперь стояла пустынная ночь.

И он там, наверху.

Одинокий и сильный.

Анжелика догадывалась, что в эту минуту Жоффрей де Пейрак исследует невидимые миры, проникает сквозь пространство в мир волнующих открытий, на которые отваживались немногие. Он манил ее за собой, притягивал, как луч света, и она шла к нему, словно ее

вела золотая нить Ариадны, — отныне она была его пленницей.

Анжелика вспомнила обо всем, что окружало дворец в фантазиях кормилицы.

Фантина рассказывала о трупах, о прирученном демоне, который помогал ему завлекать женщин. Какие глупости!

Но оставалась еще неясная тревога, которую непременно вызывает любое подозрение в связях с дьяволом или намек на неизвестные преступления — незримый дух насилия всегда обитает в таких местах.

Пришло время прогнать навязчивые страхи.

Здесь был ее дом.

Анжелике необходимо было все знать.

Она поднималась.

Анжелика шла по красивым ровным ступенькам, залитым лунным светом, который проникал через окна, лоджии и ровные арки галерей.

Третий, четвертый этаж.

Наверху, как она и предполагала, дверь таинственной комнаты была открыта.

Казалось, оттуда струился серебристый свет.

Анжелика приблизилась к порогу.

Просторная комната с высоким потолком, утопающим в темноте ночи, переходила в террасу, которая, скорее всего, являлась частью дворцовой крыши, но сейчас была не видна — большое, распахнутое настежь окно заполняли только небо и луна, в ярком свете которой темно-синие цвета ночи становились еще более выразительными.

В комнате было темно, а ночь, напротив, несла свет — в своих бесконечных плотных и бархатных глубинах она хранила все солнца Вселенной.

Царица-ночь — молчаливая богиня-покровительница — пришла навестить смертных.

И только луна — звезда близкая и знакомая — пожелала своим сиянием рассеять тьму, посеребрить блестящими лучами привычные вещи: очертания мебели, пюпитр^[109], столы, заваленные книгами, а также множество загадочных предметов: бумаги, исписанные кабалистическими формулами, непонятные пульсирующие приборы со сложным механизмом, походившие на единый организм с бьющимся сердцем — астролябия^[110] и вольвеллы^[111].

Только один человек был в комнате — хозяин этого необычного места.

Как с ней случалось не раз, Анжелика не сразу узнала Жоффрея де Пейрака и сначала решила, что это кто-то другой.

Граф стоял около большого телескопа, и она видела только его чеканный профиль без шрамов. Освещенный светом луны, он был хорошо различим, — скрытая энергия чистых линий, дерзость высокого лба, прямой нос с небольшой горбинкой, сильные губы, плотно сжатые в минуту глубокого внимания. Густые волосы, отброшенные назад в небрежной манере, больше присущей молодым людям, придавали облику графа юношеский вид. Резко очерченные скулы и открытый висок казались в полутени бледными.

Но вот муж повернул голову, и четкий профиль исчез, — реальностью стал неровный абрис лица со шрамами. В зависимости от чувств, которые Жоффрей де Пейрак хотел показать, его взгляд пылал гневом или же искрился весельем, вынуждая собеседника смотреть ему прямо в глаза, а сам граф тотчас становился абсолютно непроницаемым в желании скрыть то, о чем думал, что чувствовал. Именно такой взгляд Жоффрей

де Пейрак остановил на Анжелике, когда увидел ее в дверях комнаты.

Она же замерла у порога, не решаясь идти дальше.

Наконец он заговорил своим красивым, звучным, хорошо поставленным голосом:

— Вы пришли, мадам!..

Его слова эхом пронеслись по комнате, и в них прозвучало утверждение.

Анжелика прислонилась к двери. Она чувствовала себя птицей, попавшей в сети птицелова.

— Что вы надеялись найти в моей комнате?

Анжелика разглядывала это великолепное место, и в ночи оно казалось ей видением, оторванным от мира и полным сокровищ — научных инструментов, сияющих в лунном свете лакированным деревом и дорогими украшениями.

Она ответила:

— Дух Галилея.

Если бы Анжелика посмотрела на графа, она бы заметила на его лице улыбку, выражающую заинтересованность и удивление, которой он иногда улыбался ей.

Но лицо Жоффрея снова стало непроницаемым.

Он наблюдал, как ее прекрасные глаза изучают — и не только из простого любопытства, но с восхищением — небосвод в сказочных декорациях комнаты, где он работает.

Конечно, Жоффрей де Пейрак видел, что Анжелика избегает смотреть на него, — но сейчас это не имело значения — настолько он был охвачен страстью, которую вызвало в нем ее появление, ее грация и опьяняющая женственность. Ему пришлось приложить усилие, чтобы остаться невозмутимым.

Когда Жоффрей снова заговорил, его голос звучал более приглушенно:

— Чего вы хотите? Чего желаете?

— Посмотреть в этот инструмент, благодаря которому великий ученый Галилей увидел горы на Луне.

Высказав свое желание, Анжелика отважно посмотрела на графа и застыла под ледяным и жестким взглядом его темных глаз. Между тем голос Жоффрея де Пейрака не был ни насмешливым, ни недовольным, когда он ответил:

— Нет! Еще не время! Я хочу, чтобы сначала вы открыли мир бесконечный и более необыкновенный, чем тайны луны и звезд.

— Что же может быть более захватывающим, чем открытие звездного неба?

— ЛЮБОВЬ.

Это неожиданное слово, произнесенное мягким убеждающим голосом, потрясло ее и повергло в такое необъяснимое волнение, что ей показалось, будто она сейчас упадет в обморок. Колдовство комнаты с золотым замком подействовало, и Анжелика уже была готова бежать к мужу.

Но Анжелика все еще отказывалась признать в себе эту настоящую потребность быть завоеванной, покоренной...

И она отступила, отвернулась.

Анжелика медленно спускалась по красивой лестнице, ноги не слушались ее.

Она поймала свое отражение в зеркале — глаза широко открыты, рука прижата к сердцу в одном из тех изящных жестов, рекомендованных благородным дамам для выражения волнения или удивления, которые Анжелика считала смешными. Это мог быть и страх тоже, однако дамы благородного происхождения никогда не должны оказываться в положении, когда страх заставляет их забыть настолько, чтобы позволить себе такие вульгарные жесты.

Супруга сеньора, как и сам сеньор, должна защищать и оказывать покровительство, а посему

обязана искоренять в себе чувства, подобные отвратительному страху. Только мужество достойно ее высокого происхождения.

Но разве это не был страх... именно страх... заставляющий так неровно биться ее сердце?

И все же сейчас чувство страха было каким-то особенным.

С широко распахнутыми глазами, не в силах пошевелиться, Анжелика позволила себе отдаться потоку противоречивых и неизведанных ощущений. Вспоминая суровый взгляд, который он на нее бросил, она вновь испытала прилив безотчетного страха. Потерпит ли она поражение, так никогда и не одержав победы? Теперь роли переменялись.

Нет! Это невозможно!

То, что существует между ними, уже никогда не разрушить.

И Анжелика представила, как она воспарит в бесконечное небо, как захватит ее головокружительный вихрь сладостного покорения, а затем восхитительного взлета, чем-то похожего на смерть.

Правда открылась, и Анжелика сдалась и покорилась ей.

— Если это и есть любовь... Если ЛЮБОВЬ... Тогда да, Я ЛЮБЛЮ ЕГО!..

Глава 13

— Любовь, — говорил Жоффрей де Пейрак, — искусство любви, ценнейшее качество, которое свойственно нам, французам. Я побывал во многих странах и видел, что это признают повсюду. Так возрадуйтесь, мессеры, и гордитесь же собой, дамы, но не стоит почивать на лаврах, ибо нет ничего более хрупкого, чем подобная репутация, если только утонченное сердце и искусное тело не придут ей на помощь.

Он склонил голову, и на его лице в маске из черного бархата, обрамленном роскошной шевелюрой, сверкнула улыбка.

— Вот почему мы собрались здесь, во дворце Веселой Науки. Между тем я отнюдь не призываю вас вернуться в прошлое. Конечно, я буду вспоминать нашего мэтра в Искусстве Любви, который когда-то пробудил в сердцах людей это чувство, но мы не вправе забывать и то, что подарили нам последующие поколения, стремясь к совершенству: а именно искусство вести беседу, умение веселиться, блистать остроумием, а также более простую, но не менее важную радость, располагающую к любви, — заботу о хорошей еде и добром вине.

— О! Это мне больше по нраву! — закричал шевалье де Жермонтаз. — Ха! Чувства? Плевать мне на них! Я съедаю полкабана, трех куропаток, шесть цыплят, выпиваю бутылку шампанского вина, и пойдём, красотка, в кровать!

— Но если эта красотка зовется мадам де Монмор, то она утверждает, что вы способны в постели только на то, чтобы раскатисто и громко храпеть.

— Она рассказывает такое? О! Предательница! Это правда, как-то вечером я отяжелел...

Взрыв всеобщего смеха прервал толстого шеваляе, который, чтобы восстановить хорошее расположение духа, поднял серебряную крышку одного из блюд и выхватил двумя пальцами куриное крылышко.

— Я если ем, то ем. Я не вы, и не валю все в одну кучу, пытаюсь найти изысканность там, где в ней нет никакого проку.

— Грубая свинья, — тихо проговорил граф де Пейрак, — с каким умилением я смотрю на вас! Вы олицетворяете собой все то, что мы изживаем из наших нравов, все то, что мы презираем. Посмотрите, вы, мессеры, и вы, дамы, — вот потомок варваров, тех крестоносцев, которые с благословения своих епископов пришли, чтобы разжечь тысячи костров между Альби, Тулузой и По. Их зависть к нашему чудесному краю, где воспевалась любовь к дамам, была так сильна, что они выжгли его дотла и превратили Тулузу в город нетерпимых, подозрительных фанатиков с жестокими глазами. Не забывайте об этом...

«Ему не стоило говорить такие слова», — подумала Анжелика.

Гости смеялись, но она видела, как во взгляде некоторых из них сверкнул огонь непримиримости.

Казалось, этим вечером Жоффрею де Пейраку нравилось разжигать затаенную обиду, и не столько из провинциального фанатизма, сколько из отвращения к любым проявлениям ограниченности ума, грубости и глупости.

Анжелика, сидя с другой стороны во главе огромного стола, смотрела на мужа — его одежда из темно-красного бархата была украшена бриллиантами; черная маска и темные волосы оттеняли белизну высокого воротника из фламандских кружев, манжет, а

также длинных подвижных пальцев, униженных кольцами.

Анжелика была в белом, и это напоминало ей день свадьбы. Сегодня, как и тогда, за двумя огромными банкетными столами, расставленными в галерее второго этажа дворца, собрались самые знатные сеньоры Лангедока и Гаскони. Но на этот раз среди блестящего общества не было стариков и духовных лиц. Теперь, когда Анжелика могла каждого назвать по имени, она заметила, что большинство пар, окружавших ее этим вечером, не состояли в законном браке. Анджос пришел с любовницей, страстной парижанкой. Мадам де Сожак, жена судьи из Монпелье, нежно положила свою темноволосую головку на плечо какого-то капитана с золотистыми усами. Несколько шевалье приехали одни и присоединились к дамам, достаточно дерзким и независимым, чтобы, не пряча лицо под капюшоном, прийти на знаменитый Суд любви.

Эти роскошно одетые мужчины и женщины излучали молодость и красоту. Подсвечники и канделябры сверкали золотом и драгоценными камнями. Окна были широко распахнуты навстречу теплому весеннему вечеру. К запаху мелиссы и ладана, которые сжигали в курительницах, чтобы отогнать комаров, примешивался пьянящий запах вина.

Анжелика все еще чувствовала себя неуместной в этом обществе, словно полевой цветок среди садовых роз.

Однако она была сегодня красивее, чем когда-либо, и ее умение держать себя ни в чем не уступало манерам самых знатных дам.

Молодой герцог де Форба де Ганж коснулся ее обнаженной руки.

— Какая жалость, мадам, — прошептал он, — что вы принадлежите такому мэтру! Только на вас я смотрю весь вечер.

Анжелика легонько ударила кончиком веера по его пальцам.

— Не спешите применять на практике то, чему вас здесь учат. Прислушайтесь лучше к мудрым словам более опытных: «Глуп тот, кто подобно ветру постоянно спешит и меняет свои привязанности». Неужели вы не заметили, какой задорный носик и розовые щечки у вашей соседки справа? Могу сказать вам, эта молоденькая вдовушка нуждается в утешении после смерти очень старого и очень брюзгливого мужа.

— Благодарю за ваш совет, мадам.

— «Новая любовь убивает старую», — говорил мэтр Андре Капеллан.

— Любые наставления, слетающие с ваших прекрасных уст, для меня закон. Позвольте мне поцеловать ваши пальчики, и обещаю вам заняться вдовушкой.

На другом конце стола разгорался спор между Сербало и мессиром де Кастель-Жало.

— Я беден, я почти нищий, — говорил де Кастель-Жало, — и я не скрою, что продал арпан ^[112] виноградника, чтобы достойно одеться и приехать сюда. Но я утверждаю, что совсем не обязательно быть богатым, чтобы быть любимым.

— Но подобной любви никогда не будет доставать изысканности. И даже больше: ваша любовь будет походить на идиллию какого-нибудь деревенщины, который одной рукой ласкает бутылку, а другой — свою подружку и с грустью думает, что ему придется расстаться с десятью сантимами, с таким трудом заработанными, чтобы заплатить за одну и за другую.

— Я настаиваю, что чувства...

— Любовь в нужде чахнет...

Жофрей де Пейрак рассмеялся и поднял руки:

— Мир, господа, послушайте, что говорил наш мудрый наставник, его гуманная философия должна положить конец всем нашим дебатам. Вот какими словами начинается его трактат об Искусстве Любви: «Любовь аристократична. Чтобы наслаждаться любовью, надо быть свободным от забот о хлебе насущном, нельзя, чтобы они торопили вас, заставляя считать дни». Так будьте же богаты и одаривайте ваших прекрасных дам драгоценностями. Сияние женских глаз при виде драгоценностей очень легко может преобразиться в сияние любви. Я же обожаю тот взгляд, который нарядная женщина бросает на свое отражение в зеркале. Милые дамы, не протестуйте и не будьте лицемерны. Оцените ли вы по достоинству мужчину, который пренебрегает вами настолько, что даже не пытается помочь вашей красоте сиять еще ярче?

Дамы засмеялись и стали перешептываться.

— Но я беден! — воскликнул в отчаянии Кастель-Жало. — Пейрак, не будь так жесток, верни мне надежду!..

— Стань богатым!

— Легко сказать!

— У кого есть желание, у того нет преград. По крайней мере, не будь скупым. «Скупость — наихудший враг любви». Раз ты беден, то хотя бы не скупись на время, на подвиги, делай тысячи глупостей, заставь смеяться. «Скука гложет любовь». Не правда ли, сударыни, вы предпочтете балагура важному ученому? Напоследок позволь мне тебя утешить: «Только достойный заслуживает любви».

«Как прекрасен его голос, как красиво он говорит», — думала Анжелика.

Поцелуй молодого герцога жег пальцы. Он послушал ее совета и занялся молодой вдовой с розовыми щечками. Анжелике было одиноко; через длинный стол, сквозь голубой дым курительниц она, не отрываясь, следила за фигурой в красном — хозяином дома. Видел ли он ее? Посылал ли он ей призывные взгляды из-под маски, которая скрывала его лицо? Или же, непринужденный и безразличный ко всему, он, как истинный эпикуреец, просто наслаждался утонченной словесной игрой?

— Знаете, я в замешательстве, — неожиданно воскликнул молодой герцог де Форба де Ганж, приподнимаясь. — Я впервые присутствую на Суде любви и, признаться, надеялся на увлекательное распутство, но никак не ожидал услышать такие строгие речи. «Только достойный заслуживает любви». Должны ли мы стать святыми, чтобы завоевать наших дам?

— Господь с вами, мессир герцог, — воскликнула, смеясь, молодая вдовушка.

— Это серьезный вызов, — заметил Андижос. — Вы бы полюбили меня, если бы мою голову украшал нимб, моя дорогая?

— Конечно, нет.

— Почему вы думаете, что достойным может быть только святой? — воскликнул Жоффрей де Пейрак. — Достойный — это тот, кто способен на безумства, кто весел, отважен, благороден, кто пишет стихи, а главное — я обращаю ваше внимание, господа, — он умелый и неутомимый любовник. Наши отцы любовь куртуазную, утонченную противопоставляли любви плотской, грубой. Я же говорю вам: соединим их вместе. Надо любить искренне, всем своим существом отдаваясь этому чувству.

Он замолчал, затем продолжил более тихим голосом:

— Но давайте не будем отвергать и сентиментальную восторженность, которая, будучи не чужда желанию, возвышает и облагораживает его. Поэтому я считаю, что тот, кто хочет познать истинную любовь, должен пожертвовать ей свое сердце и чувства, ведь, как говорил Андре Капеллан: «У возлюбленного должна быть только одна возлюбленная. У возлюбленной должен быть только один возлюбленный». Выбирайте, любите и расставайтесь, когда устанете друг от друга, но не уподобляйтесь ветреным любовникам, которые, одурманенные страстью, пьют из всех кубков одновременно, не превращайте храм Любви в скотный двор.

— Клянусь святым Севереном! — воскликнул шевалье де Жермонтаз, отрываясь от тарелки. — Если бы мой дядя архиепископ вас слышал, он был бы сбит с толку. То, о чем вы говорите, ни на что не похоже. Меня никогда ничему подобному не учили.

— Вас вообще мало учили, шевалье!.. Что же шокирует вас в моих словах?

— Все! Вы призываете к верности и распутству, к благопристойности и плотской любви. А затем внезапно, словно стоя на церковной кафедре, клеймите позором «одурманенных страстью». Я подскажу это выражение своему дяде. Уверен, в следующее воскресенье оно прогремит на весь собор.

— В моих словах отражена человеческая мудрость. Любовь — враг излишеств. Здесь, как и в изысканной еде, следует предпочесть количеству качество, ибо наслаждение заканчивается там, где начинается пресыщение и отвратительное бесстыдство. Разве способен насладиться прелестью изысканного поцелуя тот, кто жрет, как свинья, и пьет, словно бездонная бочка.

— Должен ли я узнать в этом описании себя? — проворчал шевалье де Жермонтаз с набитым ртом.

Анжелика подумала, что, по крайней мере, у шевалье добродушный нрав. И почему Жоффрею так нравится задевать его то и дело? Разве он не осознает всю опасность этого неприятного визита?

— Архиепископ прислал племянника, чтобы тот шпионил за нами, — сказала ей муж накануне праздника. И беспечно добавил: — Мы объявили друг другу войну.

— Что случилось?

— Ничего. Но архиепископу нужна тайна моего богатства или само богатство. Он не оставит меня в покое.

— Вы будете защищаться, Жоффрей?

— Изю всех сил, но, к несчастью, еще не родился тот, кто сможет уничтожить человеческую глупость.

Слуги убрали блюда. Вошли восемь маленьких пажей — одни с корзинами роз, другие — с пирамидами фруктов. Перед каждым гостем появилась тарелка с разнообразными сладостями — драже, цукатами.

— Мне было приятно слышать, с какой простотой вы говорите о плотской любви, — сказал юный Сербало. — Представьте себе, я безумно влюблен, и, однако, сегодня я пришел сюда один. Я не верю, что моим признаниям недоставало пылкости, и, не хвалясь, скажу: иногда я чувствовал, что моя страсть взаимна. Но увы! Моя подруга стыдлива. Стоит мне решиться на смелый жест, она тотчас обрекает меня много дней страдать от ее жестоких взглядов и откровенной холодности. Вот уже несколько месяцев я не могу разорвать этот дьявольский круг: я завоевываю ее, уверяя в своей любви, и теряю, пытаюсь ей эту любовь доказать!

Злоключения Сербало позабавили всех. Одна дама крепко обняла юношу и поцеловала в губы. Когда шум голосов немного стих, Жоффрей де Пейрак добродушно сказал:

— Будь терпелив, Сербало, вспомни, что именно добродетельные девушки могут принести наивысшее наслаждение. Но им нужен искусный любовник, способный помочь избавиться от заблуждения, из-за которого они путают любовь с грехом. Однако не доверяй тем девушкам, которые смешивают любовь и брак. Я приведу тебе несколько наставлений: «Получая удовольствие от любви, не доводите возлюбленную до пресыщения: даруете ли вы наслаждение или же получаете — всегда соблюдайте некоторое целомудрие». И наконец: «Будьте внимательными к желаниям своих возлюбленных».

— Я нахожу, что вы излишне потакаете дамам, — запротестовал какой-то дворянин и тут же в наказание за это получил удар веером. — Вас послушать, так мы должны постоянно умирать у их ног.

— Но ведь это прекрасно, — одобрительно заметила любовница Бернара д'Андижоса. — Знаете ли вы, как в Париже мы, жеманницы, называем молодых людей, которые ухаживают за нами? «Умиряющие».

— Я не хочу умирать, — с хмурым видом возразил д'Андижос. — Пусть умирают мои соперники.

— Должны ли мы позволять дамам все их капризы?

— Безусловно.

— Но они станут нас презирать за это...

— И изменять нам...

— Должны ли мы мириться с изменами?

— Конечно, нет, — сказал Жоффрей де Пейрак. — Сражайтесь на дуэлях, мессеры, убивайте своих соперников. «Сомнения, что нас терзают, лишь пламя страсти разжигают», «Кто страстно женщину ревнует, огонь любви сильнее раздует».

— Этот дьявол Капеллан позаботился обо всем!

Анжелика отпила из кубка. Кровь побежала быстрее, и она засмеялась. Она любила, когда в конце застолий голоса южан становились все громче и звучали, словно фанфары, когда они бросали друг другу вызовы и шутки, когда один дворянин выхватывал шпагу, а другой при этом настраивал гитару.

— Спой! Спой! — вдруг стали настойчиво требовать вокруг. — Золотой голос королевства!

В лоджии, над галереей, стали тихо наигрывать музыканты. Анжелика увидела, как вдовушка положила голову на плечо молодого герцога. Он подносил к ее рту пастилки, и она брала их губами.

Они улыбались друг другу.

На бархатном небе появилась круглая яркая луна.

Жоффрей де Пейрак подал знак, и слуга, переходя от факела к факелу, гасил их один за другим. Стало совсем темно, но постепенно глаза привыкли к приятному лунному свету, а голоса зазвучали приглушенно, и во внезапно возникшей тишине слышались вздохи обнявшихся пар. Некоторые уже поднялись из-за стола. Они бродили в саду или прогуливались по галерее, открытой ароматному дыханию ночи.

— Милые дамы, — раздался снова серьезный и мелодичный голос Жоффрея де Пейрака, — и вы, мессеры, будьте желанными гостями во дворце Веселой Науки. Несколько дней мы будем вместе беседовать и делить трапезу за этим столом. Во дворце для вас приготовлены комнаты. Вы найдете там изысканные вина, сладости, шербет. И удобную постель. Спите одни, если вы не в духе. Или же пригласите подругу или друга на час... или на всю жизнь, если вам так будет угодно. Ешьте, пейте, любите... но храните свои секреты, ибо «Чтобы в полной мере оценить изысканный вкус любви, ей нужна тайна». Еще один

совет... для вас, сударыни. Знайте же, что лень также один из главных врагов любви. В тех странах, где женщина все еще остается рабой мужчины — на Востоке и в Африке, чаще всего именно она прилагает усилия, чтобы доставить наслаждение своему господину. Ваша судьба намного прекрасней под нашим цивилизованным небом. Вы же порой злоупотребляете этим, отвечая на нашу страсть холодностью, граничащей с безразличием. Учитесь смело дарить свои ласки, и наслаждение станет вашей наградой: «Нетерпеливый мужчина и равнодушная женщина не достигнут блаженства». И в завершение один гастрономический совет. Мессеры, помните, что шампанское вино, несколько бутылок которого охлаждаются у изголовья вашей кровати, возбуждает воображение, но не придает стойкости. Другими словами, не пейте вина чересчур много, готовясь к поединку. Но именно оно как нельзя лучше подойдет, чтобы отметить победу, продлить счастливую ночь и поддержать страсть и силы. Дамы, я приветствую вас.

С этими словами он оттолкнул кресло, забросил ноги на край стола, взял гитару и запел. Его скрытое маской лицо обратилось к луне.

Анжелика чувствовала себя ужасно одинокой.

Прежний мир этой ночью возродился в тени Ассезской башни. Страстная Тулуза обрела свою душу. Наслаждение имело право на существование, и молодая женщина, юная и полная жизненных сил, не могла остаться равнодушной к этому. Нельзя безнаказанно говорить о любви и ее наслаждениях, не поддаваясь сладостному томлению. Теперь почти все гости покинули зал. Некоторые, стоя у окон с бокалом росолиса ^[113] в руках, вели нежные шутливые беседы. Мадам де Сожак обнимала своего капитана. Долгий теплый вечер, смягченный тонкими винами,

приправленный изысканными пряными блюдами, музыкой и цветами, завершал свою картину, окутывая дворец Веселой Науки магией любви.

Мужчина в красном продолжал петь, но и он тоже был одинок.

«Чего он ждет? — спрашивала себя Анжелика. — Что я сейчас брошусь к его ногам?»

При этой мысли ее пронзила дрожь и она закрыла глаза.

Тревожные сомнения терзали ее. Еще накануне она была готова уступить, но сегодня вечером восстала против обольщения. «Он увлекает молодых женщин песнями». Издалека это выглядело таким ужасным, но рядом с ним казалось чудесным. Анжелика направилась к лестнице, твердя себе, что ускользает от искушения. Но тут же подумала, что этот человек — ее супруг перед Богом, и безнадежно покачала головой. Она чувствовала растерянность и страх. Воспитанная в строгости, Анжелика робела перед слишком свободными нравами. Она принадлежала к тому времени, когда любая слабость вызывала угрызения совести и терзания.

Женщина, которая ночью отдавалась со стонами своему любовнику, наутро вся в слезах бежала на исповедь, умоляя запереть ее в монастыре и постричь в монахини, чтобы искупить свои грехи. Анжелика хорошо понимала, что Жоффрей де Пейрак хочет привязать ее не узами брака, а узами любви.

Если бы она была замужем за другим, он бы действовал точно так же, чтобы добиться своей цели. Он не подчинялся никакой морали. Разве кормилица не была права, когда утверждала, что этот человек служит дьяволу?

Душистый аромат садов смешивался с ароматом вина. Анжелику мучила жажда, она отчаянно хотела пить, пить жадно, не останавливаясь.

Спускаясь по парадной лестнице, она встретила обнимающуюся пару. Женщина что-то очень быстро шептала, и ее шепот был похож на жалобную молитву. Анжелика в белом платье бродила по садам дворца Веселой Науки, наполненного томными вздохами. Она заметила Сербало, он тоже блуждал по аллеям и обдумывал слова, способные убедить его слишком целомудренную подругу.

«Бедняга Сербало! Сохранит ли он верность своей любви или покинет ее, чтобы найти менее жестокую девушку?..»

Неуверенной походкой по лестнице спускался шевалье де Жермонтаз. Тяжело дыша, он остановился перед Анжеликой.

— Пусть чума падет на всех южан — этих слащавых кривляк! Моя маленькая подружка, которая раньше была такой послушной и охотно принимала меня, только что вlepила мне пощечину. Ей показалось, что я недостаточно деликатен для нее.

— Действительно, пора бы уже решить, кто вы: распутник или слуга Церкви. Возможно, вы страдаете только лишь потому, что никак не решите, в чем же действительно состоит ваше призвание.

Побагровев, он приблизился к Анжелике, и ей в лицо ударило его пьяное дыхание.

— Я страдаю оттого, что маленькие жеманницы вроде вас дразнят меня, словно быка на корриде. Вот как я обхожусь с такими женщинами...

И прежде чем Анжелика, пытаясь защититься, успела сделать хотя бы одно движение, он грубо схватил ее и прижал свой влажный жирный рот к ее губам. Анжелику охватило отвращение, и она стала отбиваться что было сил, но он держал ее очень крепко. Она чувствовала, как его толстые пальцы шарят по вырезу корсажа, и ей казалось, что это слизняки

ползают по ее коже. Он грубо дергал кружева, и шелковая ткань не выдержала.

— Шевалье де Жермонтаз, — раздался вдруг голос.

Перепуганная Анжелика увидела на верхней ступеньке лестницы фигуру мужчины в красном и с ужасом узнала Жоффрея де Пейрака. Протянув руку к маске, он сорвал ее. Его изуродованное лицо, искаженное гневом, могло внушить ужас даже самым стойким. Очень медленно, намеренно подчеркивая хромоту, он начал спускаться вниз, и на последней ступеньке в его руках сверкнула молния — он достал из ножен шпагу.

Слегка пошатываясь, шевалье де Жермонтаз отступил. Вслед за графом по лестнице спустились Бернар д'Анджос и Кастель-Жало. Племянник архиепископа оглянулся в сторону сада и увидел приближающегося Сербало. Он шумно задышал.

— Это... это западня, — забормотал он, — вы хотите убить меня!

— Ты сам устроил себе западню, свинья! — ответил д'Анджос. — Кто просил тебя бесчестить жену хозяина дома?

Анжелика, дрожа всем телом, пыталась стянуть на груди разорванный корсаж. Это невозможно! Они не могут драться! Надо вмешаться... Жоффрей может погибнуть, сражаясь с этим огромным, полным сил здоровяком.

Жоффрей де Пейрак медленно наступал, и вдруг его длинное нескладное тело обрело гибкость жонглера. Граф подошел к шевалье де Жермонтазу, ткнул его кончиком шпаги в живот и коротко бросил:

— Защищайся!

Шевалье по-военному молниеносно выхватил свою шпагу — клинки скрестились. Несколько мгновений сражение было ожесточенным до такой степени, что дважды эфесы шпаг скрежетали друг о друга и лица противников оказывались совсем близко.

Но всякий раз граф де Пейрак ловко уворачивался. Этой ловкостью он с лихвой компенсировал неудобства, причиненные хромотой. Когда шевалье де Жермонтаз вынудил его отступить к лестнице и подняться на несколько ступеней, граф внезапно перескочил через перила и шевалье едва успел повернуться, чтобы отразить удар. Жермонтаз начал уставать. Он хорошо знал все приемы фехтования, но столь яростный натиск сбивал с толку неповоротливого шевалье. Шпага графа разрезала его правый рукав и задела руку. Рана была поверхностной, но она обильно кровоточила, и рука, державшая шпагу, постепенно стала неметь. Сражаться шевалье становилось все труднее. В его больших выпученных глазах отразилась паника. Напротив, глаза Жоффрея де Пейрака пылали мрачным, беспощадным огнем. Анжелика прочла в них смертный приговор.

Она до боли кусала губы, но не осмеливалась пошевелиться. Внезапно она закрыла глаза. Послышался какой-то глухой и низкий вскрик, как у лесоруба при ударе топором.

Когда Анжелика снова открыла глаза, то увидела, что шевалье де Жермонтаз лежит распростертый на мозаичном полу, а в его боку торчит шпага. Великий Лангедокский Хромой склонился над ним с улыбкой.

— «Слащавые кривляки!» — проговорил он тихо.

Граф де Пейрак взялся за эфес и вытянул шпагу. Что-то брызнуло с мягким всплеском, и Анжелика увидела на своем белом платье пятна крови. Ей стало дурно, и она прислонилась к стене.

Жоффрей де Пейрак обернулся к ней. По его лицу струился пот, а худая грудь под одеждой красного

бархата вздымалась, словно кузнечные мехи. Анжелика бросилась к мужу. Она касалась его, иступленно сжимала в объятиях. Ей нужно было убедиться, что он жив и не ранен.

Жоффрей де Пейрак посмотрел в ее зеленые глаза, полные волнения и обращенные к нему... Медленно его губы растянулись в улыбке.

Он повелительно сказал:
— Пойдем.

Ступая по песку узкой извилистой дороги, лошадь медленно шла вдоль берега реки. Позади, на некотором расстоянии, ехали три вооруженных лакея, охраняя своего сеньора, но Анжелика не замечала их. Ей казалось, что она совсем одна под этим звездным небом, одна, в объятиях Жоффрея де Пейрака, который, усадив ее к себе в седло, вез в домик на Гаронне, чтобы там провести их первую ночь любви.

Он не подгонял лошадь и, одной рукой удерживая поводья, другой прижимал к себе жену. С безудержным блаженством она снова отдала себя в его власть, как в тот памятный вечер, когда губы Жоффрея сорвали с ее губ запретный поцелуй. Но все это было так далеко, что казалось нереальным. И вот теперь время пришло. Анжелика без стеснения прильнула к нему и спрятала свое лицо в бархате его одежды.

Жоффрей де Пейрак не смотрел на нее, его взгляд был обращен к реке, он напевал старинную провансальскую песню, слова которой знала Анжелика: «Точно охотник, я могу объявить, что добыча наконец-то поймана. Я везу возлюбленную к себе, побежденную и покорную моему желанию».

Лунный свет осветил его дерзкое лицо.

Анжелика подумала: «У него самые красивые глаза, самая белоснежная улыбка и самые чудесные волосы на свете. Его кожа самая гладкая, его руки самые нежные... Как я могла считать его отталкивающим? Это и есть любовь? Колдовство любви?»

В домике на Гаронне слуги, вышколенные требовательным хозяином, оставались незаметными. Дом казался пустым, но комната была приготовлена. На террасе рядом с кроватью уже стояла легкая закуска из фруктов, а в бронзовом ведерке охлаждалось несколько бутылок.

Анжелика и Жоффрей молчали. Они долго сидели в тишине, но когда он, едва скрывая нетерпение, привлек ее к себе, она прошептала:

— Почему вы не улыбаетесь? Вы еще сердитесь? Клянусь вам, я не хотела этого... шевалье де Жермонтаз...

— Я знаю, милая.

Он глубоко вздохнул и заговорил глухим голосом:

— Я не могу улыбаться, потому что я так страстно ждал этой минуты, что теперь мне больно. Я никогда ни одну женщину не любил так, как тебя, Анжелика, и мне кажется, что я любил тебя еще до того, как узнал. И когда я увидел тебя... Это тебя я ждал. Но ты ускользала из моих рук, гордая, неуловимая, как болотный эльф. А я делал тебе шуточные признания и боялся, что ты с ужасом отшатнешься или посмеешься надо мной. Никогда я не ждал женщину так долго, не проявлял столько терпения. А между тем ты принадлежала мне по праву. Раз двадцать я уже готов был взять тебя силой, но я хотел не только твое тело, мне нужна была твоя любовь. И вот теперь, когда ты здесь, когда наконец-то моя, я желаю тебе всех тех мук,

которые я испытал из-за тебя. Я зол на тебя, — произнес он.

Она храбро смотрела ему в лицо, которое больше не пугало ее, и улыбалась.

— Отомсти мне, — прошептала она.

Он вздрогнул и тоже улыбнулся:

— О! Ты больше женщина, чем я думал. Не дразните меня! Вы еще запросите пощады, мой обольстительный противник!

И с этого мгновения Анжелика перестала принадлежать себе. Губы, которые уже однажды опьянили ее, снова ввергли в вихрь неведомых ощущений, воспоминание о которых оставило в ее теле неясную тоску. Все пробуждалось в ней в ожидании высшего блаженства, которое уже ничто не могло остановить, постепенно оно достигло такой остроты, что Анжелика испугалась.

Едва дыша, она отстранялась, пыталась ускользнуть от его ласковых рук, каждое движение которых погружало ее в неведомое доселе наслаждение, и, возвращаясь из окутывающей ее неги, она видела перед собой звездное небо, туманную долину, где серебряной лентой струилась Гаронна. Совершенное тело Анжелики было создано для любви. Его желания стали неожиданным откровением и потрясли ее; она чувствовала себя подавленной, поверженной в этой жестокой борьбе с самой собой. Гораздо позже, уже умудренная опытом, она смогла оценить, насколько Жоффрей де Пейрак был терпелив, сдерживая силу своей страсти, покоряя ее.

Она почти не сознавала, как он раздевал ее, как положил на постель. С бесконечным терпением он привлекал ее к себе, а она с каждым разом становилась все более и более покорной, страстной, умоляющей, и в ее взгляде светилось желание. Она то ускользала, то приникала к нему, но когда блаженство, с которым она

не могла совладать, достигло своего апогея, внезапная истома разлилась по ее телу. Анжелике казалось, что в сладостной неге, охватившей ее, смешались чудесное и требовательное возбуждение, всякая стыдливость была отброшена, она отдавалась самым смелым ласкам и, закрыв глаза, позволила себе плыть в чувственном потоке. Анжелика не воспротивилась боли, потому что каждая частичка ее тела яростно желала быть завоеванной. Когда они слились в любовном порыве, она не закричала, а лишь широко распахнула свои зеленые глаза, в которых отразились звезды весеннего неба.

— Уже! — прошептала Анжелика.

Растянувшись на кровати, она постепенно приходила в себя. Мягкая индийская шаль защищала ее разгоряченное тело от свежего ночного воздуха. Она смотрела на Жоффрея, и его тело казалось очень темным в лунном свете. Он налил в бокалы охлажденное вино и рассмеялся.

— Не спешите, моя милая! Вы еще слишком невинны, чтобы я мог продолжить урок. Придет время и для долгих наслаждений. А пока выпьем! Ведь мы оба славно потрудились этим вечером и заслуживаем награды.

Он приобнял Анжелику; она пила вино и с инстинктивным кокетством преувеличивала свою усталость и свою слабость, чтобы прижаться к мужу.

Она без стеснения упивалась счастьем того, что этот мужчина, пресыщенный любовью и познавший множество женщин, сумел оценить тот дар, который она только что преподнесла ему.

Жоффрей скрывал юношескую радость под шуточными фразами, но проницательная Анжелика почувствовала, что обрела над ним власть. Конечно, она не станет злоупотреблять этим. Она будет его пылко

любить, подарит ему детей и будет жить с ним счастливо под небом Тулузы!

Она подняла к нему свое прелестное лицо и подарила улыбку, всю силу обождения которой она еще не знала, но именно в этот миг родилась на свет и расцвела новая Анжелика.

Ослепленный, граф закрыл глаза, и когда он снова посмотрел на Анжелику, то увидел на очаровательном лице тревогу.

— Шевалье де Жермонтаз, — прошептала она. — О Жоффрей! Я забыла. Вы убили племянника архиепископа!

Он ласково успокоил ее:

— Не думайте об этом. Он сам это заслужил, ведь были свидетели. Никто не вправе меня осудить. Сам архиепископ благородного происхождения, и ему остается только смириться. Бог мой! Моя дорогая, — прошептал он, — ваше тело еще более совершенно, чем я думал.

Пальцем он очертил ее белый упругий живот. Она улыбнулась и блаженно вздохнула. Ей всегда говорили, что мужчины после любовных утех становятся грубыми и безразличными...

Решительно, Жоффрей несколько не походил на других мужчин. Он прилег с ней рядом на постель, и она услышала его тихий смех.

— Я представляю себе, что епископ сейчас смотрит с высоты своей башни на дворец Веселой Науки и обрекает меня на адские муки за мою распущенную жизнь. Если бы он знал, что в это самое время я вкушаю плоды «греховных наслаждений» с моей собственной женой, союз с которой он сам благословил!..

— Вы неисправимы. Он прав, что смотрит на вас с подозрением, ведь если есть два способа что-либо сделать, вы обязательно придумаете третий. Так, вы могли бы или совершить адюльтер, или благоразумно

исполнять свой супружеский долг. Но нет! Надо было так обставить свою брачную ночь, чтобы я чувствовала себя грешницей в ваших объятиях.

— Очень приятное чувство, не правда ли?

— Замолчите! Вы дьявол! Признайтесь, Жоффрей, что если вы легко выпутались, то большая часть ваших гостей этим вечером не смогут похвастаться тем же! С какой ловкостью вы их вовлекли в то, что монсеньор называет распутством... Я не уверена, что вы человек... безопасный!..

— А вы, Анжелика, вы восхитительная обнаженная аббатиса! И я не сомневаюсь, что в ваших объятиях моя душа заслужит прощение! Давайте не будем отвергать наслаждения, которые дарит нам жизнь. У многих народов другие обычаи, и при этом они не менее великодушны и счастливы. Часто под нашей прекрасной одеждой скрывается грубость сердец и невежество мыслей, а я мечтаю увидеть, к своему удовольствию, что мужчины и женщины станут более благородными и прославят Францию своим изяществом. Я рад этому, потому что люблю женщин, как и все прекрасное. Нет, Анжелика, сокровище мое, я не испытываю угрызений совести, и я не пойду на исповедь!..

Анжелика расцвела. Раньше в плену своего тела она была словно бутон розы, которому капля мавританской крови придавала яркую чувственность.

Все дни, пока продолжались празднества Суда любви, Анжелике казалось, что она перенеслась в новый мир, полный восхитительных открытий. Все остальное исчезло, и жизнь остановилась.

С каждым днем она влюблялась все сильнее. Ее кожа порозовела, ее смех стал дерзким. Каждую ночь Жоффрей де Пейрак находил ее более жадной, более

требовательной до ласк, а ее внезапные отказы молодой Дианы, когда он хотел ее приучить к новым фантазиям, быстро сменялись доверием и задором.

Их гости, казалось, жили в той же расслабленной и легкой атмосфере.

Отчасти они были обязаны этим чудесной способности графа де Пейрака не забывать ни одной мелочи, заботясь о комфорте и увеселениях гостей. Он был повсюду, с виду непринужденный, но Анжелика чувствовала, что он думает только о ней, поет только для нее. Иногда, когда его черные глаза встречались с дерзким взглядом какой-нибудь кокетки, которая спрашивала его совета о премудростях карты Страны Нежности, ее охватывала ревность, Анжелика прислушивалась, но должна была признать, что муж безупречно выходил из таких поединков с помощью одной из умелых остроумных, завуалированных комплиментов, которыми он владел в совершенстве.

В конце недели, со смесью облегчения и разочарования, она смотрела, как тяжелые, украшенные гербами экипажи разворачивались во дворе отеля, чтобы вернуться в далекие дворянские владения. Из окошек карет дамы на прощанье махали кружевными платочками, а кавалеры фетровыми шляпами, украшенными перьями.

Она радовалась, что в отель Веселой Науки вернулся покой, что муж будет теперь принадлежать только ей. Но втайне Анжелика была опечалена тем, что окончились эти очаровательные дни. Невозможно дважды в жизни пережить такие мгновения счастья.

Никогда — у Анжелики внезапно появилось предчувствие — никогда не вернется эта ослепительная неделя...

В первый же вечер Жоффрей де Пейрак закрылся в лаборатории, где он не появлялся с начала Суда любви.

Анжелика лежала без сна в своей большой кровати, дожидаясь его.

«Мужчины! — говорила она себе с горечью. — Они снисходят до того, чтобы посвятить вам немного времени мимоходом, но их ничто не удержит, когда их маленькие причуды требуют внимания. Для одних это дуэли, для других — война. Для Жоффрея — его колбы. Раньше мне было интересно беседовать с ним о науке, потому что казалось, он питает ко мне дружеские чувства, но теперь я ненавижу его лабораторию».

Так, негодуя, она незаметно заснула.

Она проснулась от яркого света свечи и заметила у изголовья Жоффрея, который заканчивал раздеваться. Анжелика резко села и обхватила руками колени.

— Так уж ли это было необходимо? — спросила она. — Я уже слышу, что в саду проснулись птицы. Не думаете ли вы, что будет лучше завершить так хорошо начавшуюся ночь в ваших апартаментах, прижимая к сердцу толстую стеклянную колбу?

Он рассмеялся без всякого раскаяния.

— Сожалею, душа моя, но я был полностью поглощен опытом, который не мог остановить. К тому же здесь замешан еще и наш ужасный архиепископ. Да, он принял весьма достойно смерть своего племянника, но надо быть осторожным, дуэли запрещены, за слушание возможен смертный приговор. Это дало ему преимущество. И я получил ультиматум — раскрыть этому глупцу, монаху Беше, мой секрет получения золота. И так как, естественно, я не могу рассказать об испанской контрабанде, я решил свозить его в Сальсинь, где он будет присутствовать при добыче и даже при переработке золотоносной породы. Но прежде я хочу вызвать саксонца Фрица Хауэра и также

отправить послание в Женеву. Берналли мечтал увидеть мои опыты, он, конечно, придет.

— Все это мне неинтересно, — прервала его Анжелика с раздражением. — Я хочу спать.

Но ниспадающие волосы, наполовину скрывающие лицо, короткая рубашка, кружевной волан, игриво соскользнувший вниз, противоречили ее резким словам.

Жоффрей погладил белое нежное плечо, но она стремительным движением вонзила свои острые зубки в его руку. Он шлепнул ее и с наигранным гневом опрокинул поперек кровати. Несколько мгновений они боролись. Каждый раз Анжелику удивляла сила его страсти, и она очень скоро уступала ей. Но пока ее настроение оставалось мятежным, и она продолжала вырываться из его объятий. Затем ее кровь закипела в жилах. Искра наслаждения зажглась где-то глубоко внутри и охватила все ее существо. Анжелика все еще продолжала вырываться, и в то же время с нетерпеливым любопытством стремилась к изумительным ощущениям, которые недавно познала. Ее тело пылало. Волны наслаждения поднимали ее все выше и выше в исступленном восторге, который она еще никогда не испытывала. Голова ее откинулась на край кровати, губы приоткрылись, и она увидела в алькове тени, позолоченные светом лампы, а затем услышала тихий жалобный стон, — услышала поразительно четко. Внезапно она узнала свой собственный голос. В сером свете зари она видела над собой улыбающееся лицо фавна, который, полуприкрыв блестящие глаза, слушал песню Любви, которую он сам заставил звучать.

— О Жоффрей, — вздохнула Анжелика. — Мне кажется, что я сейчас умру. Почему это с каждым разом все чудеснее?

— Потому что любовь — это искусство, в котором можно совершенствоваться, милая моя, а вы прекрасная

ученица.

Счастливая и умиротворенная, Анжелика засыпала, прижавшись к мужу. Каким темным кажется тело Жоффрея в кружеве рубашки! И как же пьянит ее этот запах табака!

Глава 14

Прошло около двух недель, и вот карета с гербами графа де Пейрака и небольшая группа всадников, сопровождавшая ее, поднимались по крутой горной дороге к маленькому поселку Сальсинь в долине реки Од.

День был прекрасным, но Анжелика боролась с чувством нетерпения, которое было ей несвойственно. Нетерпения, с которым ждала, когда же разъедутся гости Суда любви, хотя друзей она старалась по обыкновению задержать.

Но мир стал другим.

И когда Жоффрей предупредил ее о путешествии и о том, как оно необходимо, она едва смогла сдержать возглас разочарования. Но Анжелике удалось ничем себя не выдать, она училась следить за проявлениями своих чувств. Чем более тайна ее сердца была скрыта и не вызывала подозрений, тем меньше она рисковала разрушить наслаждение.

И если для Анжелики сверкающее солнце любви не покидало небосвода, как будто дневное светило, остановленное по мановению победоносного Иисуса ^[114], то для других жизнь продолжалась. По-видимому, никто не заметил изменений в поведении их супружеской пары, за которой жители города, чуткие и к веселью, и к трагедии, привыкли следить, потому как граф и графиня де Пейрак были для них воплощением блеска «искусства жизни». Их неожиданный отказ от светской жизни, прекращение приемов для друзей и соседей, а также путешественников со всех уголков света вызвал бы не только сожаление жителей Тулузы, но и подозрения в тайной драме, и никто не знал бы покоя, пока не стали бы известны все подробности.

Наконец, граф обещал архиепископу — его племянник умер, пронзенный шпагой Жоффрея, — раскрыть тому, равно как и его монаху-алхимику, научный феномен — добычу невидимого золота.

Анжелика хорошо понимала, что этот покаянный поступок графа невозможно отложить, и она с усердием и старанием посвятила себя подготовке запасов и багажа для каравана, который должен был сопровождать их до рудника Сальсинь.

Поскольку они отправлялись в горы, надо было взять с собой палатки, вещи, нужные в обиходе на привале вечером, провиант, оружие для хорошей охоты, а для дичи — косули или кабана — запастись котелками и, конечно, множеством другой утвари, ведь путешественников вместе со слугами собралось немало.

Когда она не могла быть наедине с Жоффреем, Анжелика тосковала и, чтобы заглушить в себе это чувство, старалась неукоснительно исполнять свои обязанности. Это была трудная задача! Часто посреди дня она становилась рассеянной, испытывая волнение, когда ОН был рядом, и беспокойство, если ОН уходил. Анжелика с нетерпением ждала ночи, когда ее снова захватит восторг осознания его любви, а он сожмет ее в своих объятиях, поглощенный только ей одной и тем, как сделать ее счастливой.

Вот и сейчас, в этот невыносимо жаркий день, когда воздух полон пыли, Анжелика старалась отвлечься, чтобы не поддаться мечтам, под мерный шаг своей лошади.

Сначала она неприязненно смотрела на монаха Конана Беше — он ехал на муле, свесив длинные худые ноги в сандалиях, — затем она задумалась о том, к чему может привести упрямая злопамятность архиепископа. Рудник Сальсинь напомнил Анжелике об узловатом силуэте Фрица Хауэра и о письме отца, — саксонец привез его, когда приехал в Тулузу в телеге с женой и

светловолосыми детьми, говорившими только на грубом немецком диалекте, несмотря на долгие годы, прожитые в Пуату.

Получив письмо, Анжелика горько плакала, ведь отец сообщил ей о смерти старого Гийома Лютцена. Она забилась в темный угол и долго рыдала. Даже Жоффрею Анжелика не могла объяснить, что чувствовала и почему ее сердце разрывалось, когда она представляла старое бородатое лицо со светлыми строгими глазами, которые когда-то так ласково смотрели на маленькую Анжелику. Однако вечером, когда Жоффрей с нежностью приласкал и приголубил ее, ни о чем не спрашивая, горе немного утихло. Что было, то прошло. Но письмо барона Армана оживило в ее памяти образы малышей с босыми ногами и соломой в волосах, а еще холодные коридоры старого замка Монтелу, где летом прятались от жары куры.

Барон жаловался. Жизнь была трудной, хотя у них было все необходимое благодаря торговле мулами и щедрости графа де Пейрака. Но край был истощен после страшного голода. Все это вместе с действиями таможенников против контрабандистов солью вызвало восстание жителей болотного края. Внезапно появляясь из камышовых зарослей, они грабили деревню за деревней, отказывались платить подати и убивали чиновников и сборщиков налогов. Решено было прислать королевских солдат и схватить бунтовщиков, «ускользающих, как угри в реке». На перекрестках дорог появились виселицы.

Анжелика вдруг осознала, что значит обладать одним из самых больших состояний провинции. Она забыла о другом мире, неотделимом от страха перед налогами и бесчинствами. Не стала ли она эгоисткой, ослепленная счастьем и роскошью? Не будет ли архиепископ менее придирчив и более покладист, если узнает, что она занимается благотворительностью?

Молодая женщина услышала, как бедный Берналли тяжело вздохнул:

— Ну и дороги! Еще хуже, чем у нас в Абруцци! А ваша прекрасная карета — от нее останутся только щепки. Это настоящее преступление!

— Однако я уже просила вас пересест в карету, — сказала Анжелика. — Тогда бы она пригодилась.

Но галантный итальянец отказался, потирая ноющую поясницу.

— Но, синьора, благородный человек, достойный так называться, не может отдыхать в карете, когда дама едет верхом.

— Ваша щепетильность устарела, мой бедный Берналли. Сегодня никто не заботится так о манерах. И наконец, насколько я вас успела узнать, вам достаточно будет увидеть нашу гидравлическую машину, которая качает воду, и вся ваша усталость тотчас исчезнет.

Лицо ученого просияло.

— Мадам, вы и вправду помните мое пристрастие к науке, которую я называю гидравликой? Ваш муж не упустил случая заманить меня сюда, сообщив, что построил в Сальсини машину, которая поднимает воду из горного потока в глубоком ущелье. И этого хватило, чтобы я снова отправился в путь. Я спрашиваю себя, не создал ли он там вечный двигатель?

— Вы заблуждаетесь, мой друг, — слышался позади голос Жоффрея де Пейрака, — речь идет всего лишь о модели, повторяющей водоподъемные машины, которые я видел в Китае, они могут поднимать воду на сто пятьдесят туазов ^[115] и больше. Вот, посмотрите туда. Мы почти на месте.

Вскоре они выехали на берег небольшого стремительного горного потока и увидели что-то похожее на ковш с перекладной, которая быстро вращалась вокруг оси, и через определенные

промежутки времени высоко вверх выбрасывалась мощная струя воды.

Затем, описав в воздухе дугу, эта вода падала в расположенный наверху маленький бассейн, а оттуда медленно стекала по деревянным трубам. Переливаясь всеми цветами, рукотворная радуга сияла над всей этой конструкцией, словно нимб, и Анжелика нашла гидравлическую машину очень занятной, а Берналли, напротив, казался разочарованным и заговорил с досадой:

— Вы теряете воду из потока, девятнадцать частей из двадцати. Это не имеет ничего общего с вечным двигателем!

— Меня не заботит, сколько я теряю в силе и объеме, — заметил граф. — Я знаю только, что там, наверху, достаточно воды, чтобы собрать раздробленную золотиносную породу.

Посещение рудника назначили на завтра. Деревенский капитул приготовил для них жилье, оно было скромным, но со всем необходимым. На телеге туда перевезли кровати и сундуки. Граф де Пейрак предоставил дома в распоряжение Берналли, монаха Беше и д'Анджоса, который, конечно же, поехал с ними.

Сам граф предпочел занять большой шатер с двойным навесом, который привез с Востока.

— Я думаю, что со времен крестоносцев у нас осталась привычка к походной жизни. В такую жару в этом самом засушливом краю во всей Франции вы увидите, Анжелика, здесь гораздо лучше, чем в каменном или глинобитном доме.

И правда, вечером Анжелика наслаждалась прохладным горным воздухом. Полы шатра были откинута, в лучах заката алело небо, а с берега

доносились звуки грустных и торжественных песен, которые распевали саксонские рудокопы.

Жоффрей де Пейрак казался встревоженным, что было на него не похоже.

— Не нравится мне этот монах! — воскликнул он резко. — Он не только ничего не поймет, но еще и истолкует все по-своему в своем извращенном сознании. Я предпочел бы еще раз поговорить с архиепископом, но он настаивает на «научном свидетеле». О, что за насмешка! Любой бы сгодился — все лучше, чем этот святоша!

— Но не говорят ли, что многие великие ученые были монахами? — заметила Анжелика, желая сгладить напряжение, которое возникло из-за присутствия этого «научного свидетеля».

Граф с трудом сдержал досадливый жест:

— Я не отрицаю этого, даже могу сказать больше. Я утверждаю, что на протяжении веков Церковь хранила и собирала культурное наследие мира. Но сегодня она застыла в схоластике. Наука отдана во власть фанатикам, которые отрицают очевидные факты лишь потому, что не могут найти им теологического обоснования, а ведь факты эти объясняются только естественными законами.

Жоффрей де Пейрак замолчал, затем внезапно притянул жену к себе и произнес слова, значение которых она поняла намного позже:

— Вы тоже свидетель. Я выбрал в свидетели вас.

На следующее утро саксонец Фриц Хауэр пришел проводить всех на золотоносный рудник.

Работы велись на огромной территории — 50 туазов в длину и 15 в ширину. Рудник представлял собой большой карьер у подножия Черной горы, где при

помощи деревянных и железных клиньев добывали серый камень, грузили его на тележки и отвозили к жерновам.

Берналли особенно заинтересовали другие гидравлические машины. Они представляли собой обитые листом железа деревянные ковши. Эти ковши вращались и затем, наполнившись водой, опрокидывались.

— Сколько энергии пропадает, — вздохнул Берналли, — но какая простота в конструкции, не требующей рабочей силы. Это еще одно ваше изобретение, граф?

— Я только взял пример с китайцев, там меня уверяли, что у них эти механизмы существуют уже три или четыре тысячи лет. Они используют их главным образом для очистки риса, своей основной пищи.

— Но где же золото? — рассудительно заметил монах Беше. — Я вижу только тяжелый серый песок, который добывают ваши рабочие из раздробленной зелено-серой породы.

— Скоро вы все увидите в саксонской плавильне.

Маленькая группа спустилась ниже и направилась к навесу, где находились закрытые каталонские печи ^[116].

Два подростка раздували кузнечные мехи, от которых исходил удушливый жар. Из открытых печных сопел вырывалось синеватое пламя, оставляя в воздухе резкий запах чеснока и плотную коптящую дымку, которая оседала вокруг белым снегом.

Анжелика кончиками пальцев взяла немного этого «снега» и, заинтересованная чесночным запахом хотела поднести его ко рту.

И вдруг словно из преисподней возник гном — чудовище в кожаном фартуке — и сильно ударил по руке, остановив ее.

Прежде чем Анжелика опомнилась, гном пророкотал:

— Gift, Gnädige Dame!^[117]

В недоумении Анжелика рассматривала белый порошок, в то время как монах Беше окинул тяжелым взглядом ее и все вокруг.

— У нас, — тихо произнес он, — алхимики работают в масках.

Однако Жоффрей услышал и ответил:

— У нас нет никакой алхимии, хотя эти компоненты нельзя пробовать и даже дотрагиваться до них. Фриц, постоянно ли получают ваши работники молоко? — спросил граф по-немецки.

— До нашего приезда сюда привезли шесть коров, ваше сиятельство.

— Хорошо, и не забывайте, что вы должны пить молоко, а не продавать.

— Мы не нуждаемся, к тому же мы хотим прожить как можно дольше, — ответил горбатый мастер.

— Можно узнать, мессир граф, что это за вязкое вещество, которое я вижу в этой адской печи? — спросил монах Беше и перекрестился.

— Это все тот же тяжелый песок, который, как вы видели, добывают на руднике, но промытый и просушенный.

— Неужели именно этот серый песок, по-вашему, содержит золото? Я не разглядел ни одной сверкающей крупинки даже сейчас, когда он промыт водой.

— И, однако, это золотоносная руда. Фриц, принесите нам лопату руды.

Рабочий всадил лопату в огромную гору серо-зеленого с металлическим блеском песка.

Монах Беше осторожно насыпал на ладонь немного руды, понюхал ее, попробовал и тотчас же выплюнул:

— Сернистый мышьяк. Сильный яд. Ничего общего с золотом. К тому же золото добывается из речного песка и никогда из горной породы. В карьере, который мы видели, нет ничего похожего на речной песок.

— Все верно, уважаемый коллега, — подтвердил Жоффрей де Пейрак и обратился к саксонцу: — Если пришло время, добавляй свинец!

Но ждать пришлось еще достаточно долго. Масса в печи густела, кипела, становилась все более и более красной. Плотная коптящая дымка все еще клубилась в воздухе, оседая везде, и даже на одежде, белым налетом, похожим на пыль.

Затем, когда дым почти исчез, а пламя уменьшилось, два саксонца в кожаных фартуках привезли на тележке несколько слитков свинца и бросили в эту вязкую массу.

Масса стала жидкой и перестала бурлить. Саксонец размешал ее длинной сырой палкой. Пузыри исчезли, и поднялась пена. Фриц Хауэр снимал ее с помощью огромного сита с железными скобами, а потом снова все перемешивал.

Наконец мастер нагнулся к отверстию под тиглем печи, выдернул пробку, и по заранее подготовленной изложнице потекла серебряная струйка.

Заинтересованный, монах приблизился, затем произнес:

— Это всего-навсего свинец.

— Я с вами полностью согласен, — подтвердил граф де Пейрак.

Но вдруг монах испустил пронзительный вопль:

— Я вижу три цвета!

Задыхаясь, он показывал на переливающиеся остывающие слитки. Руки Беше тряслись, а сам он бормотал:

— Это Великое Делание! Я вижу философский камень!^[118]

— Да он помешался, наш бедный монах, — заметил д'Андижос без всякого уважения к доверенному лицу архиепископа.

Жоффрей де Пейрак, улыбаясь, объяснил:

— Алхимики придают особый смысл появлению трех цветов при получении философского камня и превращении металлов. Но на самом деле это явление не имеет большого значения, оно подобно появлению радуги после дождя.

Вдруг монах рухнул перед ним на колени. Заикаясь, он благодарил за то, что смог увидеть «дело своей жизни».

Раздраженный этой нелепой сценой, Жоффрей де Пейрак холодно сказал:

— Встаньте, отец мой. Вы еще толком ничего не видели и скоро сами в этом убедитесь. Но вы не найдете там никакого философского камня, я сожалею.

На покрытом пылью и крупинками руды лице Фрица Хауэра, с любопытством наблюдавшего за этой сценой, отразилась нерешительность.

— Muss ich das Blei durchbrennen vor allen diesen Herrschaften?^[119] — спросил он.

— Делай так, как если бы здесь был только я один.

Анжелика увидела, как еще теплые слитки завернули в мокрые тряпки и погрузили в тележку. Их подвезли к маленькой печке, стоящей над уже докрасна раскаленным кузнечным горном. Кирпичи, из которых в центре печи было выложено нечто наподобие открытого тигля, были очень белыми, легкими и пористыми. Они изготавливались из костей животных, чьи трупы, сваленные неподалеку, распространяли вокруг зловоние, которое смешивалось с запахами чеснока и серы. Дышать было тяжело.

Монах Беше, красный от жары и возбуждения, стал мертвенно-бледным, когда увидел останки животных. Он принялся креститься, бормоча молитвы, изгоняющие дьявола.

Граф не смог удержаться от смеха, затем обратился к Берналли:

— Посмотрите, какое впечатление произвели наши работы на этого современного ученого. Подумать только, а ведь купелирование на костяной муке хорошо известно еще со времен римлян и греков!

Но монах Беше не отступил перед этими ужасами. Очень бледный, он перебирал четки и продолжал следить за приготовлениями старого саксонца и его помощников.

Один из них подсыпал раскаленные угли в горн, другой с помощью педали раздувал кузнечные мехи, в то время как свинец быстро плавился, собираясь в центре круглого углубления, образованного в печи кирпичами из костяной муки.

Когда все расплавилось и свинец начал дымиться, огонь увеличили.

По знаку старого Фрица появился мальчишка с мехами, на конце которых была прикреплена труба из огнеупорной глины. Он поставил конец трубы на край чана и стал вдвухать холодный воздух в темно-красную массу расплавленного свинца.

Вдруг раздался свистящий шум и над расплавленным металлом воздух засветился. Светлое пятно быстро увеличивалось, стало ярко-белым и засверкало уже над всей кипящей массой. Молодые помощники проворно выгребли из печи раскаленные угли. Большие кузнечные мехи тоже были остановлены.

Но купелирование продолжалось: металл был горячим и ослеплял своим видом. Время от времени появлялась темная пленка, затем она разрывалась, образуя темные островки, плавающие на

поверхности светящегося металла, и когда один из них касался края тигля, кирпичи поглощали его, а металл снова становился чистым и еще более сияющим.

Одновременно мениск металла уменьшался на глазах. Затем стал размером с большой блин, потемнел и внезапно вспыхнул, как молния. После чего Анжелика ясно увидела, как металл сначала закипел, а затем застыл и стал очень темным.

— Явление молнии, — сказал Берналли. — И я счастлив, что смог присутствовать при этой металлургической операции, с которой был знаком только по книгам.

Алхимик не сказал ничего. Его взгляд был отсутствующим и блуждающим.

Фриц Хауэр взял металлический диск щипцами, опустил его в воду, затем показал графу уже желтый и блестящий металл.

— Чистое золото, — с благоговением прошептал монах.

— Все же не совсем чистое, — заметил де Пейрак. — Иначе мы бы не увидели появления молнии, что говорит о примеси серебра.

— Я бы хотел знать, растворится ли это золото в селитряном и соляном спирте?^[120]

— Конечно, раз это настоящее золото.

Взволнованный, монах спросил, может ли он получить маленький слиток, чтобы показать своему благодетелю-архиепископу.

— Да, возьмите, — сказал граф де Пейрак, — и объясните ему хорошенько, что это золото добыто из недр наших гор, из породы, которая уже содержит его. Архиепископу надо только найти на своих землях несколько месторождений, и они сделают его богатым.

Конан Беше ничего не ответил, только завернул в полотно драгоценный слиток, который весил около двух

ливров.

На обратном пути произошел, казалось, ничем не примечательный случай, который, однако, в дальнейшем сыграл определенную роль в жизни Анжелики и ее мужа.

На второй день путешествия на полпути к Тулузе гнедая лошадь, на которой ехала Анжелика, поранилась о придорожный камень и захромала. Поменять лошадь было невозможно. И Анжелика присоединилась к Берналли, неважному наезднику, который уже ехал в карете. Его утомляли даже более короткие поездки, и поэтому Анжелика восхищалась им еще больше — решиться на такое длинное путешествие, только чтобы увидеть гидравлическую машину или обсудить силу притяжения тел. Кроме того, изгнанный из нескольких стран, итальянец был беден и путешествовал без слуг, в наемных каретах. Несмотря на тряску, ученый испытывал восторг от, как он говорил, «поразительного комфорта», и когда Анжелика со смехом попросила освободить ей немного места, Берналли в смущении убрал ноги с сиденья.

Граф и Бернар д'Андижос некоторое время скакали рядом с каретой, но дорога была узкой, экипаж поднимал много пыли, и им пришлось отстать. Перед каретой ехали только два лакея.

Извилистая дорога становилась все уже. На повороте карета со скрипом остановилась — дорогу преграждала группа всадников.

— Не волнуйтесь, мадам, — выглянув в окошко, сказал Берналли, — это всего лишь слуги другого экипажа, который едет нам навстречу.

— Но мы никогда не сможем разойтись на этой горной дороге! — воскликнула Анжелика.

Слуги обеих экипажей рьяно бранились. С большой наглостью слуги встречного экипажа хотели заставить повернуть карету графа де Пейрака, а чтобы было ясно, кто имеет больше прав проехать первым, один из лакеев взялся за хлыст, и посыпались удары, которые заделали слуг графа и лошадей экипажа. Лошади встали на дыбы, карета закачалась. Анжелика подумала, что они сейчас полетят в овраг, и не смогла удержаться от крика.

В это время подъехал Жоффрей де Пейрак. Выражение его лица было ужасно, он вырвал у слуги кнут и хлестнул того по лицу. Тут подъехала вторая карета и со скрипом остановилась. Из нее выскочил грузный апоплексического сложения мужчина с неловко повязанным кружевным жабо и бантами, он был напудрен и покрыт пылью. Его роскошный наряд, пропитанный потом, выглядел нелепо. Мужчина кричал и размахивал тростью с набалдашником из слоновой кости, перевязанной шелковым бантом:

— Осмелиться нападать на моих людей! Знаете ли вы, наглец, что имеете дело с президентом парламента Тулузы бароном Массно, сеньором Пуйака и других владений?.. Я прошу вас убраться в сторону и пропустить нас.

Граф повернулся и приветствовал его подчеркнуто церемонно:

— Очень рад. Не родственник ли вы месье Массно, нотариуса, о котором мне говорили?

— Граф де Пейрак! — воскликнул тот, немного смущенный.

Но гнев барона Массно не прошел, а только возрос, подогретый жарким полуденным солнцем, и его лицо стало фиолетовым.

— Мое дворянство получено совсем недавно, но я должен вам заметить, что оно так же подлинно, как и

ваше, граф! Я могу показать вам документ королевской палаты о пожаловании мне дворянства.

— Я верю вам, мессир Массно! Общество еще застонет от того, что вы вознеслись так высоко.

— Потрудитесь объяснить свой намек. В чем вы меня упрекаете?

— Вы не находите, что для дискуссии это место подходит плохо? — спросил Жоффрей де Пейрак, с трудом удерживая лошадь, раздраженную жарой и этим покрасневшим человеком, размахивающим перед ней тростью.

Но барон де Массно не собирался признавать поражение.

— Как хорошо вы рассуждаете о публичных интересах, мессир де Пейрак. В то время как сами даже не показываетесь на ассамблеях парламента.

— Меня больше не интересует парламент, не пользующийся никаким авторитетом. Я нашел бы там только карьеристов и жадных выскочек, желающих заполучить дворянские титулы у месье Фуке или кардинала Мазарини, и при этом они еще смеют уничтожать последние свободы Лангедока.

— Я вхожу в число высших чиновников судебного ведомства нашего короля. Лангедок уже давно лишь провинция в государстве, присоединенная к французской короне. При мне неуместно говорить о провинциальных свободах.

— Рядом с вами неуместно даже само слово «свобода». Вы не способны постичь его смысл. Вы годитесь лишь на то, чтобы жить подачками короля. Вот что вы называете служением ему.

— Это часть службы королю, в то время как вы...

— Я не прошу у него ничего, я без всякой задержки выплачиваю налоги моих людей, я плачу ему чистым золотом, добытым на моих землях или заработанным с помощью торговли. Знаете ли вы, милостивый государь,

месье Массно, что из миллиона ливров налогов, собранных со всего Лангедока, четвертую часть внес я? Да будет это известно четверем с половиной тысячам дворян и одиннадцати тысячам буржуа провинции.

Но президент парламента услышал только одно.

— Зарабатываете торговлей! — воскликнул он возмущенно. — Значит, это правда, вы торгуете.

— Торгую и произвожу. И горжусь этим. У меня нет желания стоять с протянутой рукой перед королем.

— Ах! Вы говорите это с таким пренебрежением, мессир де Пейрак! Но запомните: именно буржуазия и новое дворянство есть сила и будущее королевства.

— Я в восторге от ваших слов, — иронично бросил граф. — Пусть же это новое дворянство сначала выучит урок галантности и посторонится, пропустив карету, где мадам де Пейрак уже потеряла терпение.

Но новоиспеченный барон упрямылся и топал ногами в дорожной пыли и лошадином навозе.

— Нет никаких оснований, чтобы я посторонился. Я повторяю вам: мое дворянство не хуже вашего.

— Но я богаче вас, толстая образина, — взорвался Жоффрей де Пейрак. — И если буржуа ценят только деньги, прекрасно, посторонитесь, месье Массно, дайте дорогу богатству.

И он поскакал вперед, сбивая с ног слуг магистрата. Они едва успевали отскочить в сторону, чтобы не попасть под колеса кареты с графскими гербами. Кучер, который только и ждал знака хозяина, был несказанно счастлив, что торжествует над челядью этого простолюдина.

— Я отправлю донесение!.. Я отправлю два донесения!.. Я поставлю в известность монсеньора герцога Орлеанского, наместника Лангедока... и Королевский совет!

Чтобы сгладить неприятный эпизод, который отметил их возвращение из поездки к Черной горе, Жоффрей де Пейрак предложил Анжелике и позволил самому себе то, к чему оба стремились.

Отрешение, время без привычных забот и волнений. Неужели беспокойный мир науки и светского блеска ненадолго отступил?

Тишина. Мгновения покоя. Уединение, в котором они обрели друг друга — одни во всем мире. Они говорили обо всем, что уже пережили вместе за время брака.

Долгая дуэль, в которой они были противниками, закончилась, и они вышли из нее — удивленные, потрясенные, восхищенные, чтобы встретиться, соединиться, найти друг друга вопреки всему. Этапы, подробности и оттенки этого сближения, к которому они шли день за днем, были такими яркими, что Жоффрей с Анжеликой неустанно воскрешали в памяти все муки, порывы и мгновения, когда они чувствовали себя побежденными или преисполненными надежды.

Вечерами в домике на Гаронне, отдыхая на террасе, они вспоминали голос, который звучал у балкона.

Анжелика никак не могла понять, как она позволила так разыграть себя. Скромная одежда странствующего трубадура обманула ее.

— Как я могла заподозрить обман? Я же видела его грубые пыльные башмаки, одежду из простой саржи. Вы! Жоффрей. Такой элегантный!..

— Действительно, я должен был с особым вниманием отнестись к своему перевоплощению. Я опасался вашего живого пронизательного взгляда, желавшего все увидеть, все понять... Мне понравилось, что вы не ушли, а выбрали магию мелодии и очарование безродного певца.

— Чего вы ждали от этой злой шутки?

— Того, что и случилось. Обнять вас и украсть один поцелуй.

— Это было недостойно! Я никогда не прощу вас!

Жоффрей де Пейрак объяснил, почему решил уехать в Париж, даже не повидав ее.

— Я ведь держал вас в своих объятиях... Я узнал чуть больше о тех сокровищах, которые вы скрывали от меня... Я не хотел и дальше страдать, сгорая в мучительном огне, как те грешники, что вечно желают и не в силах обрести желаемое. Поэтому уехал. Нет, очаровательная невинность, я не искал утешения у Нинон де Ланкло. Думать так — значит плохо понимать природу мужчины, когда он сражен болезнью любви, о которой говорят поэты и о которой так мало знают... Только обладание предметом своего желания может исцелить его. Все иное лишь вызывает отвращение. Вы были моим горизонтом. Множество тайн Искусства Любви, о которых я даже и не догадывался, открылись мне...

Он не привык откровенно признаваться в собственных чувствах, но говорил о том первом мгновении, первом взгляде, о том дне, когда увидел ее. Она вышла из кареты и стояла в лучах солнца, а вокруг пыль, танцы, шум, пронзительные звуки музыкальных инструментов и дробь тамбуринов.

— Вот так вы появились передо мной у стен Тулузы среди шумной музыки и танцев... Я догадывался, что вы боитесь меня... и возможно, поначалу меня это забавляло... Но случилось то, чего я не ожидал. Я увидел перед собой саму невинность, само очарование! Воплощение искренности и отваги. И вас, прекраснейшую из женщин, продали самому отвратительному, ужасному злодею! В тот день я испытал незнакомое мне доселе потрясение! Не знаю, было ли это тем, что поэты называют «озарением любви», «любовью с первого взгляда», но во мне

одновременно бушевали восторг, уверенность и боль. Безжалостная стрела маленького бога Эроса пронзила меня в тот день. Я был охвачен гневом на тех, кто принес вас в жертву, не отдавая себе отчета, что я сам, без сожаления, участвовал в этом. Тогда, сидя рядом с вами в карете, — и пусть вы в ужасе отказывались замечать меня и цветы, которые я вам подарил, — я поклялся себе покорить вас... поклялся любить вас вечно...

Он обнимал ее и покрывал поцелуями.

Потом они долго молчали, наслаждаясь единением со звездной ночью.

Анжелика отдыхала у его сердца.

Она могла бы умереть, настолько чудесным и безграничным было ее ощущение счастья.

Часть четвертая
Маленький замок в Беарне

Глава 15

В доме Анжелики, как и во всем королевстве, царила радость. Даже архиепископ Тулузский был занят более важными заботами и больше не следил с подозрительностью за действиями своего соперника графа де Пейрака. И действительно, монсеньора де Фонтенака, как и архиепископа Байонны, только что призвали сопровождать кардинала в его пиренейском путешествии.

Вся Франция была наполнена слухами о некоем событии, которое до сих пор тщательно скрывалось, потому что оно было слишком невероятным, необыкновенным! После второго сражения при Дюне, где мессир де Тюренн одержал трудную победу над принцем Конде и доном Хуаном Хосе Австрийским, казалось, король Испании Филипп IV впервые задумался о мирных переговорах. Маленькая лазейка, но кардинал Мазарини мгновенно ею воспользовался и представил план, который он вынашивал уже давно и осуществление которого, несомненно, принесло бы наконец Европе мир: брак молодого короля Людовика XIV с дочерью короля Испании, инфантой Марией-Терезией^[121].

Какая другая принцесса могла предложить столько же гарантий знатности и союзнических преимуществ, чтобы стать супругой молодого двадцатилетнего короля, надежды одной из самых великих наций? Много лет мессир де Лионн^[122], государственный секретарь департамента иностранных дел Франции, с возрастающим замешательством изучал портреты принцесс христианского мира, достигших брачного возраста.

Сейчас уже нельзя было рассчитывать на Великую Мадемуазель, кузину короля десятью годами его старше, хотя в свое время ее рассматривали как серьезную претендентку, так как принцесса обладала поистине великолепным приданым.

Но пушечные выстрелы, сделанные по приказу этой бешеной фрондерки по королевским войскам в день сражения у предместья Сент-Антуан, положили конец столь прекрасному замыслу.

Лишь испанская инфанта могла стать залогом мира для истощенной Европы.

Мазарини знал — без этого союза мирный договор, утверждающий победы французов во Фландрии, станет пустыми словами, как и все те договоры, после которых отвоеванные пограничные провинции приходилось отдавать обратно.

Король Испании тоже это понимал. Щепетильный и, подобно своему предку Филиппу II, ценящий власть, опирающуюся на обширные владения, он также знал, что этот брак ознаменовал бы конец испанского владычества в Европе. Во время мирных переговоров он соглашался выполнить любые обязательства, уступал города... но вдруг резко остановился.

Никогда он не сможет отдать свою дочь королю Франции! Потому что она, дочь от его первого брака, была наследницей Испанских Нидерландов, и если Филипп IV не оставит после себя потомства мужского пола, то Мария-Терезия одна унаследует Испанию и все остальные королевские владения. Да, вторая супруга родила королю сына, даже двух. Но поговаривают, будто бы они слишком слабы и вряд ли проживут долго.

Мазарини был прирожденным дипломатом и никогда не стремился ускорить ход событий. Он использовал все свое притворство... Изобразил равнодушие...

При савойском дворе, чей очень знатный княжеский род вел свое начало еще с XI века от герцога по имени Гумберт I Белорукий^[123], жила одна прелестная принцесса на выданье, Иоланда-Маргарита Савойская, сестра нынешнего герцога Савойского Карла-Эммануила II. К Мадам^[124], их матери, которая долгие годы была регентшей и продолжала удерживать бразды правления герцогством, и обратились с настоятельной просьбой.

Был октябрь. Стояли холода. Оба двора — французский и савойский — встретились в Лионе.

И вот, пока все танцевали, согреваясь пышными празднествами, которыми издавна славились савойские правители, у потайной двери появился посланец и назвался Антонио Пиментелли.

Его приняли тайно, месье Кольбер, интендант кардинала, встретил его лично, затем секретными путями препроводил в отдельный кабинет.

Там к ним присоединился кардинал, и они долго совещались.

Наконец Мазарини возвратился к королеве Анне Австрийской и прошептал в сиянии люстр:

— Инфанта наша. Нам больше не надо искать.

Время успокоит обидчивость принцев Савойи, а пока французский двор вновь собрался в Париже.

Получив новые инструкции от короля Испании, Пиментелли, или Пиментель, как его уже называли по дружески, возобновил свои маневры. Он скрывался в окрестных городках Монтаржи и Монтеро и по первому зову вновь устремлялся в Париж, кутаясь в свой серый плащ и стараясь остаться незамеченным. Переговоры должны были проходить в строжайшей тайне.

А в глубине своего Эскориала Филипп IV все еще не мог отказаться от своей мечты: отдать дочь за Леопольда I Австрийского, главу младшей линии Габсбургов, только что увенчанного короной императора Священной Римской империи.

У Мазарини волосы встали дыбом под кардинальской шапочкой. Он мысленно уже видел, как возрождается наследие великого императора Карла V! Франция будет окружена, и наступит день, когда ненасытные отпрыски дома Габсбургов проглотят ее.

Кардинал не сдавался, он боролся, делая шаг за шагом.

Но появилось новое препятствие.

Молодой король втайне пролил немало слез, потому что безумно влюбился в свою подружку детства, черноволосую Марию Манчини^[125], племянницу кардинала.

Определенно, не было конца всевозможным случайностям, мешавшим и без того столь трудному делу — установлению мира в Европе.

Именно во время поездки в Лион молодые люди поняли, что любят друг друга. Марию Манчини, самую младшую из всех племянниц кардинала, король знал уже давно, но сначала отдавал предпочтение ее сестре Олимпии^[126] и даже сделал своей фавориткой.

Однако, вернувшись из Кале, где загадочная болезнь едва не унесла его жизнь, Людовик XIV узнал, что Олимпия, недавно выданная замуж за графа де Суассона, отнеслась к известию о его болезни довольно равнодушно, между тем как Мария заливалась слезами. Впервые он увидел такую страстную любовь к нему, откровенно высказанную словами и выраженную прекрасными красноречивыми взглядами. В Лионе, во время праздников, устроенных для мнимой подготовки к браку с принцессой Савойской, огонь пылкого чувства

постепенно разгорался, как если бы боги желали напомнить, что без любви опасно играть союзами, которые ставят судьбы наций в зависимость от единения мужчины и женщины.

И Мазарини, помимо хлопот, связанных с переговорами, был вынужден распутывать тенета этой страсти, которая угрожала сорвать все усилия его талантливой дипломатии. Ведь двадцатилетний король Людовик XIV хотел сочетаться браком с Марией Манчини и сделать ее королевой Франции.

Но подобный союз не отвечал государственным интересам, и кардинал Джулио Мазарини убедительно показал, что для него слава его королевского воспитанника и благо государства превыше всего.

Он хотел мира. Для Франции! Для Европы! Для народа!

Стоило интригам кардинала, которые его итальянские руки плели уже долгие годы, увенчаться успехом, как племянница была безжалостно устранена, и Людовик XIV после непродолжительного бунта смирился.

Он женится на инфанте.

Час настал.

Теперь вся Франция повторяла эту новость — с пышностью, которая должна была потрясти мир, монсеньор кардинал направлялся к острову на реке Бидассоа, в Страну Басков, вести переговоры с испанцами о мире.

Это означало окончание вечной войны, возобновлявшейся каждый год вместе с первыми цветами весны. Но гораздо больше, чем эта долгожданная новость, еще одно невероятное событие наполняло радостью всех, вплоть до самого скромного ремесленника королевства. В залог мира высокомерная Испания соглашалась отдать свою инфанту в супруги молодому королю Франции.

И теперь, несмотря на все колебания и завистливые взгляды, обе нации, разделенные Пиренеями, раздувались от гордости. Ведь на то время во всей Европе — и в мятежной Англии, и в маленьких итальянских и немецких княжествах, и в землях этих грубых мореходов — фламандцев и голландцев, — только молодой французский король и юная испанская инфанта были достойны друг друга.

И вот с восемью каретами для свиты, десятью телегами для багажа, двадцатью четырьмя мулами, ста пятьюдесятью слугами в ливреях, ста всадниками, двумястами пехотинцами кардинал приближался к изумрудным берегам Атлантики, к Сен-Жан-де-Люзу.

По пути он потребовал архиепископов Байонны и Тулузы со всем их эскортом, для того чтобы они добавили пышности делегации.

Между тем по ту сторону гор дон Луис де Аро^[127], представитель Его Католического Величества, противопоставив излишней роскоши высокомерную простоту, пересекал плато Кастилии, везя в своих сундуках только рулоны гобеленов, изображающие сцены, которые должны были бы напомнить, кому принадлежит право на былую славу королевства Карла V^[128].

Никто не спешил, никто из дипломатов не желал прибыть первым и подвергнуться унижению, ожидая другого. Кончилось тем, что медленно, шаг за шагом продвигаясь вперед, итальянец и испанец каким-то чудом соблюли церемониал и в один и тот же день и час достигли берегов Бидассоа. Какое-то время они оставались в нерешительности. Кто первым спустит лодку на воду, чтобы достичь маленького Фазаньего острова среди реки, где должна была состояться встреча? Наконец, каждый нашел решение, которое должно было пощадить его гордость. Кардинал и дон

Луис де Аро одновременно повелели сказать, что они больны. Уловка оказалась неудачной из-за слишком явного совпадения, и теперь оставалось только благопристойно ожидать, когда «болезни» отступят, но никто не хотел выздоравливать первым.

Европу лихорадило. Будет ли заключен мир? Будет ли заключен брак? Обсуждались малейшие шаги.

В Тулузе Анжелика следила за новостями без особого интереса. Она была захвачена радостным событием в собственной жизни, которое казалось ей намного значительнее, чем брак короля.

День от дня они с Жоффреем жили все в большем согласии, и Анжелику охватило страстное желание родить ребенка.

Не раз в течение этого года, когда молодая женщина сопровождала мужа в его частых поездках по провинции, ее мысли, ее мечтания, обращенные к нему, будили воспоминания о детстве, которое теперь казалось таким далеким.

Вновь и вновь видения прошлого возвращались, преследовали Анжелику, рассеивая золотую пелену, которая окутывала ее с тех самых пор, когда, пройдя через множество испытаний, она наконец поверила в свою любовь.

Она снова видела себя девочкой в пещере колдуньи Мелюзины и слышала слова, которые шептала старая женщина: «Я открою тебе тайну, как жить в мире с любовью!...»

Грозное обещание. Тайна, из-за которой Мелюзину подозревали в колдовстве, терзали, считали безумной, обрекли на враждебность толпы.

Анжелика поняла: любовь — это поглощающая сила, подобная морю, но она также помнила об ужасных,

неотвратимых последствиях, которые, как ей внушали, были хуже смерти и становились расплатой за страсть. Только колдуньи могли избавить от проклятия и наказания за встречу с любовью — самого жестокого и разрушительного в ее дикой логике — рождения ребенка, всегда проклятого, если он родился вне брака или был плодом насилия. Всякий раз в сознании Анжелики возникал силуэт молчаливого Жана Латника, глядя на которого кормилица постоянно вспоминала армию монсеньора кардинала Ришельё и короля Людовика XIII, пересекающую Пуату, чтобы «обратить в ничто» протестантов Ла-Рошели.

То, о чем перешептывались в пещере Мелюзины, было вечной тайной женщин — как избавиться от проклятого ребенка... Тихие заклинания колдуньи — тщательный ритуал, соединяющий элементы сокровенной, искусной, действенной науки, собранной из тысячи различных средств, не имеющих названия, обреченных оставаться тайными, но предназначенных, чтобы «отвести беду». Драгоценное сокровище, защита женщины от мужчины и опасностей, которые он несет.

«Почему надо было шептаться в пещере колдуньи?» — спрашивала себя Анжелика во время их поездок, воскрешая свои воспоминания среди залитых солнцем пейзажей.

Чтобы уберечься от дьявола? Или от Великого инквизитора, охраняющего Церковь и ее мораль?

Но каким-то чудом у нее все было иначе. Как будто она оставила страну темных несчастий и прибыла сюда, на озаренные светом берега. Однако Анжелика еще не разгадала всех тайн.

Ей казалось, что Жоффрей не торопится стать отцом, и, не осмеливаясь говорить с ним об этом, Анжелика предпочла, чтобы все оставалось так, как есть.

Она знала, что Жоффрей женился на ней не ради наследника, а ради того, чтобы получить рудник Аржантьер. Когда он завладел им, то, казалось, смотрел с некоторым цинизмом на те требования, которые предъявлял ему брак — «институт, лучше всего подходящий для того, чтобы убивать любовь», как они обсуждали это с Фабрицио. Но Жоффрей менее всего предполагал влюбиться. А теперь хотел ли он ребенка? Или ожидал, что Анжелика сама расскажет о своем желании?

Но она не знала, как сказать об этом.

Ведь существовала наука, в которой он был, разумеется, искуснее ее и, несомненно, искуснее бедной Мелюзины, — это был мир любовных наслаждений, куда он увлекал Анжелику, убеждая, что она единственная из всех женщин, кто восхищает его.

Анжелика еще многого не знала о человеке, которого любила. Она пока не могла всецело довериться мужу, ведь слишком долго она испытывала страх. Анжелику пугала страсть, которую она внушала Жоффрею; ее то опьяняли открытия, то внезапно охватывала тревога. Его любовь к ней казалась таким феерическим, таким исключительным подарком судьбы, что Анжелика спрашивала себя: не снится ли ей все это и не обнаружит ли она при пробуждении реальность мрачных предсказаний.

Имела ли она право любить его так пылко? Быть такой счастливой? Не собирался ли он вскоре оставить ее, отправившись на завоевания других? Напрасно Жоффрей клялся ей, что никогда ни одну женщину не любил настолько, чтобы показывать ей свою лабораторию и беседовать с ней о математике; она относилась к его словам недоверчиво и время от времени начинала ревновать мужа к прошлому, что забавляло его, но втайне восхищало.

Но понемногу все страхи исчезли. Анжелика поверила в то, что их любовь истинна, и приняла ее, как дар, от которого грешно отказываться.

Они связаны одной судьбой, и это не напрасные слова.

Анжелика поняла, насколько чувствителен был этот дерзкий мужчина, осознала, с каким мужеством побеждал он свои беды и свое увечье. Она восхищалась Жоффреем и тем, что он победил в этой борьбе. Ей казалось, что, будь он красив и неуязвим, она не смогла бы любить его столь страстно. И она хотела преподнести ему самый щедрый дар — ребенка.

Шли дни, и Анжелика стала опасаться, что бесплодна.

Поэтому когда в начале зимы 1658 года она поняла, что беременна, то заплакала от счастья.

Жоффрей не скрывал своего восторга и своей гордости. Этой зимой, когда все пребывали в волнении, готовясь к королевской свадьбе, которая, впрочем, могла и не состояться, но на которую все сеньоры провинции все же надеялись получить приглашение, жизнь во дворце Веселой Науки шла очень спокойно.

Посвятив все свое время работе и молодой жене, граф де Пейрак прекратил светские приемы в своем дворце. Наконец, не говоря об этом Анжелике, он воспользовался отсутствием архиепископа, чтобы усилить свое влияние на общественную жизнь Тулузы, к большому удовлетворению со стороны капитулов и горожан.

Незадолго до родов чета де Пейрак отправилась в принадлежащий графу маленький замок в Беарне, в предгорьях Пиренеев.

Там на западе, вдали от охваченной жарой Тулузы, царила свежесть, которую приносило океаническое дыхание Большой Атлантики.

По соседству с беарнским замком жила женщина, известная своей мудростью, которой граф пожелал доверить Анжелику.

Ее называли госпожой Изор. Ее отец, член городского правления маленького горного местечка, выбрал это имя, чтобы ей покровительствовала Клеманс Изор, легендарная поэтесса, учредительница «Цветочных игр».

Госпожа Изор обладала влиянием в обществе, все признавали ее ученость и искусность и иногда даже приглашали в местную столицу, город По. Но она не любила путешествовать, поэтому гораздо чаще приходили к ней, ведь госпожа Изор была одной из тех редких женщин, которых допустили к изучению медицины. Она училась в Школе Монпелье, основанной в давние времена арабами и сохранившей с тех пор дух независимости и свободы. Граф де Пейрак знал Изор еще в юности и любил беседовать с нею.

Анжелика осведомилась у служанки Маргариты:

— Я поняла, кто это! У него еще одна молочная сестра?!

— Нет, только я, — сказала Марго, смеясь.

Но она согласилась, что действительно было некое сходство между ней и госпожой Изор, и это качество могло бы помешать их пребыванию в одном доме. Однако причина, по которой Маргарита не сопровождала их в Беарн на роды, была иной.

Анжелика сожалела об этом. Привыкшая к заботе Марго, молодая графиня хотела бы, чтобы сейчас та была рядом. Рассказы и объяснения Маргариты об этом

крае не смогли помочь разобраться в личностях или характере местных жителей и переселенцев.

Беарн всегда стремился быть независимой страной.

Сложилось так, что родовые владения графа располагались в одной из трех долин, которые не считали себя принадлежащими ни Франции, ни Испании, и, что еще больше усложняло дело, ни Аквитании, ни Беарну.

Здесь, в горах, на берегу бурного горного потока между ледниками, среди озер и лесов, обитали люди, чьи селения в старину называли «маленькими республиками».

«Чужеземцы», проникающие в их земли, должны быть готовы к множеству трудностей. «Мадам сама убедится в этом на месте», — сказала Марго. Но мессир де Пейрак, сеньор фьефа, был там у себя дома и в полной безопасности.

Анжелика сразу же полюбила все, что она увидела. Впервые в жизни она поднялась на вершину настоящей горы, откуда равнина казалась не только недосыгаемой, но и безлюдной.

Уступ за уступом медленно поднимались местные лошади, низкорослые и сильные, несущие багаж, доставленный к самому подножию горы мулами, и Анжелика спрашивала себя о том неведомом, что, казалось, готовил им каждый новый поворот восхождения.

Словно слившись с горой, основательно выстроенный маленький замок стоял на открытом выступе у края пропасти. Путешественники поднимались по левому склону и попадали во двор, хорошо защищенный окружавшей его крепостной стеной. Между двумя башнями, из которых более

массивная называлась донжоном, находилось главное здание — два этажа жилых комнат. Нижний этаж, по обычаю этих мест, предназначался для скота. Сейчас там находилось лишь несколько овец и две коровы, а остальное стадо увели на верхние пастбища, за пределы густого леса, где встречались медведи.

Суровость этого закрытого от остального мира края смягчал открытый и общительный нрав местных жителей, никогда не сидевших на месте: летом и зимой они перегоняли в горы овец, делали сыры или перевозили товары. Повседневная жизнь жителей долин протекала в праведном труде и в обсуждении новостей...

Госпожа Изор, которая жила в маленьком поселке, расположенном у подножия замка, держала все в своих руках и сохраняла равновесие между сильной протестантской верой и необходимой видимостью католичества.

По вечерам, беседуя у камина, геройство приписывали и войскам мессира де Монморанси, и армиям мессира де Рогана ^[129].

Времена Религиозных войн — к счастью, угасших — явили в равной степени как свидетельства мужества, достойного первых христиан, так и примеры позорной жестокости. Примирение состоялось только потому, что люди хотели жить вместе в мире и согласии — и у остроконечных вершин заснеженных гор, и в плодородных долинах.

Только на вершине этих гор Анжелика осознала смысл слов, которые она когда-то прочитала или слышала на занятиях по богословию: «И тебя вывел бы Он из тесноты на простор, где нет стеснения» ^[130].

Никакое другое место не могло подойти лучше для события, которое скоро должно было произойти. Жоффрей был прав, когда привез ее сюда.

По винтовой лестнице, как в Монтелу, Анжелика поднималась на вершину донжона и вдыхала живительный воздух. Ее взгляд терялся в глубоких пропастях или поднимался туда, где парили орлы. Близость между супругами казалась еще совершеннее и безмятежнее. У них снова появилось время для уединенных встреч наверху донжона или долгих вечерних бесед у камина.

Присматривая за Анжеликой, госпожа Изор представила ей несколько молодых крестьянок, которые составят «дом» маленького сеньора, так как, руководствуясь своим богатым опытом акушерки, она полагала, что, скорее всего, родится мальчик. Все девушки в капюшонах из малинового атласа пришли поприветствовать мадам графиню.

Устроившись в замке незадолго до родов, они разговорами отвлекали Анжелику от ожидания, которое уже начинало ее тяготить; она любила слушать их рассказы об этой земле, о ее прошлом и настоящем.

Когда-то это была Аквитания, «Страна Вод», провинция, более всех любимая римлянами, которые ценили ее и дали имена ее рекам и множеству горячих целебных источников. Кроме того, весь мир знает, что женщины под небесами Лангедока и Аквитании вечно красивы, вечно молоды и вечно любимы. При этом вспоминали об удивительной судьбе великой герцогини Алиеноры ^[131], наследницы Аквитании, сначала королевы Франции, а затем королевы Англии. Ей было около сорока пяти лет, когда она родила своего восьмого ребенка или десятого, если еще считать двух девочек от короля Франции — Людовика VII. Это доказывало, что второй супруг Алиеноры, король Англии Генрих II Плантагенет, и в сорок пять лет находил ее великолепной и желанной, хотя сам был десятью годами моложе своей королевы.

Анжелика удивилась, узнав, что любимым городом и столицей герцогства Алиеноры был Пуатье. Ее двор, согласно хроникам, был местом встреч писателей и поэтов, которые говорили на самых разнообразных языках: «Ок, ойль, бретонский, кастильский, баскский или арабский». Анжелика изумилась, ведь она видела совсем другой облик Пуатье. Значит, время и испытания меняют лица провинций и городов?

Как женщина, лишенная света и благосклонности любви, утратившая поклонение своего народа, блекнет, теряет вкус к яркой жизни и выбирает покой, забвение, принимая лишь обычную почтительность, так и Пуатье снова замкнулся в себе самом, в своей скрытой жизни, которая пламенела лишь в его монастырях, церквях и школах.

Но Алиенора не теряла блеск никогда.

Великолепная, проницательная, чарующая, она была такой всегда, даже в восемьдесят лет, когда отправилась в Испанию к одной из своих дочерей, той, что была замужем за королем Кастилии Альфонсо VIII. Алиенора не переставала беспокоиться о судьбе своего дорогого герцогства Аквитания — что будет с ним, когда ее не станет? Она приехала, чтобы забрать одну из своих внучек и обручить ее с сыном французского короля, которому она, таким образом, завещала бы свое герцогство. И она выбрала — сначала никто не знал почему, но поняли позже — младшую, Бланку, которой в то время было только одиннадцать лет.

Тут южане на время оставляли свои восторги.

Ведь именно Бланка Кастильская, ставшая регентшей при своем маленьком сыне, короле Людовике IX Святом ^[132], повелела уничтожить религию альбигойцев и разжечь костер Монсегюра в 1244 году, когда двести Совершенных, мужчин и женщин, были сожжены, но не отреклись от своей ереси.

«Надо обезглавить дракона!» — постановила королева Бланка Кастильская, преисполненная духом решимости, унаследованным от своей бабки Алиеноры Аквитанской, сумевшей распознать в ней качества великой властительницы.

Глава 16

Апрель 1659

В Беарне приближалось время родов. Конечно, будущие родители заранее много думали о том, как назовут сына, наследника графов Тулузских. Жоффрей предлагал имя Кантор, в память о знаменитом лангедокском трубадуре Канторе де Мармоне, но в конце концов новорожденного назвали Флоримоном — в честь «Цветочных игр».

Малыш появился на свет смуглым, с густыми черными волосами. Несколько дней Анжелика испытывала к нему смутную неприязнь из-за страха и боли, которые ей пришлось испытать во время родов. Акушерка уверяла ее, что для первенца все прошло очень хорошо, но Анжелика редко болела и не привыкла к физическим страданиям. Долгие часы ожидания роженица чувствовала, как природа постепенно берет над ней верх, наполняет первородной мукой, и гордость молодой женщины взбунтовалась. Она оказалась одна на пути, где ни любовь, ни дружба не могли помочь, и этот неизвестный ребенок уже всецело подчинил ее себе и властвовал над ней. Окружающие лица казались Анжелике чужими.

Эти часы предвосхитили то страшное одиночество, которое ей придется испытать в будущем. Анжелика еще не знала, что ждет ее впереди, но все ее существо словно предчувствовало это, вот почему в первые дни ее бледность, молчаливость и вымученная улыбка особенно беспокоили Жоффрея де Пейрака. Наступил вечер третьего дня. Анжелика с любопытством склонилась над колыбелью, где спал ее сын, и узнала в нем Жоффрея — те же точеные черты, что и с той

стороны лица мужа, где не было шрамов. Она представила безжалостную саблю, которая обрушивается на это ангельское личико, увидела это хрупкое израненное тельце, выброшенное в окно, неподвижно лежащее на снегу, среди бушующего пламени.

Видение было таким ясным, что молодая мать закричала от ужаса. Схватив младенца, Анжелика судорожно прижала его к себе. Ее наполнившиеся молоком груди болели, и акушерка туго перевязала их. Знатные дамы не кормят грудью своих детей. Молодая кормилица, крепкая и здоровая, увезет Флоримона в горы, где он должен будет провести первые годы жизни.

Но когда вечером госпожа Изор зашла в комнату молодой графини, то смогла только воздеть руки к небу: Флоримон с упоением сосал грудь родной матери.

— Мадам, вы сошли с ума! Как теперь остановить молоко? У вас поднимется жар, грудь затвердеет.

— Я сама его выкормлю, — упрямо сказала Анжелика. — Я не хочу, чтобы его выбросили в окно!

Поднялась буря возмущения — благородная дама ведет себя подобно крестьянке! Решили, что кормилица поселится в доме мадам де Пейрак, чтобы докармливать Флоримона, у которого, к слову, был прекрасный аппетит.

Именно тогда, когда вопрос о кормлении Флоримона занимал даже членов местного совета маленькой беарнской деревушки, зависимой от замка, неожиданно приехал Бернар д'Анджос. Граф де Пейрак наконец сделал его своим камергером и поручил съездить в столицу, чтобы осмотреть парижский отель.

По возвращении Анджос сразу помчался в Тулузу, чтобы представлять графа на празднествах «Цветочных игр».

В Беарне его не ждали.

Д'Андижос выглядел чрезвычайно взволнованным. Бросив лакею поводья своей лошади, он взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и ворвался в спальню Анжелики. Она лежала в постели, а Жоффрей де Пейрак, сидя на подоконнике, напевал, перебирая струны гитары. Этим вечером было свежо, и потому в камине развели огонь. Кормилица, устроившись у колыбели ребенка на «карро»^[133], разворачивала пеленки, которыми она собиралась спеленать новорожденного так туго, что он станет похож на крошечную фигурку младенца Иисуса или боб, который вкладывают в королевский пирог в день Богоявления^[134].

Андижос не обратил никакого внимания на эту семейную идиллию.

— Король приезжает! — крикнул он, задыхаясь.

— Куда?

— К вам, в отель Веселой Науки, в Тулузу!..

Затем он упал в кресло и вытер с лица пот.

— Пойдите, — сказал Жоффрей де Пейрак, поиграв еще немного на гитаре, чтобы гость успел отдышаться, — не будем впадать в панику. Насколько мне известно, король, его мать и двор отправились в путь, чтобы присоединиться к кардиналу в Сен-Жан-де-Люзе, но зачем им ехать через Тулузу?

— О, это целая история! Дело в том, что дон Луис де Аро и монсеньор Мазарини увлеклись этикетом настолько, что до сих пор так и не приступили к обсуждению свадьбы. Кроме того, говорят, что отношения ухудшились. Обе стороны не хотят уступать друг другу в вопросах, касающихся принца Конде. Испания хочет, чтобы его приняли с распростертыми

объятиями и забыли не только предательство во времена Фронды, но и то, что этот французский принц крови несколько лет был испанским главнокомандующим. Это слишком горькая пилюля, чтобы ее проглотить, ведь великий герой чересчур много себе позволил. Когда он занял Париж, то велел перебить советников парламента в ратуше, а само здание — сжечь.

— Зачем Филиппу IV нужно, чтобы этот великий воин, который почти восемь лет возглавлял его армии, получил полное прощение? Почему судьба французского принца так важна для испанского короля, что от нее зависит судьба переговоров?

— Король не желает отдавать свою дочь противникам, которые хотят лишить его чести, принуждая забыть и пренебречь судьбой верных ему людей. Ведь тогда они заплатят за свою службу слишком высокую цену. Французы же полагают, что отношения с Конде — дело семейное, и поэтому они не обязаны принимать уроки великодушия от короля Испании. В подобной ситуации прибытие двора к месту переговоров будет выглядеть нелепо. И Мазарини посоветовал им путешествовать. Они и путешествуют. Двор отправляется в Экс, где присутствие короля, несомненно, заставит погаснуть недавно вспыхнувший там мятеж. И все это высшее общество, выехав из Бордо, хочет проследовать через Тулузу. А вас там нет! И архиепископа тоже! Капитулы сходят с ума!..

— Но им не раз приходилось принимать важных особ, а шесть или семь лет назад — и самого короля.

— Но вы должны быть там, — взмолился Андижос. — Я приехал за вами. Говорят, когда король узнал, что проедет через Тулузу, он сказал: «Наконец-то я познакомлюсь с этим Великим Лангедокским Хромом, о котором мне все уши прожужжали!»

— О! Я хочу в Тулузу! — воскликнула Анжелика, подскочив на постели.

Но тут же откинулась назад, скривившись от боли. Она очень долго пролежала в постели и была слишком слаба для столь длинного путешествия по плохим горным дорогам, чтобы потом еще и выдержать утомительную роль хозяйки, принимая короля. Слезы разочарования выступили у нее на глазах.

— Король в Тулузе! Король в отеле Веселой Науки, а я этого не увижу!..

— Не плачьте, моя дорогая, — сказал Жоффрей. — Я обещаю проявить такую предупредительность и любезность, что им придется пригласить нас на свадьбу. Вы увидите короля в Сен-Жан-де-Люзе, и не покрытым пылью путешественником, а победителем, в ореоле славы.

Граф вышел, чтобы отдать распоряжения об отъезде, который назначил на завтрашнее утро, а славный Андигос попытался успокоить Анжелику.

— Ваш муж прав, красавица моя. Двор! Король! Ба! Ну и что! Один обед в отеле Веселой Науки стоит пышного праздника в Лувре. Поверьте мне, я был в Лувре и так замерз в приемной Королевского совета, что у меня зуб на зуб не попадал. Можно подумать, что у короля Франции нет лесов, чтобы нарубить дров. А у придворных такие дырявые штаны, что фрейлины королевы, которые отнюдь не стыдливы, опускали глаза.

— Многие говорят, что кардинал-наставник не хотел приучать своего августейшего воспитанника к роскоши, потому что она была бы не по средствам государству.

— Я не знаю, что хотел кардинал, однако сам он ни в чем себе не отказывал, покупая алмазы и бриллианты, картины, целые библиотеки, гобелены, гравюры. Но я полагаю, что королю, хотя он и выглядит робким, не терпится избавиться от этой опеки. Ему надоели

похлебка из бобов и материнские наставления. Он больше не желает олицетворять собой беды разоренной Франции, и это понятно, когда ты красивый мальчик и к тому же король. Скоро наступит час, когда он тряхнет своей львиной гривой.

— Каков он? Опишите мне его, — нетерпеливо потребовала Анжелика.

— Недурен! Недурен! Он статный, величественный. Но рассказывают, что из-за нескончаемых переездов из одного города в другой во времена Фронды он еще более невежествен, чем слуга, и, не будь он королем, я бы сказал вам, что считаю его слегка неискренним. А еще он переболел оспой и все его лицо рябое.

— О, вы пытаетесь меня разочаровать, — воскликнула Анжелика, — и говорите так же, как все эти чертовы гасконцы, беарнцы или альбигойцы, которые постоянно задаются вопросом, почему Аквитания не осталась независимым государством, а была присоединена к французскому королевству. Для вас есть только Тулуза и ваше солнце. А я умираю от желания побывать в Париже и увидеть короля Франции.

— Вы его увидите на свадьбе. Быть может, на этой церемонии наш монарх предстанет в своем настоящем величии. Но если вы соберетесь в Париж, непременно сделайте остановку в Во, чтобы поприветствовать месье Фуке. Вот кто сейчас истинный король. Какая роскошь, друзья мои! Какое великолепие!

— Так, значит, и ты отправился обхаживать этого невежественного мошенника-финансиста? — спросил граф де Пейрак, входя в комнату.

— Это было необходимо, мой дорогой. Не только для того, чтобы меня принимали в Париже, ибо даже принцы преклоняются перед ним, но и потому что, должен признаться, меня снедало любопытство. Я хотел увидеть суперинтенданта королевства в его

собственном доме, ведь он, без сомнения, сегодня первый человек в государстве после Мазарини.

— Смелее, не опасайтесь сказать: перед Мазарини. Всем известно, что кредиторы не верят Мазарини, даже если деньги ему нужны для блага страны, а вот Фуке, напротив, пользуется всеобщим доверием.

— Но ловкий итальянец не завистлив. Фуке вынужден пополнять деньгами королевскую казну, чтобы вести войны, и это все, что от него требуется... по крайней мере сейчас. Фуке безразлично, что ростовщики получают с этих сделок двадцать пять или даже пятьдесят процентов. Двор, король, кардинал — все живут на украденные им средства. И сейчас его не остановить! Еще долго всюду будет мелькать его эмблема — белка, и девиз *Quo non ascendam?* — Чего я только не достигну?

Жоффрей де Пейрак и Бернар д'Андижос еще немного побеседовали о необычайной роскоши, которой окружил себя Фуке. И хотя его карьера началась с должности распорядителя прошений^[135], а затем он стал советником Парижского парламента, но все равно оставался сыном простого бретонского судьи. На протяжении всей беседы Анжелика пребывала в задумчивости, так как каждый раз, когда при ней говорили о Фуке, она вспоминала ларец с ядом, и эти воспоминания тяготили ее.

Разговор прервал маленький слуга, который принес на подносе угощение для маркиза.

— О! — вскричал Бернар д'Андижос, обжигая пальцы горячими булочками, в которых волшебным образом сохранялся ледяным паштет из гусиной печени. — Только здесь можно полакомиться подобным чудом! Здесь и, конечно, в Во. У Фуке — исключительный повар, некто Ватель^[136].

Вдруг он воскликнул:

— Ах да! Кстати, я вспомнил одну необычную встречу. Угадайте, кого я застал за долгим разговором с месье Фуке, сеньором Бель-Иля и других мест и почти вице-королем Бретани... Угадайте!

— Это трудно. Он знает многих.

— И все же попробуйте угадать. Это, если можно сказать, кое-кто из вашего дома.

Подумав, Анжелика предположила, что, возможно, речь идет о ее зяте, муже сестры Ортанс, который был судейским в Париже, так же, как когда-то и знаменитый суперинтендант.

Но Анджос отрицательно покачал головой.

— Ах! Если бы я не боялся так вашего мужа, то рассказал бы вам все лишь в обмен на поцелуй, потому что вы никогда не догадаетесь.

— Что ж, я не против, ведь это даже принято при первом визите к молодой матери, и скажите скорее, не мучайте меня.

— Так вот: я застал вашего бывшего дворецкого, того самого Клемана Тоннеля, который несколько лет прослужил у вас в Тулузе, за тайной беседой с суперинтендантом.

— Нет, вы, должно быть, ошиблись. Он ведь уехал в Пуату, — с внезапной поспешностью возразила Анжелика. — Ему незачем посещать столь важных особ. Разве что он пытается поступить на службу в Во.

— Сначала и я так решил из их разговора. Они беседовали о Вателе, поваре суперинтенданта.

— Вот видите, — заметила Анжелика с непонятным ей самой облегчением. — Он всего лишь хочет работать под началом Вателя, что неудивительно — ведь говорят, этот человек своего рода гений.

Она чувствовала некоторое разочарование, ведь Клеман был родом из Пуату и все годы, что жил в отеле Веселой Науки, напоминал Анжелике о родной земле.

— Да! Да! — сказал Андижос, явно думая о чем-то другом. — Но есть одна деталь, которая показалась мне любопытной. Так случилось, что я внезапно появился в комнате, где суперинтендант беседовал с этим достославным Клеманом. Я вошел туда в компании дворян, мы все были немного навеселе, кто больше, кто меньше. Мы, конечно, тут же принесли свои извинения суперинтенданту, но я успел заметить, что Клеман разговаривал с Фуке довольно фамильярно и принял раболепную позу лишь при нашем появлении. Он узнал меня. Когда мы выходили, этот человек что-то быстро сказал Фуке. А тот пристально на меня посмотрел холодным змеиным взглядом, а затем произнес: «Не думаю, что это будет иметь значение».

— Так это тебя, мой друг, посчитали незначительным? — спросил Пейрак, беззаботно перебирая струны гитары.

— Так мне показалось...

— Какая здравая оценка!

Андижос притворился, что вынимает шпагу, все рассмеялись, и веселая беседа потекла дальше.

Глава 17

«...Мне непременно нужно что-то вспомнить, — говорила себе Анжелика. — Это вертится у меня в голове, но не хочет выплывать из глубин памяти. Но я знаю, что это очень важно. Я обязательно должна вспомнить!»

Она прижала ладони к щекам, закрыла глаза и сосредоточилась на своей мысли. Это произошло давно, в замке Плесси. Здесь сомнений не было, но дальше все начинало путаться.

Пламя от камина жгло ей лоб. Анжелика прикрыла огонь шелковым экраном, рассеянно обмахиваясь. Была ночь, за окнами бушевала буря. Весенняя буря в горах, без молний, но с градом, который, гонимый ветром, то и дело бил в стекла. Анжелика не могла заснуть и поэтому пришла посидеть у камина в комнате донжона. У нее все еще немного болела спина, и молодая мать жалела, что ей не удастся быстро восстановить силы. Акушерка постоянно твердила, что ее недомогание вызвано упрямым желанием самой кормить младенца грудью, но молодая графиня не хотела ничего слушать; каждый раз Анжелика со все возрастающей радостью прижимала ребенка к себе и смотрела, как он сосет. Она расцветала. Анжелика чувствовала, что становится степенной, умиротворенной, и уже видела себя важной, снисходительной матроной, вокруг которой возятся малыши. Почему же она так часто думает о своем детстве именно сейчас, когда та маленькая Анжелика почти исчезла в тумане прошлого?..

Нет, эта неясная тревога не была игрой воображения, у нее должна быть какая-то причина. И постепенно она поняла: «Есть кое-что, что мне обязательно надо вспомнить, что я должна вспомнить!»

Время от времени Анжелика вставала и подходила к узкому окошку башни. Занимавшая весь этаж круглая комната когда-то была сторожевым постом донжона, а теперь в ней царил покой и уют. Прекрасные гобелены на стенах помогали сохранять тепло; большое готическое кресло с высокой спинкой, на котором лежали мягкие подушки, маленький столик и несколько стульев того же стиля, скамеечки и гобеленовые карро дополняли меблировку. На буфет Анжелика велела поставить закуску, фрукты, напитки.

Через приоткрытую дверь проникал свет из большой комнаты, окна которой выходили на фасад дома, и слышались негромкие женские голоса. Там царил Флоримон, окруженный заботами кормилицы, няни и госпожи Изор. Ловкие пальцы женщин порхали над веретенами, а сами они между тем беседовали на гасконском языке, который несколько отличался от наречия равнинных жителей.

Этим вечером Анжелика ждала мужа.

Граф прислал человека, чтобы предупредить ее о своем возвращении, но теперь буря, несомненно, задержит его в пути и он сможет приехать только завтра утром.

Все это до слез расстроило молодую женщину. Всякий раз, когда мужа не было рядом, ее охватывала тоска.

Посланец Жоффрея немного рассказал Анжелике о праздничном приеме короля во дворце Веселой Науки, о церемонии встречи, пиршестве и о том, какой бал был дан в честь короля. Все прошло блестяще. А ведь и она могла быть там, вместо того чтобы сидеть здесь и ломать себе голову, воскрешая в памяти обрывок воспоминания, подробность, которая, вне всякого сомнения, какой-нибудь пустяк. Нечего об этом думать! Ей нужно отвлечься от этой навязчивой идеи. Если бы Жоффрей был здесь, она бы тотчас все забыла,

укрылась в его объятиях и слушала, как он в своей неповторимой манере весело рассказывает о своих впечатлениях, делится новостями о мирных переговорах и королевской свадьбе...

Сверкнула молния, прогремел гром, и Анжелика увидела через узкое окошко, как осветились белым призрачным светом вершины деревьев. Через мгновение все снова погрузилось в непроглядную ночную тьму...

Завтра он будет здесь.

Но как же далеко это завтра! Этой ночью она не сможет уснуть. Анжелика встряхнула головой, пытаясь избавиться от навязчивой тревоги, но почувствовала, что вот-вот поймает ускользающую мысль.

«Это было в Плесси. В комнате принца Конде... Когда я подглядывала в окно. Надо вспомнить все, начиная с этой минуты, все, шаг за шагом...»

Внизу хлопнула дверь, и из зала маленького замка послышался голос.

Анжелика подскочила и выбежала из комнаты. Она узнала голос Жоффрея.

— О, любимый мой, наконец вы здесь! Как я счастлива!

Она сбежала вниз по ступенькам, и он подхватил ее в свои объятия.

— Вы легкая, как эльф, моя прекрасная фея!

— Вы насквозь промокли. Вы должны были переночевать в ближайшей деревне.

— Но я обещал вам, что буду дома этим вечером!

— Мне было так тоскливо без вас.

Какой он добрый, какой внимательный!

Он догадался, как тяжело ей было в темный ветреный вечер, когда дождевые струи били в стены маленького пиренейского замка. И он не дрогнул встретить бурю лицом к лицу, чтобы быть с ней этой

ночью! Она его обожала!.. Он был здесь, и все озарилось светом!

Анжелика услышала ворчание старого конюха-горца, который прибежал, чтобы позаботиться о лошадях и отвести их в конюшню. Хозяин так опрометчив! Только он способен так рисковать, поднимаясь по скользким тропам во время бури.

Да! Он такой один! Он удивительный!

Она проводила его в теплую и удобную комнату, позвала слугу, чтобы тот снял с Жоффрея промокшие сапоги, пока Куасси-Ба с помощниками вносили сундуки.

Граф быстро переоделся, выпил бокал красного вина, но сказал, что поел в дороге, ведь после недели непрерывных пиршеств он с нетерпением ждал той минуты, когда благополучно доберется до Беарна, где ему хватит куска хлеба и зубчика чеснока.

— А Флоримон? Он уже научился любить чеснок и жүрансонское вино, как славный король Генрих IV, которому сразу после рождения дал их попробовать его дед — король Наварры Генрих д'Альбре?

— Я пыталась натереть ему губы чесноком, как это сделал дед короля Генриха IV, но Флоримону это не нравилось.

— Он все так же красив, наш Флоримон?

— Он становится красивее день ото дня.

Жоффрей опустился в кресло, не скрывая своего удовлетворения. Анжелика поставила на столик рядом с ним небольшую вазу, полную винограда.

Устроившись на подушке у ног мужа, она прижалась к нему.

— Рассказывайте.

— Клянусь честью, все прошло великолепно, — ответил Жоффрей де Пейрак, пощипывая виноградную гроздь. — Город устроил прекрасные празднества. Но, не хвастаясь, могу утверждать, что мой прием во

дворце Веселой Науки был самым лучшим. Я успел вовремя привезти из Лиона механика-пиротехника, и он устроил нам очень красивое театральное представление с фейерверком.

— А король? КОРОЛЬ?

— Что ж, король — красивый молодой человек, явно радующийся почестям, которые ему оказывают. У него круглые щеки, ласковые карие глаза, и хотя он преисполнен величия, по-моему, на душе у него тяжело. Малышка Манчини нанесла Людовику сердечную рану, которая еще не затянулась, но, имея высокое представление о священном долге короля, он подчинился государственным интересам. Я видел королеву-мать, красивую, печальную и немного себе на уме. Видел, как Великая Мадемуазель и маленький Месье ссорятся из-за вопросов этикета. О чем еще вам рассказать? О множестве знатнейших имен и уродливых лиц, которые я повидал?.. Но, честно говоря, меня больше всего обрадовала встреча с Пегиленом. Вы ведь помните графа Лозена, этого племянника губернатора Беарна герцога де Грамона? Прежде чем отправиться в Париж, он был у меня в Тулузе частым гостем. И вот я снова увидел его хитрую кошачью мордочку, такую же, как во времена, когда мы делили одних и тех же любовниц.

— Жоффрей!

— Но он сдержал свои обещания и применил на практике все знания, которые почерпнул на наших Судах любви. По крайней мере, я убедился, что у дам он любимец. А своим остроумием он покорила короля, который не может обойтись без шуток Пегилена.

— Ну а король? Расскажите мне о короле. Он выразил вам свое удовлетворение приемом, который вы устроили в его честь?

— Да, и чрезвычайно учтиво. Он несколько раз произнес, что огорчен вашим отсутствием. Да, король

был удовлетворен... слишком удовлетворен.

— Как это «слишком» удовлетворен? Почему вы так саркастически усмехаетесь?

— Потому что мне передали его слова. Когда король садился в карету, один из придворных заметил, что наш праздник по своему великолепию может сравниться только с приемами, которые устраивает Фуке.

Тогда Его Величество ответил: «Да, действительно, и я спрашиваю себя, не пора ли заставить этих людей вернуть награбленное!» В ответ на это добрая королева воскликнула: «Сын мой, что за мысли на празднике, намеренно устроенном для того, чтобы вам угодить!»

«Я устал, — ответил король, — смотреть на то, как мои собственные подданные затмевают меня своим блеском».

— Неужели! Какой завистливый юноша! — возмущенно воскликнула Анжелика. — Я не могу в это поверить. Вам доподлинно известно, что он так сказал?

— Дверцу кареты придерживал мой верный Альфонсо, который и сообщил мне все.

— Король не может быть таким мелочным. Это придворные озлобили его и настроили против вас. Вы убеждены, что не вели себя с кем-нибудь из них слишком дерзко?

— Я был приторно любезен с ними, могу вас заверить. Старался понравиться изо всех сил. Даже велел положить в спальню каждого вельможи, ночевавшего в замке, набитый золотом кошелек. И, клянусь вам, ни один из этих господ не забыл забрать его с собой.

— Вы им льстите, но вместе с тем презираете, и они это чувствуют, — сказала Анжелика, задумчиво покачав головой.

Она пересела к мужу на колени и прижалась к нему. Снаружи продолжала бушевать буря.

— Всякий раз, когда при мне произносят имя Фуке, я вздрагиваю, — прошептала Анжелика. — Перед моими глазами снова возникает этот ларец с ядом, о котором я так долго не вспоминала, а теперь он меня словно преследует.

— Вы стали очень пугливой, моя милая! Неужели теперь мою жену будет кидать в дрожь от малейшего дуновения?

— Мне необходимо что-то вспомнить, — простонала молодая женщина, закрывая глаза.

Она потерлась щекой о теплые, пахнущие фиалкой волосы Жоффрея, которые были еще влажными после дождя и завивались колечками.

— Если бы вы могли помочь мне вспомнить... Но это невозможно. Если бы я только вспомнила, то, кажется, поняла бы, откуда исходит опасность.

— Нет никакой опасности, моя красавица. Рождение Флоримона совсем расшатало ваши нервы.

— Я вижу комнату... — продолжала Анжелика с закрытыми глазами. — Принц Конде спрыгнул с постели, потому что в дверь постучали... Но я не слышала стука. Принц накинул халат и крикнул: «Я с герцогиней де Бофор...» Но в глубине комнаты слуга все же открыл дверь и ввел монаха в капюшоне. Этого монаха звали Экзили...

Она внезапно замолчала и посмотрела прямо перед собой отсутствующим взглядом, напугавшим Жоффрея.

— Анжелика! — воскликнул он.

— Теперь я вспомнила, — сказала она бесцветным голосом. — Жоффрей, я вспомнила... Слугой принца Конде был... Клеман Тоннель.

— Вы сошли с ума, дорогая, — рассмеялся граф. — Этот человек несколько лет служил нам, и вы только сейчас заметили сходство?

— Я видела его мельком, в полутени. Но это побитое оспой лицо, эти вкрадчивые манеры... Нет, Жоффрей,

теперь я уверена, это был он. Теперь я понимаю, почему все время, пока он жил в Тулузе, я порой испытывала необъяснимую тревогу. Помните, как вы сами однажды сказали: «Самый опасный шпион тот, которого не подозреваешь»; и вы чувствовали, что в доме есть шпион. Так это был Клеман Тоннель.

— Вы слишком впечатлительны для женщины, которая интересуется науками.

Он погладил ее лоб.

— Нет ли у вас небольшого жара?

Она покачала головой.

— Не смейтесь. Меня мучает мысль, что этот человек следит за мной уже долгие годы. Кому он служит? Принцу Конде? Фуке?

— Вы никому не рассказывали о том происшествии?

— Вам... один раз, и возможно, он нас слышал.

— Все это было так давно. Успокойтесь, мое сокровище, мне кажется, что вы просто придумываете себе причины для тревоги.

Жоффрей еще долго ее успокаивал, и понемногу ее напряжение ослабло под его ласками и нежными словами. Она наконец смогла улыбнуться.

Мелодичный голос убаюкивал ее, окутывая волшебным очарованием.

Он был здесь этим вечером, и теперь все казалось понятным, все внушало доверие, и она была счастлива. Одна только мысль, что он мог приехать лишь завтра, удручала ее, невероятно тяготила. Никогда! Никогда она не сможет жить без него!

Но и Жоффрей чувствовал эту новую потребность быть вместе. Он говорил о том, как сильно ему ее недоставало и что дворец Веселой Науки утратил без Анжелики тот свет, который дарила ее красота, само ее присутствие. Он шутил над нетерпением, мучавшим его вдали от жены, а она читала в его сияющем взгляде ту

радость, то удовольствие, которое он испытывал, вернувшись к ней.

Снаружи свирепствовала буря. Яростно свистел ветер, и дождь хлестал в окно.

Но для них, отгороженных от мира бушующей стихией, счастье обнимать друг друга и сознавать, что они любят и любимы, становилось еще более чудесным.

notes

1

Ныне — Бискайский залив. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное*)

То есть над ним был совершен обряд помазания освященным маслом — миром (елеем). — *Примеч. автора.*

З

При крещении будущий король Людовик XIV получил имя Дьедонне, что означает «Богоданный».

«Менины» — молодые дворяне, товарищи детства короля. — *Примеч. автора.*

«Изгнание Полександра» (1637 — 1651 гг.) — роман Марена Леру де Гомбервиля.

6

«Ок» и «ойль» — разные формы слова «да» на Юге и на Севере соответственно. Отсюда названия «Лангедок» и «Окситания». См. примечание во «Вступлении» Надин Голубинофф к первому тому.

Вплоть до конца XVIII в. южная Франция по-прежнему являла собой «страну писаного права» — *paus de droit escrit*, т. е. римского права, сохранившегося со времен Римской империи. Напротив, в северной Франции, «стране обычного права» — *paus de droit coutumier*, источником права были местные обычаи.

Католические короли (так именовали некоторых испанских монархов начиная с VI в.) — Изабелла Кастильская (1451 — 1504 гг.) и Фердинанд Арагонский (1452 — 1516 гг.). Их брак в 1469 г. объединил Арагон и Кастилию и положил начало современной Испании. Их общее правление отличалось религиозным фанатизмом. Изабелле и Фердинанду титул католических королей дал Папа Римский Александр VI. Именно в правление Изабеллы и Фердинанда Колумб открыл Америку.

9

Неф (главный) — в романских и готических соборах или церквях эпохи Возрождения сквозной проход в форме католического креста, идущий от главного входа до хоров и покрытый сводами. Большинство церквей имеет три продольных нефа: один главный и два боковых, а также поперечные нефы — трансепты.

10

Лакрица (*Glycyrrhiza glabra*) — солодка, солодковый корень. Его сгущенный сок темно-коричневого цвета.

11

Во Франции вилка впервые появилась в период правления Карла V, в 1379 г. Вилки для еды тех пропорций и форм, какие мы знаем сейчас, вошли в обиход лишь к середине XVI в. Но и тогда это был редкий предмет роскоши, признак изнеженности. Большинство людей еще долго продолжали подносить ко рту мясо, рыбу и дичь руками.

12

В Средние века и в начале Нового времени растолченный рог единорога считался противоядием. На самом деле под его видом продавали рог морского животного — нарвала, которого также называют морским единорогом.

Фолькет Марсельский (Фулькет, Фолько, Фулькон) (ок. 1150 — 1231 гг.) — сын марсельского купца, в прошлом — провансальский трубадур, ближайший друг графа Тулузы Раймонда V. Но после его смерти постригся в монахи. С 1205 г. Фолькет — епископ Тулузский и гонитель своих соотечественников альбигойцев, один из ярых сторонников Альбигойского Крестового похода. Фолькет участвовал в создании инквизиции в Лангедоке и является одним из персонажей «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Симон IV де Монфор (1160/1165 — 25 июня 1218 гг., Тулуза) — сеньор де Монфор-л'Амори, 5-й граф Лестер, «граф Тулузский», виконт Безье и Каркасона, предводитель крестового похода против альбигойцев. Его военные акции отличались крайней жестокостью, особенно это проявилось при взятии Безье в 1209 г.

Лигуры (лат. *Ligures*) — собирательное наименование древних племен, населявших в середине 1-го тыс. до н. э. северо-западную Италию и юго-восточную Галлию. Вестготы (визиготы, тервинги) — германское племя, западная ветвь готов. В 418 г. основали в Южной Галлии первое на территории Западной Римской империи варварское королевство с центром в Тулузе.

16

Фьеф (fief) — родовое (ленное) владение, феодал, вотчина во Франции.

Суды любви (Cours d'Amour) проводили на юге Франции в Средние века. На них знатные дамы рассуждали о любви и разрешали споры между трубадурами. Именно дамы были наделены правом выносить окончательные вердикты — *lous arrests d'amour*.

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт, прославившийся эротическими стихами на мифологические темы. Произведения Овидия отличаются неуемная фантазия, полушутливый тон и исключительное мастерство стихосложения.

Андре Капеллан — французский писатель XII в. Считается, что при дворе Марии Шампанской, дочери Алиеноры Аквитанской, он был капелланом и по ее просьбе написал трактат «О любви», воспевающий куртуазную любовь, который повлиял на лирику трубадуров, а затем поэтов «сладостного нового стиля» (итал. «Dolce stil nuovo»). Среди последователей Андре Капеллана можно назвать Данте и Петрарку.

Веселая наука (старопровансальск. — *gayà scienza*, фр. — *gai savoir*) — одно из самоопределений провансальской рыцарской культуры, норма поведения, которая выражала свой идеал в куртуазной поэзии трубадуров XI—XII вв. Много позже, после завоевания Юга северянами, в 1324 г. была предпринята попытка возрождения старой культурной традиции и создана поэтическая школа — «Консистерия Веселой науки» (другое название — «Консистерия веселого искусства»). Также термин «Веселая наука» в XIX в. использовал в качестве заголовка одного из своих произведений Фридрих Ницше, преклоняясь перед провансальскими трубадурами, которые смогли объединить в себе «певца, рыцаря и свободный дух».

Мориски — мусульманское население, оставшееся на Пиренейском полуострове по завершении Реконкисты (после 1492 г.) и насильственно обращенное в христианство. Жестоко преследовались инквизицией за тайную приверженность исламу. В 1609 — 1610 гг. изгнаны из Испании.

Карильон — музыкальный инструмент, с помощью часового механизма заставляющий ряд колоколов исполнять какую-либо мелодию.

Angélus — молитва, обращенная к Богородице; Анжелюс; колокольный звон, призывающий к этой молитве.

24

Позолоченное серебро.

25

Лучшее марочное вино.

Сильный и холодный северный, северо-восточный или северо-западный ветер, часто дующий с гор, напоминает мистраль.

Баньюльс — крепленое или десертное вино из винограда, выращенного на старых виноградниках, разбитых на склонах Пиренеев в Руссильоне (Северная Каталония). Выдерживается в дубовых бочках около восьми лет.

Эстуфад — блюдо, которое готовят путем медленного тушения. Название также относится к говяжьему бульону.

Производство шампанских вин было налажено во Франции в конце XVII в. Открытие метода шампанизации определяют 1668 г. и приписывают монаху-бенедиктинцу Дом Периньону. Хотя игристыми винами наслаждались еще древние греки и римляне, а во Франции их делали уже в начале XVI в., напиток, который впоследствии стали называть шампанским, появился позднее в провинции Шампань. До изобретения метода шампанизации, более половины заготовленных игристых вин взрывались, а посему они ценились особенно высоко.

Сенешаль — здесь: должностное лицо в органах юстиции на Юге Франции.

Эшевен — магистрат, член городского Совета, осуществляющий административное управление.

Овернь очень долго была спорной территорией между Северной и Южной Францией, поэтому в Оверни сохранялось различие в обычном праве — часть территории подчинялась праву обычая, характерном для Севера Франции, другая часть — писаному римскому праву, господствующему на Юге.

Штаты провинциальные — сословно-представительный орган в провинции, с определенными административно-судебными функциями. В XVII в. сохранились лишь в некоторых провинциях Франции: Лангедоке, Беарне, Бретани, Бургундии.

Жеманницы, или прециозницы (Les Précieuses — драгоценные, возвышенные, утонченные) — создательницы и носительницы элитарного стиля салонной культуры XVII в., культивирующего особую манеру речи, а также литературного стиля. Начало этому стилю положил салон мадам де Рамбуйе, а расцвета он достиг в салоне писательницы Мадлен де Скюдери. Мольер же высмеял прециозный стиль в комедии «Смешные жеманницы».

Рондо — стихотворная форма, возникшая в XIV веке.

Клеманс Изор — поэтесса, учредила в Тулузе «Цветочные игры» («Jeux floraux») в память своего покойного возлюбленного графа Рауля Тулузского, с которым объяснялась посредством цветов, когда, попав в монастырь, оказалась с ним в разлуке. До сих пор идут споры — реальная это личность или нет. «Цветочные игры» — праздник поэзии, где премию «Золотая фиалка» от литературной академии получают авторы лучших поэтических произведений на провансальском и французском языках.

Филипп II (1527 — 1598 гг.) — король Испании из династии Габсбургов. Сын и наследник императора Священной Римской империи (и одновременно короля Испании) Карла V, Филипп с 1554 г. был королем Неаполя и Сицилии, а с 1556 г., после отречения своего отца от престола, стал королем Испании, Нидерландов и обладателем всех заморских владений Испании. В 1589 г. присоединил также Португалию и стал ее королем под именем Филиппа I. Был прозван Благоразумным.

Реконкиста (исп. и порт. Reconquista, от reconquisatar (отвоевывать) — покорение христианами мавританских (арабских) государств Испании. «Отвоеванием» этот многовековой процесс, продолжавшийся в VIII — XV вв., назвали потому, что христиане, потомки коренного населения (и пришедших сюда в начале нашей эры готы) постепенно отбирали земли полуострова у мусульман, потомков мавров, захвативших Испанию и основавших на ней свои государства. За Реконкистой началось преследование и принудительное крещение мусульман и иудеев.

Мудехар — представитель мусульманского населения, которое оставалось на территории Пиренейского полуострова, отвоеванной испанскими государствами у арабов.

Андалусия — южная часть Пиренейского полуострова.

Бывшее королевство в Испании, Кастилия состоит из двух областей: Старой Кастилии в северо-западной Испании и Новой Кастилии в центре страны. Здесь имеется в виду Старая Кастилия.

Сьерра — название горных хребтов с зубчатыми гребнями в Испании, испаноязычных странах и в других бывших испанских владениях. Здесь имеются в виду бесплодные и бедные горные области Испании, куда мудехаров переселили из плодородной и цветущей Андалусии.

Аутодафе — торжественное объявление приговора трибунала инквизиции, за которым следовало либо покаяние и возвращение в лоно Церкви, либо казнь «без пролития крови», чаще всего — сожжение на костре.

В начале VIII в. Каталония была завоевана арабами. Затем, в 778 г. Карл Великий вмешался в междоусобные распри мусульманской Испании, взяв несколько городов. Эти далекие события послужили поводом для создания самой знаменитой из поэм французского Средневековья — «Песни о Роланде». На обратном пути баски напали в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла Великого и перебили отступающих франков. Только спустя несколько десятилетий Каталония стала испанской маркой (владением) франков, а с XII в. началось ее объединение с Арагоном.

Аквитанией эти земли называли римляне. По-латыни это имя и означает «страна вод».

Южный канал — судоходный канал на юге Франции, связывающий порт Бордо на Атлантическом океане с портом Сет на Средиземном море. Начинается от реки Гаронна близ Тулузы, проходит через порог Норуз, разделяющий отроги Центрального Французского массива и Пиренеев, по долинам рек Эр и Фрескель к Каркасону и Безье и далее к Сету. Сооружен в 1666 — 1681 гг. под руководством инженера Пьера-Поля Рике (1604/9 — 1680 гг.), который действительно ведал сбором налогов в Лангедоке. Рике умер за год до окончания строительства.

Мотет — жанр многоголосной вокальной музыки.

Вайда красильная (*Isatis tinctoria*) — растение, листья которого дают темно-синюю краску (индиго) для окрашивания сукна. В прошлом она широко культивировалась в Западной Европе как красильное растение. Особенно славилась французская и тюрингская вайда. Красильные растения, содержащие индиго, например *Indigofera tinctoria*, выращивались также в Индии и Америке. В описываемый период краситель индиго начал широко ввозиться из Америки.

Галилео Галилей (1564 — 1642 гг.) настаивал на истинности гелиоцентрической теории Николая Коперника (1473 — 1543 гг.), которую тот противопоставил геоцентрической теории античных философов. Католическая церковь не признавала гелиоцентрическую теорию, воспринимая ее лишь как инструмент для расчетов.

Золото из Тулузы — сокровища, приносящие несчастье, полученные ценой несправедливости и преступления. По одной из легенд, в I в. до н. э. римский консул Сципион ограбил храм Аполлона в Тулузе, спрятал золото и серебро, а затем не смог отыскать свой клад.

Изначально трибуналы инквизиции из монахов-цистерцианцев были созданы в Тулузе в начале XIII в. повелением папы Иннокентия III для борьбы с альбигойцами. При папе Григории IX в 1231 г. институт инквизиции распространился в Европе.

Одно из названий альбигойцев или катаров.

Джулио Ванини Чезаре (1585 — 1619 гг.) — итальянский философ и мыслитель. В книгах «Амфитеатр вечного провидения» и «Диалоги» критиковал христианскую религию. В Тулузе скрывался под именами Лючилио или Помпео Уччио.

Гермес Трисмегист — в древних легендах — основоположник эзотерических знаний, владевший секретами производства «философского камня» и «эликсира бессмертия».

Никколо Макиавелли (1469 — 1527 гг.) — итальянский политический деятель и историк. Жил и работал во Флоренции.

Братства ордена Кающихся, основанного в Италии в конце XIII в.

Филипп IV (1605 — 1665 гг.) — король Испании и Португалии с 1621 г., сын Филиппа III и Маргариты Австрийской. В течение долгого правления Филиппа IV Испания еще оставалась могущественной европейской державой, однако экономический упадок уже сказался на ее военно-политических возможностях, и в столкновениях со своими врагами Испания потерпела тяжёлые поражения. В то же время эпоха Филиппа IV была временем расцвета испанской культуры Золотого века.

Бродяги — они же рутьеры, иностранные наемники в армии в Средние века, зачастую промышлявшие грабежами и разбоем среди населения.

Касситериды — «Оловянные острова», где в древности финикийцы добывали олово для изготовления бронзы. Предполагают, что это лежащие к западу от Англии острова Сцилли (Scilly) и Сурлинг (Surling).

Оливер Кромвель (1599 — 1658 гг.) — политический деятель и военачальник времен Английской революции. Правил Англией с 1649 г., в 1653 — 1658 гг. — лорд-протектор.

61

Нория — черпаковый подъемник, где подвешенные ковши или черпаки перемещают жидкости или сыпучие материалы на высоту до 25 метров.

Фрэнсис Бэкон (1561 — 1626 гг.) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма.

Рене Декарт (1596 — 1650 гг.) — французский математик, физик, философ, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии.

Франсуа Блондель (1618 — 1686 гг.) — французский архитектор, представитель классицизма.

Бернар де Вентадур, или Вентадор (Bernard de Ventadour, ou Ventadorn) (около 1145 — после 1195 гг.) — знаменитый провансальский поэт и трубадур.

Марфа — сестра Лазаря и Марии из Вифании, в доме которых останавливался Иисус Христос. В «Евангелии от Луки» о Марфе говорится как о хорошей и гостеприимной хозяйке. Когда пришел Иисус, Марфа начала готовить угощения, а ее сестра Мария села у ног Иисуса и стала слушать. Марфа упрекнула сестру в том, что та ей не помогает, на что Иисус ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется у нее». Таким образом, образы практичной Марфы и созерцательной Марии стали символом различных установок в жизни христиан.

Капитул — избираемая должность в городском самоуправлении. Капитулы осуществляли судебные функции, а также следили за исполнением ордонансов, взиманием пошлин.

Жан Пикар (1620 — 1682 гг.) — французский астроном. Один из первых членов Парижской Академии наук.

Очевидно, в словах архиепископа содержится намек на высказывание Тертуллиана, ставшее легендарным афоризмом: «Верую, ибо абсурдно». Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (около 160 — после 220 гг.) — христианский теолог и писатель.

Джованни Пико делла Мирандола (1463 — 1494 гг.)
— итальянский мыслитель эпохи Возрождения.

Офир — легендарная страна, упомянутая в Библии, славилась золотом и драгоценными камнями.

Побережье современного Сомали, Аденский залив.

73

Скорее всего имеется в виду оксид ртути и киноварь.

В этих местах еще в Средневековье действительно находились золотые рудники.

Люкарна (фр. *lucarne*, от лат. *lux* «свет») — вертикальный оконный проем в скате крыши, рама которого обычно стоит в той же плоскости, что и стена фасада. Люкарна нередко продолжает стену фасада или располагается параллельно ей. Снаружи обычно украшается наличниками, лепными обрамлениями и другими декоративными элементами.

Ансамбль Валь-де-Грас — памятник архитектуры XVII в. Анна Австрийская, супруга Людовика XIII, долгое время не могла родить и дала обет выстроить прекрасную церковь, если у нее появится наследник. В 1638 г. у королевы родился сын, и в бенедиктинском аббатстве на юге Парижа, в местечке Валь-де-Грас, по проекту архитектора Мансара был заложен храм.

Visitation de Chaillot — в 1651 г. после казни своего мужа, английского короля Карла I, королева Генриетта прибыла во Францию и поселилась в небольшом дворце Шайо в предместьях Парижа. Позднее она основала там монастырь. Впоследствии дворец был разрушен Наполеоном.

Стилос — бронзовый стержень, заостренный конец которого использовался для нанесения текста на дощечку, покрытую воском. Противоположный конец стилоса делался плоским, для того чтобы стирать написанное.

Фериа — большой ежегодный праздник на юге Франции, включающий ярмарки, бои быков и пр.

Ломовик — человек, занимающийся перевозкой тяжестей.

«Кровать для дневного отдыха» (фр. lit de repos) — впервые специальная мебель для возлежания, а не сна, появилась во времена Античности, но потом была забыта и возродилась лишь в XVII в. Первые lit de repos предназначались для послеобеденного сна (сиесты). Впоследствии lit de repos были несколько упрощены и на смену им пришли шезлонг, дюшесс, бержер, кушетка, банкетка, канапе, меридьен.

Фероньерка — обруч или цепочка с драгоценным камнем или жемчужиной посередине, которую носили на лбу. Фероньерки известны с эпохи Возрождения.

Сантьяго-де-Компостела — испанский город, в окрестностях которого было найдено захоронение апостола Иакова. В XII в. Ватикан объявил об отпущении грехов для всех католиков, которые совершат паломничество к могиле апостола. С тех пор пешком в испанскую Галисию ходили миллионы христиан. Один из маршрутов — дорога Св. Иакова — проходил через Тулузу.

Квартал Маре — один из самых изысканных кварталов Парижа. До Французской революции тут жили аристократические семейства.

Эпикур (341/342 — 271/270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. Согласно его учению, человек по своей природе стремится к наслаждениям и избегает страданий, и поэтому наслаждение является мерилom блага.

Марк Порций Катон Старший, или Цензор (234 — 149 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель, писатель, основоположник римской литературной прозы. Отличался приверженностью к строгости нравов. Больше всего известен как непримиримый враг Карфагена и своей фразой «Карфаген должен быть разрушен».

Педро II Арагонский (1176 — 1213 гг.) — союзник южан и Раймонда VI Тулузского в Альбигойских войнах, отказался принести присягу Папе Римскому. Сражался на стороне альбигойцев в битве при Мюрэ в 1213 г., где и был убит крестоносцами Монфора.

Гийом VIII де Монпелье (1158 — 1202 гг.) — сеньор города Монпельез из династии Гийомидов. В 1174 г. женился на Евдоксии Константинопольской (1162/5 — 1202 гг.), племяннице византийского императора Мануила Комнина. Их дочь, Мария де Монпелье (1182/3 — 1214 гг.), стала последней в роду Гийомидов.

Хайме I Завоеватель (1208 — 1276 гг.) — король Арагона в 1213 — 1276 гг. Наследовал своему отцу Педро II, павшему при Мюрэ. Завоевателем его прозвали потому, что он покорил Балеарские острова и королевство Валенсию. Перед смертью разделил свои владения: Балеарские острова (то есть королевство Майорка) достались его младшему сыну Хайме, а все остальное — старшему, Педро III.

В природных алмазах обычно нет игры света, и в Европе до изобретения способов огранки и шлифования алмазов они не имели той цены, которую приобрели позднее. Существует предположение, что приблизительно в 1600 г. в Париже была разработана новая технология обработки алмаза — так называемая «бриллиантовая огранка», которая позволяет максимально выявить естественный блеск и красоту камня. Отсюда происходит и слово «бриллиант» (от фр. *brillant* — блестящий), то есть ограненный и отшлифованный алмаз.

Богомилы — название еретического движения в христианстве X — XV вв., которое появилось на Балканах, в Болгарии, и повлияло на французских катаров. Основателем движения был болгарский священник Василий Богомил.

Церковь Альби (лат. Albigenses, фр. Albigeois) — заимствованное от города Альби в Тарнском департаменте Франции название распространенного в Южной Европе религиозного течения Добрых Людей (катаров).

Альбигойская ересь — еретическое течение в средневековой Европе XII — XIII вв., его последователи исповедовали дуализм: материальный мир считался порождением Дьявола, а духовный мир был сотворен Богом. Эти две силы считались равными и находились в постоянной борьбе между собой. Сама концепция основывалась на следующей идее: несовершенный материальный мир с его несправедливостью и злом не может быть творением Бога.

Циркуляр папы Пия XI «О христианском браке».

Официальное название с XV в. — Священная Римская империя германской нации. Основанная еще в X в., в XVII столетии империя превратилась в конгломерат немецких княжеств и королевств.

«Hommes-de-malles» — носильщики.

Тайфа — историко-географическое название мусульманских эмиратов, появившихся при распаде могущественного Кордовского халифата в начале XI в. Тайфы существовали несколько веков, постепенно уступая Реконкисте. Сама Кордова была покорена Фердинандом III Кастильским в 1236 г. Последняя тайфа — Гранадский эмират — пал в 1492 г.

Католическая церковь почитает братьев-врачей Косму и Дамиана, которые родились в Аравии или Киликии. Трудились они в Малой Азии и в Сирии. Согласно житию, они не принимали оплаты за свой труд, за что назывались бессребрениками. Братья многих обратили в христианство. Были арестованы по приказу префекта Сирии Лисия, отказались отречься от веры, вынесли пытки, приговорены к смерти и казнены. Считается, что это произошло около 303 г. н. э. День святых Космы и Дамиана в католической церкви отмечается 26 сентября. В православной церкви почитают три пары святых — Косму и Дамиана Асийских, Косму и Дамиана, пострадавших в Риме, и Косму и Дамиана Аравийских.

Генеральный викарий — представитель епархиального епископа в области общего управления.

Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493 — 1541 гг.) — швейцарский философ, естествоиспытатель и врач. Сформулировал понимание медицины как универсальной науки, которая объединяет достижения физики, химии, физиологии, опираясь при этом на ценности и установки теологии и философии.

Альберт Великий (ок. 1193 — 1280 гг.) — выдающийся ученый, богослов, философ-схоласт. Его познания были необычайно многосторонними, в частности он автор трактатов о минералах, растениях, животных. С 1223 г. — монах-доминиканец. Учился в Падуе, преподавал в Париже, в Кельне и других городах. Его комментарии к сочинениям Аристотеля положили начало преобразованию и энциклопедической систематизации католического богословия на базе аристотелизма.

Герман Курингус (Конринг) (1605 — 1681 гг.) — немецкий ученый, врач, историк и государствовед. Профессор медицины и политики в Гельмштедте. Принимал участие в заключении Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну. С 1658 г. — советник и лейб-медик шведского короля Карла X, с 1669 г. — советник датского короля. Автор множества произведений в разных областях знания — экономики, политики, права, химии, медицины, богословия. Здесь упоминается его книга «*De Hermetica Aegyptiorum veteris et nova Paracelsicorum medicina*», выпущенная в 1648 г.

Томас Эраст (настоящая фамилия Либер) (1524 — 1583 гг.) — швейцарский протестантский теолог, врач и естествоиспытатель. Основатель эрастианства — направления церковно-богословской мысли в Англии и Швейцарии в XVI—XVII вв.

В XVII в. селитряным спиртом называли азотную кислоту, а соляным спиртом — соляную кислоту.

105

Хлораргирит (кераргирит, роговое серебро) — минерал подкласса хлоридов, AgCl . Выделяется в виде серых или бурых восковидных корочек, пленок. Руда серебра. Есть месторождения в Казахстане, Средней Азии, Мексике.

106

Печь алхимика.

107

Purum aurum — чистое золото (лат.).

Цитера — одно из имен Афродиты, богини любви, красоты. От острова Кифера (Цитера).

Здесь: подставка для книг.

Астролябия — астрономический прибор, изобретенный Гиппархом и до начала XVIII в. служивший для определения положения небесных светил и для геодезических работ.

Вольвеллы — они же круговые или дисковые калькуляторы — вычислительные устройства, состоящие из концентрических кругов с нанесенными на них шкалами или фигурами. В средневековой астрономии вольвеллы широко использовались как модели небесного свода и Солнечной системы. В XVI в. немецкий астроном Петер Алиан издал труд, включавший более 20 различных и очень сложных вольвелл. Эти механизмы также использовались для составления точных календарей.

112

Арпан — старинная французская мера длины и площади. Один квадратный арпан составляет 3418,83 кв. метра, примерно 34 сотки.

113

Росолис — сорт ликера, крепкий сладкий напиток.

По библейскому сказанию, Иисус Навин, предводитель еврейского народа во время завоевания Земли обетованной, в одном из сражений велел остановиться Солнцу и Луне.

115

Туаз — французская мера длины, равная 1,949 метра.

Каталонские горны были распространены только на землях средневековой Франции и Испании. Каталонский горн представлял собой низкую, но интенсивно работающую печь, в которую постепенно загружали шихту. Было три вида таких печей: собственно каталонский горн, самый большой и наиболее производительный, наваррский и бискайский горны меньших размеров. Каждый каталонский горн обслуживало восемь человек.

Яд, благородная дама! (нем.) — *Примеч. автора.*

Великое Делание — согласно представлениям алхимиков, процесс получения философского камня.

Должен ли я проводить купелирование перед всеми? (нем.) — *Примеч. автора.*

Как уже было сказано выше, в примечании к главе 10, речь идет об азотной и соляной кислотах. Золото растворяется в их смеси, так называемой «царской водке».

Мария-Терезия Австрийская (Испанская) (1638 — 1683 гг.) — королева Франции (1660 — 1683 гг.), испанская инфанта, дочь Филиппа IV Испанского и Елизаветы Французской.

Юг де Лионн (Hugues de Lionne) (1611 — 1671 гг.) — французский государственный деятель, к нему благоволил Мазарини; после его смерти Лионн занимался внешней политикой Франции.

123

Гумберт I Белорукий (фр. Humbert Blanches Mains, ок. 980 — 1048 гг.) — первый в хрониках граф Савойский с 1032 г. Прозвище Белорукий получил, вероятно, за честность.

Кристина Французская (1606 — 1663 гг.) — средняя дочь короля Генриха IV и Марии Медичи, герцогиня Савойская.

Мария Манчини (1639 — 1716 гг.) — племянница кардинала Мазарини, первая любовь Людовика XIV. Они вынуждены были расстаться после того, как решилась свадьба Людовика с испанской инфантой Марией-Терезией. В 1661 г. она вышла замуж за Лоренцо Онофрио Колонна, герцога Тальяколи, князя Палиано и Кастильоне, коннетабля Неаполитанского королевства.

Олимпия Манчини (1639 — 1708 гг.) — дочь Джироланы Мазарини, сестры кардинала; графиня де Суассон, супруга (с 1657 г.) Энгерра Морица Савойского, графа Суассона (1633 — 1673 гг.). Играла большую роль при дворе. В юные годы недолго была фавориткой Людовика XIV. Мать известного полководца Евгения Савойского.

Луис Мендес де Аро (1598 — 1661 гг.) — первый министр Испании в 1643 — 1661 гг.

Карл V Габсбург (1500 — 1558 гг.) — император Священной Римской империи из династии Габсбургов. При жизни был крупнейшим государственным деятелем Европы. Его владения включали в себя не только Испанию, Нидерланды и земли Германии, но и испанские колонии в Америке. Говорили, что над империей Карла V никогда не заходит солнце.

Оба дворянских рода были противниками в Религиозных войнах во второй половине XVI в. На стороне католиков выступали Гиз, Монморанси, Сент-Андре, на стороне протестантов — Роган, Колиньи

130

Иов, 36, 16.

Алиенора (Элеонора, Алиенор, Альенора) Аквитанская (фр. Alienor d'Aquitaine) (1122 — 1204 гг.) — герцогиня Аквитанская и Гасконская, внучка первого трубадура Прованса Гийома IX Аквитанского, графиня де Пуатье, королева Франции в первом браке с французским королем Людовиком VII, затем королева Англии во втором браке с английским королем Генрихом Плантагенетом, мать двух английских королей — Ричарда Львиное Сердце и Иоанна (Джона) Безземельного. Славилась необычайной красотой, ей посвящал свои канцоны знаменитый трубадур Бернар де Вентадур. Алиенора обладала твердой волей и была одной из самых богатых и влиятельных женщин Европы.

Людовик IX Святой (1214 — 1270 гг.), король Франции с 1226 г. Возглавлял VII и VIII Крестовые походы, во время последнего похода скончался в Тунисе. Канонизирован папой Бонифацием VIII в 1297 г.

Вид квадратного пуфа. — *Прим. автора.*

В день Богоявления, или Поклонения волхвов, (6 января) во Франции и (и некоторых других европейских странах) готовят праздничный пирог, куда запекают боб или маленькую фигурку. Пирог разрезают на несколько частей, и тот, кому достанется кусок с бобом или фигуркой, становится королем или королевой праздника.

Эта должность существовала во Франции и некоторых других европейских странах еще со Средних веков.

Франсуа Ватель (ок. 1624 — 1671 гг.) — дворецкий Никола Фуке, затем служил принцу Конде. Покончил с собой во время празднества, которое было организовано для короля. Согласно письму мадам де Севинье, он сделал это потому, что вовремя не подвезли рыбу. Про Вателя ходит немало легенд.